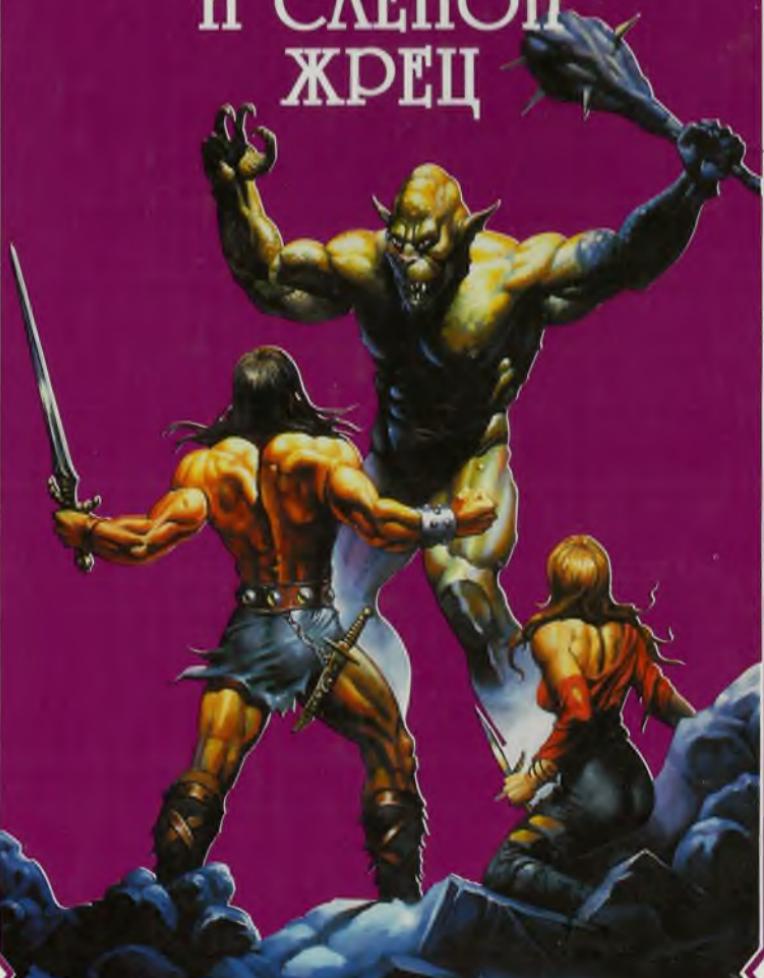

КОНАН И СЛЕПОЙ ЖРЕЦ

САЈА О КОНАЊЕ

КОНАН И ЧЕТВРЕ СТИХИИ 1	КОНАН И ЕДИН ТЫМЫ 2	КОНАН И МЕМ ХОЛАСТИ 3	КОНАН БРОСАЕТ БЫЛОВ 4	КОНАН И ПОСВЯЩЕНІЕ ПЕЦІР 5	КОНАН И ПІСЕННІЕ СИГОВ 6	КОНАН И НЕІСЧІЛНА СЕКІРА 7	КОНАН НА ДОРОГЕ КОРОЛЕВ 8	КОНАН ПРИЙМАЕТ БОІ 9
КОНАН И КРУГЛІ БОГОВ 10	КОНАН И ДАР МІНІМЫ 11	КОНАН И НОРНІЕ КАЛІНКИ 12	КОНАН И ТРОТ ДАЙОМЫ 13	КОНАН И ЗЕРКАЛО ГРДАЧІГО 14	КОНАН И ВРЕМЯ ХАЛАЕЗІ СТРІЛ 15	КОНАН И ЧІСМ БОЙІМ 16	КОНАН И ТАЛАНІМІ ЗДА 17	КОНАН НЕРІ НЕРДАА 18
КОНАН И ПОРА ПАЧІНЕНІ ЛУШ 19	КОНАН ІСТОРИЧЕ СУДЕЙ 20	КОНАН И СВІАНІ АРНІМАТА 21	КОНАН И БАГРОВОЕ ОКО 22	КОНАН И ПРИЧІНО ПРОШАЛОГО 23	КОНАН ІВОІСТВО МІРАК 24	КОНАН БАРВАР ИЗ КІММЕРІИ 25	КОНАН И РІЖІЙ БІСТРЯ 26	КОНАН И ГАВІ ВІЗ ІЗДАМЫ 27
КОНАН И ЗАДВОР ГІНІН 28	КОНАН ІД КОЛІМ КРОМА 29	КОНАН И БРАЗ ВІЧНОСТИ 30	КОНАН И КАКСАНИ ЛАЗІРНІЙ 31	КОНАН И ПІСКІСТОМ ІДОМ 32	КОНАН И ЧІДА ІССІМЕТНІ 33	КОНАН И АВЛАННОЙ СТАЖ 34	КОНАН ІСТОРИЧЕ СРЕДІЗЕМНІ 35	КОНАН И АЛАТАР ІСІДЕМ 36
КОНАН И БІЛІВ БІССІМІТНІ 37	КОНАН І ПОСВЯЩЕНІ ПЕЦІТН 38	КОНАН И ЕДЕ БРОСАТЬМЫ 39	КОНАН И ОКОВЫ ВІЗМОЛІНІЯ 40	КОНАН И ГЛАДИЦІ НЕМЕС 41	КОНАН И ДІВЕРІ МІНІВ 42	КОНАН И КОЛМІО ВЛАСТИ 43	КОНАН И ЗОВ ДІРІНІХ 44	КОНАН И ПРОРОК ТЫММ 45
КОНАН И ДІНЕВ СІТА 46	КОНАН И ХРАМ БОІІ 47	КОНАН И КОРОМ ВОРОЕ 48	КОНАН И ПІДСІДЛІ ОГОНЬ 49	КОНАН И АЛТЕК ІЛГІМІР 50	КОНАН И КАДІМДА ЗАЕІ 51	КОНАН И ХОДІННІ ОКЕАНА 52	КОНАН И КІРОВА МІРА 53	КОНАН ІД СІДІВІС СІТА 54
КОНАН И СІЛІВІЕ ЗДА 55	КОНАН И ЗВІДА ІЛДІНДА 56	КОНАН И СЛАВІ ХАОСА 57	КОНАН И ЖЕРС ТАІІМА 58	КОНАН ІСІДОРАЕ ПІСТОВ 59	КОНАН И ПОВАРІА МОЛНІНІ 60	КОНАН И ТІНІРІ ХАЛЬВОРІН 61	КОНАН И АСАДІН БУРІ 62	КОНАН И СЛАДА ІСІДОРАНІ 63

КОНАН И СЛЕПОЙ ЖРЕЦ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»
МОСКВА • Санкт-Петербург • 2006

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)
Б87

Серия «Конан» основана в 1993 году

Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги
или любой ее части, в любой форме,
в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Подписано в печать 10.03.06. Формат 84x108 1/32.
Усл. печ. л. 21,0. Тираж 7 000 экз. Заказ № 3314.

Брайан, Д.

Б87 Конан и слепой жрец : [сборник] / Дуглас Брайан. —
М.: АСТ; СПб.: Северо-Запад Пресс, 2006. — 390, [10] с. —
(Конан).

ISBN 5-17-036863-1 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 5-93698-335-8 («Северо-Запад Пресс»)

Конан-киммериец скитается по свету в поисках приключений. Он охотится на загадочных чудовищ, воюет с колдунами и некромантами от Венеции до Кхитая и восстанавливает справедливость по всей Хайбории, спасая невиновных и карая Зло.

УДК 821.111(73)
ББК 84 (7Сое)

© Д. Вяземский, серийное оформление, 2006
© С. Шиккин, оборт, 2005
© «Северо-Запад Пресс», составление и
подготовка текста, 2006

Забытые богини

Глава первая

Неприятности — крупные, средние и мелкие

новостям следует прислушиваться внимательнее. Обычно Конан следовал этому правилу, которое, случалось, спасало ему жизнь — а иногда и приносило некоторый доход. Но в тот вечер в Шадизаре киммериец слишком усердно возносил хвалы молодому вину из Аквилонии. Его продавали почти даром, и произошло это по очень простой причине: глупый купец слишком долго добирался до Шадизара из Аквилонии.

Впрочем, купец-то как раз был неглуп: он полагал, что его товар найдет у здешних ценителей выпивки полное понимание. Освежающее, кисловатое вино, по вкусу похожее на легкое пиво, которым подкрепляются в жару работающие на полях местные крестьяне, пришлось бы по

вкусу и людям более изысканным, нежели какие-то пахари с грязными руками. В Аквилонии, когда наступает время молодого вина, этому напитку отдают должное и простолюдины, и аристократы. Затея привить сей обычай в Шадизаре сама по себе была недурна и сулила предприимчивому торговцу немалое обогащение.

Однако следовало спешить. Он изготовил специальные мехи для вина, чтобы оно сохранялось в относительной прохладе. Нанял самых лучших, самых выносливых и быстрых верблюдов. Собрал охранников для каравана. И поспешил тронулся в путь.

Шадизар никогда не страдал от отсутствия в этом городе разного рода жуликов, прохвостов и оборотистых негодяев. О затее купца узнали, как ни старался он хранить все в глубочайшей тайне. Конкурентам пришлось выложить несколько десятков золотых, чтобы подкупить доверенное лицо незадачливого торговца — ни начальник охраны, ни тем более рядовые охранники ничего не знали, — и выведать о намерениях хозяина.

Тотчас соперники нашего купца принялись за дело. В ход пошли немалые суммы. И в результате на обратном пути на караван, везущий драгоценный груз, обрушились многочисленные беды. То охромеет лучший верблюд, то вдруг нападут разбойники и уведут нескольких вычурных животных с поклажей, то проводник — и как только такое могло случиться? — съется с караванной тропы...

И в результате вино в Шадизар прибыло уже подкисшим. Оно по-прежнему будоражило кровь. Прямо скажем, слишком сильно будоражило — валило с ног даже буйвола. И оттого не могло быть предложено к столу изысканных господ, а прямо из походных бурдюков перекочевало в глиняные чаны дешевых трактиров. И послужило причиной повального пьянства среди простолюдинов самого отъявленного толка.

Убытки были огромны — купец находился на грани разорения. Его противники с довольным видом потирали руки. Не следует пускаться в слишком уж рискованные предприятия — это всегда чревато бедами. Разумеется, в случае успеха торговец бы обогатился так, как не снилось никому из его недругов, но... что случилось, то случилось.

Таковы были крупные неприятности, о которых судачили в тот день в Шадизаре.

Конан околачивался на воровской окраине этого великолепного города. Настроение у варвара было мрачное. В очередной раз сокровища поманили его и скрылись из глаз. Он даже не хотел вспоминать о том, как это случилось. Хуже всего, как он полагал, было то обстоятельство, что денег в кошеле на пояске оставалось слишком мало, чтобы напиться и обрести хотя бы слабое утешение в вине.

По характеру Конан был склонен к печали, хотя и не отдавал себе в этом отчета. Он не любил копаться в своих настроениях, как это делают «цивилизованные» люди. По правде сказать,

всякую «цивилизацию» он презирал, поскольку она порождала мужчин, подверженных истерикам, панике, слабости, — мужчин, похожих на скверно воспитанных женщин. Эти-то господа охотно демонстрировали всякие нюансы своих душевных состояний. Конан никогда не опускался до подобного. И если уж накатывала на него ничем не объяснимая меланхолия — разлив «черной желчи», — то он отдавался настроению, точно стихии, погружался в него, как корабль погружается в бурю.

Лучшим лекарством от этого он находил вино. А в Шадизаре, как по заказу, появилось море грошового вина. И не беда, что оно на вкус было кислым и отдавало козлом. Киммериец не находил в этом привкусе ничего скверногого. У него на родине козами пахли и молоко, и одежда, и постель, и посуда.

В компании пьяниц самого сомнительного вида киммериец накачивался испорченным молодым вином из Аквилонии. Поначалу он не пьянел и даже желанного головокружения не наступало.

Напротив, голова делалась все тяжелее, и, соответственно, все более тяжкими и мрачными становились бродившие в ней мысли. Правда, мысли эти были неоформленными — так, слипшиеся глиняные кучи.

Но постепенно глина размягчалась, тяжесть отступала, мысли растворялись. Через два часа усердных возлияний Конан впервые усмехнулся. Ему стало весело.

Кругом шла игра, в углу двое жуликов безуспешно пытались обчистить третьего; несколько продажных женщин честно старались обслужить клиентов, но, сраженные действием аквилонского напитка, оказались в состоянии лишь плюхнуться избранникам на колени и заснуть, обвив руками их шеи.

Конан размышлял о том, куда бы ему податься из Шадизара. Ближайшей целью виделся киммерийцу небольшой городок, называемый Аш-Шахба: некогда это была крепость, охраняющая подступы к Шадизару от орд диких кочевников пустыни; но с годами орды кочевников отошли в область преданий, а крепость превратилась в небольшой городок и недавно обрела собственного правителя.

Бот об этом-то правителе и сплетничали собирающиеся в трактире люди, и Конану стоило бы прислушаться к их разговорам. Говорили, в частности, о том, что недавно он возвысил до положения первой жены свою новую наложницу по имени Альфия.

Не возвысил, возражали другие, а проявил слабость, когда она сама пролезла к нему в постель, подкупив евнухов и воспользовавшись глупостью прежней любимицы господина.

До сих пор у правителя не было сына. Зная о заветной мечте господина, Альфия и здесь нашла способ расположить его к себе: она отдала подаренное ей правителем ожерелье одной прорицательнице, чтобы та явилась во дворец и предсказала скорое рождение сына от Альфии.

Ожерелье было дорогим и изумительно красивым; предсказательница изрекала свои пророчества на редкость убедительно... и Альфия постепенно забрала в Аш-Шахба немало власти.

Сын у нее, правда, так и не родился. Она вообще не забеременела. По слухам, Альфия была бесплодна, и тщетно возносила она молитвы своим темным божествам. Однако правитель, отчасти ослепленный ее чарами, отчасти просто по безволию и старости, сохранил за ней положение первой жены и научился закрывать глаза на то обстоятельство, что властная женщина отдает распоряжения от имени правителя и даже ухитряется приговаривать людей к смертной казни, причем зачастую — лишь из прихоти.

Она расправилась с теми женами господина, что некогда проявляли неудовольствие возвышением новой наложницы. Не избежали гнева Альфии и родственники этих несчастных.

— Не следует идти в город, где властвует подобная женщина, — качал головой немолодой бродяга с заплывшим клеймом на щеке: оно было поставлено очень давно и успело превратиться в подобие шрама, но Конан наметанным глазом сразу распознал происхождение этого рубца.

Киммериец так увлекся собственной догадливостью по части прошлого своего собеседника, что совершенно не слушал его.

Рассказ об Альфии почему-то пролетел мимо конановых ушей, и это послужило причиной неприятностей, которые обрушились на киммерийца чуть позднее.

* * *

По праву неприятности эти можно было бы назвать «средними». Во всяком случае, по отношению к тем, что постигли несчастного шадизарского купца, которого разорили зависть соперников и собственная лихая предпримчивость.

Конан отправился в Аш-Шахба. Просто потому, что этот городок лежал на его пути. Просто потому, что ему было все равно, куда податься.

Город не показался ему сколько-нибудь примечательным. Серые стены, пыльные улицы, одна рыночная площадь и несколько на диво скучных постоялых дворов. Торговля здесь шла вяло: сказывалась близость Шадизара, куда стягивалось множество караванных путей. В Аш-Шахба оседало лишь то, что не находило сбыта в большом городе.

Киммериец не рассчитывал задержаться здесь надолго. Самое большое — на пару ночей. Но случилось иначе, и винить за это Конан мог только самого себя: следовало внимательнее слушать сплетни об Альфии, которыми угощали его в шадизарском трактире.

Первая супруга правителя понимала, что сберечь свое положение она сможет лишь в том случае, если пророчество действительно сбудется, и она произведет на свет сына. Иначе Альфию ждет незавидное будущее. Правитель может прогнать от себя жену-обманщицу, и подобный исход еще был бы достаточно неплох. Поэтому что если правитель скончается, а у Альфии

так и не будет сына, то все, кому она причиняла горе, ополчатся на нее.

А правитель старел и все меньше был расположен посещать своих жен. Альфия всерьез задумывалась о том, чтобы найти какого-нибудь говорчика малого, который согласится одарить ее вниманием. Интрига осложнялась несколькими обстоятельствами. Во-первых, Альфия не имела права покидать дворец без свиты: все-таки она оставалась женой восточного владыки и обязана была ему повиноваться, хотя бы для виду. Во-вторых, требуемый «заменитель» мужа на супружеском ложе должен был обладать некоторым сходством с самим правителем, а отыскать такого человека непросто. В-третьих, Альфии необходимы были преданные ей люди, неболтливые и услужливые. Потому что после оказания вышеупомянутой «услуги» парня следовало убрать, тихо и незаметно. Иначе он может проболтаться. В скромность мужчин Альфия не верила. Пара кружек вина — и мужчина уже начинает рассказывать о своих победах; а если его взяла к себе в постель сама правительница, то новость будет прямо-таки жечь ему язык. Нет уж. Рисковать ни в коем случае нельзя.

Слухи, слухи... Какое дело киммерийцу до сплетен, которыми полнятся улицы маленького городка, затерянного в тени великого Шадизара? Станет Конан прислушиваться к разговорам, занимающим умы глупых обывателей! Нет уж. Он спокойно допьет вино, переночует под стеной караван-сарай — и тронется в путь. Он даже не

обернется, чтобы в последний раз увидеть серые стены Аш-Шахба.

Неожиданно рядом с ним оказался некий человек, до самых глаз закутанный в черное покрывало. Глаза эти, темные и блестящие, все время бегали, избегая останавливаться на лице собеседника.

Конан придинул кружку поближе к себе.

— Что тебе надо? — угрюмо осведомился киммериец.

— Хочу предложить работу, — сказал незнакомец очень тихо.

— Странно, — отозвался Конан и замолчал, созерцая содержимое своей кружки.

Незнакомец щелкнул пальцами, подзывая хозяина, и выложил на стол монету.

— Наполни кружку этого человека, — велел он.

К удивлению Конана, хозяин поклонился и быстро исполнил приказ. Монета так и осталась лежать на столе — хозяин даже не прикоснулся к ней. Очевидно, он узнал человека, закутанного в черный плащ.

Конан понял, что должен проявить определенный интерес к собеседнику. Но киммерийцу было скучно, и он ничего не мог с собой поделать. Все эти тайны и покрывала оставляли его сегодня равнодушным.

Тем временем незнакомец повернулся опять к киммерийцу.

— Ты сказал — «странно», — вернулся он к разговору. — Что ты имел в виду?

— Странно, что ты предлагаешь мне рабо-

ту, — пояснил Конан, невозмутимо прихлебывая вино.

— Почему?

— Потому что я не похож на человека, который охотно берется за работу. Я вообще не люблю работать. Странно, что ты не заметил этого обстоятельства.

— Не любишь работать? — переспросил незнакомец, немного сбитый с толку.

— Если бы я любил работать, — Конан наклонился к нему через стол, пристально разглядывая черные глаза и полоску смуглой кожи, видневшуюся под покрывалом, — то находился бы сейчас не в этом клоповнике, а где-нибудь в поле, с мотыгой, или на мельнице... с мельничным жерновом на шее.

Незнакомец моргнул.

— Я неудачно выразился, — сказал он. — Я хотел предложить тебе... дело. Не работу. Маленькое дельце. Услугу dame.

— Аш-Шахба — маленький город, — проговорил Конан, — но даже в таком маленьком городе есть рынок. Время от времени на этом рынке наверняка появляются рабы. Пусть купит себе по дешевке какого-нибудь громилу. Я дорого стою.

— Услуга пустяковая, — заверил незнакомец. — И не из таких, ради которых стоит покупать на рынке громилу.

— Ладно, — милостиво кивнул Конан. — Слушаю.

— Ты ведь здесь человек пришлый? — зачем-то спросил незнакомец.

— К делу, — перебил Конан. — Обо мне поговорим потом. Если у меня будет настроение.

Незнакомец странно напрягся. Сейчас он напоминал Конану торговца, который находится на пороге чрезвычайно выгодной сделки. Большая ошибка. Покупатель всегда чувствует настроение продавца; и если тот стремится продать некий товар, стремится всеми силами души, напряжением всей воли; то покупатель ощущает подвох и чаще всего покидает лавку без товара.

Конан поневоле заинтересовался. Итак, для оказания некоей услуги dame требуется человек не местный. Человек, который исчезнет из города и никогда больше здесь не появится.

Или — другой вариант, — человек, которого можно убрать так, что ни родственники, ни друзья его не хватятся. Был — и нету. Какой-то бродяга. И никому нет дела. Ни единого вопроса.

Впервые за долгое время Конан почувствовал, как в нем шевельнулся червячок любопытства.

— Итак, ты не здешний, — продолжал незнакомец медленно. Теперь его глаза остановились и впились в лицо киммерийца.

Пустые глаза, без зрачков. Конан догадался: это от постоянного употребления наркотиков. Здешний люд жует какую-то белую кору, от которой зрачок расплзается во всю ширь радужки, а в голове становится пусто и ясно, так что если там и возникает некая мысль, ничто не

препятствует ей развиваться в тишине, покое и почти идеальном одиночестве.

— Моя госпожа нуждается в мужчине, который подарил бы ей ребенка, — прошептал незнакомец. — В мужчине, похожем на тебя.

— Почему на меня? — удивился Конан.

Будь он повнимательнее к окружающему, то успел бы узнать, что у здешнего правителя — голубые глаза. В окрестностях Шадизара это была редкость: местные уроженцы смуглы и темноглазы, а светлые, особенно голубые глаза представляются знаком опасным. Они указывают на избранника богов, на человека, отмеченного свыше — и потому могущего принести как великие блага, так и великие беды.

Родить своему господину синеглазого мальчика было заветной мечтой Альфии. И киммериец как нельзя лучше подходил для того, чтобы коварная наложница приблизилась к своей цели.

— Моей госпоже нужен сильный, красивый, молодой мужчина, — шептал посланник Альфии. — Мужчина с голубыми глазами. Она одарит тебя драгоценными камнями и золотыми монетами за одну ночь любви. Неужели ты находишь подобную работу нежеланной или скучной?

Конан покачал головой.

— Не называй больше свое поручение «работой», друг. Идем — покажи мне, где обитает твоя госпожа, и я приму окончательное решение.

Он поднялся, пошатываясь, и протянул незнакомцу руку.

* * *

Его привели в дом, который внешне ничем не отличался от прочих: те же сложенные глино-битными кирпичами глухие стены, обращенные в переулок, такая же плоская крыша, на которой сохнет коровий навоз — будущее топливо для печей.

Однако стоило Конану войти, согнувшись в три погибели, в маленькую деревянную дверь, увенчанную простой резьбой, как перед ним распахнулись настоящие райские кущи. Прямо за стенами располагался небольшой покойчик, застланный коврами, шелковыми подушками и покрывалами, заставленный кувшинами, причудливыми лампами, сосудиками, содержащими в себе благовония, шкатулками с драгоценностями. Четвертой стены у покоя не имелось — он выходил прямо во внутренний садик, где журчал хрустальный фонтан и цветли диковинные цветы, а между тщательно подстриженными кустами бродили белые фазаны и цесарки.

Конан уселся на ковры, скрестив ноги. Нельзя сказать, чтобы подобная роскошь была ему в диковину: ему и прежде доводилось проникать в дома шадизарских вельмож... которых он пытался ограбить, причем иногда небезуспешно. А во дворцах могущественных колдунов встречались киммерийцу сокровища куда более великолеп-

ные — что, впрочем, не спасало самих владельцев этих сокровищ от погибели: уж кого Конан не выносил, так это колдунов.

Впрочем, в доме, где он очутился, магией и не пахло. Обычное обиталище избалованной женщины. Должно быть, красивой. Конан, как правило, не отказывал дамам в подобного рода услугах. Особенно — незнакомым. Близкие приятельницы, вроде Зонары или Карелы, порой вызывали у него слишком противоречивые чувства, чего не скажешь об очаровательных незнакомках, которые оказывались в объятиях варвра случайно — и лишь на одну ночь.

Но той, что предстала перед ним, суждено было стать исключением.

В ожидании женщины Конан устроился совершенно по-хозяйски: ему принесли фруктов, выпивки, несколько свежих лепешек и здоровенный кусок баранины, а также большой сосуд с розовой водой для омовения. В одной набедренной повязке, с жиром на подбородке, Конан лежал на коврах и плевался косточками в пыль садика. Глупые фазаны подбегали к косточкам и рассматривали их, смешно поворачивая увенчанные коронами головы, а затем, обнаружив, что «лакомство» несъедобно, с достоинством отступали. Конана это веселило.

Он так увлекся своими развлечениями, что не сразу заметил появление женщины. Она выступила из полумрака, закутанная в покрывало, и уставилась на него из-под полуупрозрачной ткани:

Конан наконец ощутил на себе чужой взгляд и сразу подобрался. Нечто неприятное исходило от Альфии — нечто, пока не поддающееся определению. Ноздри варвара раздулись, словно он пытался определить по запаху — не колдунья ли перед ним.

Но Альфия не была колдуньей, и это он понял почти сразу. Самое большее, на что была способна эта женщина, — ложь и интрига. Ну и, разумеется, яд в бокале с вином. А также кинжал наемного убийцы. Все это ничуть не пугало Конана.

Ему не понравилось другое. Женщина не успела еще снять покрывало, а Конан уже чувствовал к ней отвращение. С ним подобного не случалось уже давно. Быть может — никогда.

Дело в том, что у Альфии были кривые ноги. Короткие, довольно толстые — и искривленные. И никакое покрывало, никакие просторные шаровары не могли скрыть сего прискорбного обстоятельства.

Конан вздохнул. Возможно, у нее окажется красивое лицо... Ему случалось видеть горбуний с изумительно привлекательными лицами.

Однако Альфия, похоже, не оставляла ему выбора: стоило ей снять покрывало, и Конан прикусил губу — лицо, открывшееся ему, было грубоватым и злым. Вдавленная переносица, небольшие узкие глаза и мясистый нос в сочетании с густыми бровями и чувственно вывернутыми губами не вызывали никаких чувств, кроме неприязни.

Она подошла к варвару и пристально уставилась на него.

— Да, — уронила она наконец, когда осмотр был закончен, — ты мне подходишь. У тебя голубые глаза.

— Тебе не говорили, что от голубоглазого мужчины не обязательно рождаются голубоглазые дети? — спросил Конан.

Альфия презрительно фыркнула:

— Я плачу тебе золотом и драгоценностями не за то, чтобы ты рассуждал!

— До сих пор я не видел платы, — сказал Конан, неприятно улыбаясь. — Возможно, деньги убедят меня в том, что ты хоть немного привлекательна. Пока что я вижу перед собой уродину, которая мнит, будто принадлежности к женскому роду довольно для того, чтобы соблазнить мужчину.

У Альфии затрясся подбородок.

— По какому праву ты оскорбляешь меня, варвар? — прошипела она.

— По праву мужчины, который волен желать или не желать женщину, — он пожал плечами. — Твое угощение было вкусным, но продолжение мне не понравилось. Позволь, я не стану больше злоупотреблять твоим гостеприимством.

Она вцепилась ему в рукав.

— Ты полагаешь, будто можешь уйти от меня просто так?

— Полагаю, — сказал Конан. — Потому что ты некрасива, не привлекательна и злобна. Будь ты хотя бы доброй, я бы остался с тобой и по-

старался помочь тебе в этом деле. — Он улыбнулся. — Поверь, я знаю, как важны для женщин подобные вещи. Ребенок — это меч, которым мать вольна сразить любого врага. Я сам когда-то был таким ребенком... Ребенком, который вырос и отомстил нашим врагам.

Слушая Конана, Альфия кусала губы. Струйка крови потекла по ее плоскому подбородку. Конан коснулся ее щеки.

— И если ты не научишься быть ласковой с теми мужчинами, которых желаешь залучить в свою постель, то готовься к разочарованиям: ни один из них не заставит себя одарить тебя ребенком — ни за какие сокровища мира.

— Мой господин нашел меня достаточно привлекательной, — сказала Альфия глухо.

— Вероятно, твой господин подслеповат, — заметил Конан. — Позволь мне уйти. Я не возьму с тебя ни гроша, хотя по справедливости следовало бы заплатить мне за беспокойство.

— Неужели ты считаешь, что я разрешу тебе уйти теперь, когда ты узнал мою тайну да еще и оскорбил меня вдобавок?

— Какую тайну? — Конан пожал плечами. — Полагаю, тайна твоего уродства известна в вашем городке решительно всем. Тайна твоего бесплодия, вероятно, тоже не является такой уж тайной.

— До сих пор никто еще не знал о моих... встречах со светлоглазыми мужчинами, — вымолвила Альфия. — И не надейся на то, что становишь исключением.

— Так ты убивала всех своих любовников? — Конан уставился на женщину с любопытством, как если бы она была не человеком, а каким-то диковинным зверьком. — Ничего удивительного в том, что у тебя такое отвратительное лицо, Альфия. Холодное убийство никого не украшает. Я еще понимаю — убить кого-нибудь в драке или во время сражения... — Он улыбнулся чуть мечтательно. — Но лежать в постели с мужчиной и знать, что наутро придут какие-то громилы и проломят ему голову... Обнимать его за шею, зная, что через несколько часов эта шея будет сломана или перетянута шнуром... Целовать губы и не забывать о том, что скоро они покернеют от яда... Дорогая Альфия, ты меня изумляешь! Ты — законченная гадина, и я рад, что имею драгоценную возможность сказать тебе об этом в лицо.

— Стража! — завизжала женщина. — Воры! Грабитель! Взять его!

Она кричала отчаянно и так громко, что у Конана звенело в ушах, а между тем лицо Альфии оставалось неподвижным и хмурым, и глаза смотрели все так же неподвижно и все с той же сосредоточенной ненавистью.

Конан бросился к выходу, но единственная низенькая дверца уже отворилась, и в комнату вбежало несколько человек с обнаженными мечами. Конан отскочил от них, увернулся от двух-трех ударов и метнулся к садику, рассчитывая отыскать путь к стене: взобраться на стену и перепрыгнуть через нее на улицу было для

киммерийца очень простым делом. Но и там путь ему преградили вооруженные люди.

После нескольких минут беспорядочной погони Конан получил сильный удар по голове и на время потерял сознание. Он очнулся, впрочем, довольно скоро — и лишь для того, чтобы удостовериться: руки и ноги его накрепко связаны и сам он прикручен к одной из колонн, что украшали внутреннюю галерею вокруг садика.

Инстинктивно он поиском глазами Альфию, полагая, что увидит злобное торжество на ее уродливом лице. Однако — о чудо! — картина, представшая взору киммерийца, была совершенной иной.

Рослый человек в длинных белых одеждах с единственным украшением — широкой золотой цепью на груди, — высыпался посреди сада. Справа и слева от него стояли стражники с мечами и копьями. Человек этот был немолод. Морщины прорезали его темное лицо, обрамленное белоснежной бородой. И тем удивительнее сверкали на этом старом смуглом лице очень светлые голубые глаза.

Альфия лежала у его ног, громко всхлипывая. Правитель смотрел на нее с грустной усмешкой. Затем он заговорил.

— Ты принимала втайне от меня любовников в этом доме. Глупая женщина, до чего довело тебя твое сладострастие? Ты сделала меня посмешищем.

— Господин, — всхлипнула Альфия, — меня оклеветали!

Правитель оглянулся, ища глазами кого-то среди своей свиты. Вперед выступил кругленький человечек с пухлыми щеками — евнух. Он испуганно обвел взглядом стражников, а затем подбежал к правителью и пал перед ним на колени.

— Господин! — закричал евнух тонким голосом. — Эта женщина лжет! Она отравила мою сестру, одну из преданных твоих служанок, потому что ты однажды обратил на бедняжку свое сиятельное внимание! Она повсюду разыскивала молодых мужчин и звала их в этот дом, дабы они ублажали ее. Я сам это видел, потому что, — евнух склонил голову к земле и коснулся лбом сапог господина, — потому что она иногда посыпала на поиски новых мужчин меня.

Правитель слегка подтолкнул евнуха сапогом.

— Поднимись и говори яснее — мне плохо слышно, что ты там бормочешь, — велел правитель.

Евнух тотчас выпрямился, как будто в нем дернулась пружинка.

— Я исполнял ее поручения и разыскивал для нее любовников на рынке и в караван-сараях, — повторил обвинитель и метнул в сторону Альфии испуганный взгляд. — Спроси ее, куда исчезали те мужчины, что дарили ей преступные ласки!

— Должно быть, она от них избавлялась, — сказал правитель со вздохом. — Что ж, по-своему это было разумно. Но она зашла слишком далеко и будет наказана.

— Господин! — зарыдала Альфия. — Я всегда была предана тебе одному!

Не слушая женщину, правитель обратил взор на Конана.

— Теперь — ты, варвар, — сказал он. — Полагаю, ты был любовником этой женщины?

Лицо Конана передернула гримаса.

— Нет, — ответил он. — И, поверь мне, даже не собирался. Будь я проклят, если прикоснулся к ней хотя бы пальцем.

— Возможно, ты не успел, — сказал правитель.

— Возможно, меня тошнит от одного ее вида, — добавил Конан.

Правитель вспыхнул.

— Как ты смеешь, варвар!..

— Ты сам распустил свою наложницу, — сказал Конан. — Наведи порядок в собственном городе — и предоставь бродягам, вроде меня, судить обо всем со стороны.

— Для бродяги ты слишком волен в речах, — заметил правитель. — Полагаю, обвинения в воровстве будет для тебя довольно. Завтра ты будешь продан на рынке первому, кто предложит за тебя приличную цену, — и я надеюсь больше никогда тебя не встретить. — Правитель махнул рукой стражам: — Уведите его.

Четверо отделились от толпы остальных и приблизились к Конану.

Они не стали рисковать и угостили его новым ударом по голове, прежде чем отвязывать от колонны здоровяка-варвара.

Таковы были мелкие неприятности, постигшие киммерийца в тот памятный день в городке под названием Аш-Шахба, неподалеку от Шадизара.

Глава вторая

Танцовщица с рынка

Дартин подпирал собой полуобвалившуюся стену лавки, где продавали благовония. В лавке кто-то отчаянно торговался, покупая грошевые курения, носившие претенциозное наименование «Зеленая Роза». Согласно легенде, их создала из собственной крови сама богиня Бэлит, когда ей случилось влюбиться в смертного воина. Подробности этого увлекательного романа служили сюжетом для поэм множества бродячих певцов и, признаемся честно, в свое время принесли немалый доход сочинителям слезливых песен и увлекательных поэм. Сейчас же, как это нередко случается с героическими песнопениями, история сотворения благоуханий «Зеленої рози» опустилась до того, что сделалась главным аргументом торговца, лукавого и алчного.

Дартин слушал громкий басовитый голос, назойливо доносившийся до его слуха из лавки, и морщился. Надоела ему эта Аш-Шахба. И люди здешние надоели. В Шадизаре, как ни странно, он находил больше уединения. Там можно было укрыться в толпе и за целый день не встретить ни одного знакомого. В Аш-Шахба подобная рос-

кошь совершенно недоступна. Здесь все друг друга знают. И память на лица у местных обитателей просто потрясающая. На несколько лет Дартин покидал Аш-Шахба и странствовал в области реки Запорожки — и тем не менее после возвращения не было торговца, нищего, жреца или просто прохожего, который не признал бы в нем «того самого Дартина».

От этого-то житья у всех на виду Дартин в свое время и сбежал из Аш-Шахба. Он устал быть объектом всеобщего внимания. Впрочем, нельзя сказать, чтобы один Дартин жил вот так — на глазах городка; его участь разделяли все здешние жители, любопытные, общительные, в меру доброжелательные.

Поначалу Дартин наслаждался ощущением «невидимости»: иногда по нескольку дней кряду никто даже не поворачивал головы в его сторону. Однако на берегах озера Вилайет Дартина подстерегали новые неприятности, и в конце концов он счел за благо унести оттуда ноги.

По своему нраву Дартин был человеком беспокойным и нигде не уживался. Он ухитрялся испортить отношения даже с наемными охранниками купеческого каравана. В последний раз он устраивался на работу к одному купцу, который ходил в Аквилонию за молодым вином. И сам купец, и начальник его охраны Дартина были противны: купец — потому, что был богат и стремился стать еще богаче (Дартин терпеть не мог удачливых и состоятельных людей — вероятно, потому, что удача шарахалась от самого

Дартина как ёт прокаженного), начальник охраны — потому, что требовал дисциплины и повиновения.

В конце концов Даргин согласился взять деньги у одного человечка, скрывавшего свое лицо, и поспособствовал разбойникам, напавшим на караван в двух дневных переходах от Шадизара. Но — такова уж была «удача» Дартина, что проницательный начальник охраны почти мгновенно догадался о том, кто среди его людей согласился стать предателем.

В результате Дартина с позором изгнали, не заплатив ему по договоренности. «Можешь поблагодарить меня за то, что вообще оставил тебя в живых, — сурово сказал Дартину начальник охраны. — Стоило бы перерезать тебе глотку, чтобы ты больше никогда и никого не смог предать».

Даргин видел, что старый солдат уже принял решение оставить его в живых, и потому вел себя дерзко. Он вызывающе ухмыльнулся. «Ну так перережь мне горло! — крикнул Даргин. — Сделай это! Почему ты медлишь?»

«Нет ничего проще, чем убить тебя сейчас, — медленно проговорил начальник охраны каравана. — Я всегда могу сказать, что это сделали разбойники. Но мне претит сама мысль о том, чтобы убить безоружного человека».

Он плонул Дартина под ноги и велел ему убираться. Даргин — действительно безоружный, поскольку у него отобрали меч и кинжал сразу после того, как его предательство стало

очевидно, — вынужден был убраться подобру-поздорову.

Даргин добрался до Аш-Шахба чуть живой. Некоторое время он занимался мелким воровством на рынке, а затем, быв пойман и избит до полусмерти, почти неделю отлеживался у старой Афзы — странной старухи, которая порой проявляла непостижимое милосердие к разному отребью.

Поговаривали, будто Афза испытывает на этих бедолагах новые лекарства, которые составляет сама из различных трав, как местного происхождения, так и тех, что покупает у заезжих торговцев. Как бы там ни было, а Даргин опправился и, забыв поблагодарить свою спасительницу, покинул дом Афзы.

Согласно другим слухам, Афза иногда — если спасенные ею бродяги оказывались достаточно вежливы, чтобы припомнить слово «спасибо», — охотно принимала их услуги и приставляла к делу: заставляла прибирать у себя в хижине, готовить еду, чистить гигантские котлы, растирать в ступках травы и камни. Провести остаток жизни в прислугах у сумасшедшей старухи Даргину хотелось меньше всего.

Даргин вернулся на рынок. Пожалуй, единственной приятной особенностью шахбинцев Даргин считал их нэлобивость: разумеется, они знали о том, что Даргин — вор, но охотно согласились принять его в новом качестве. А именно: Даргин избрал для себя карьеру рыночного певца. За время странствий он набрался разных ле-

генд и песен. Особенно помогли ему в этом лихие воины с реки Запорожки — они были неистощимы в тех случаях, когда речь заходила о песенных поединках. И Дартин начал делиться с добросердечными жителями Аш-Шахба приобретенными знаниями.

Его слушали охотно. Голос у Дартина был приятны, сильный и звучный, песни — всегда интересные, хотя мелодии — прямо признаться — страдали некоторым заунывным однообразием. Кроме всего прочего, здравомыслящие торговцы с шахбинского рынка полагали: пока Дартин поет, он не может воровать.

Спустя некоторое время на том же рынке Дартин нашел себе напарницу — девочку лет пятнадцати, тощенькую, как вобла. Ее звали Дин. Они встретились у мясных рядов: она танцевала, он начал подпевать. Потом поделили деньги и расстались. Наутро, не сговариваясь, опять пришли на то же самое место. Так и пошло. Дартин не спрашивал Дин, кто она такая и где научилась своему искусству. Да и она не проявляла любопытства по отношению к своему компаньону. Лишь бы пел.

И Дартин пел, пел, лениво возвышая свой сильный, немного севший от почти беспрерывного жевания наркотических листьев голос.

* * *

Мутное солнце, повисшее над рынком, нестерпимо сверкало в груде колотого камня —

вулканического стекла, рассыпанного по ковру. Истекая потом, толпились вокруг люди, жадно глазея на маленькую, по-детски угловатую танцовщицу с длинными черными волосами; заплетенными в тоненькую, как хлыстик, косичку. Каждый раз шахбинцы ждут встречи с чудом. И каждый раз чудо происходит.

Бот Дин тихо отделилась от стены и пошла, переступая босыми ногами, к ковру. Она двигалась так медленно и так плавно, что казалось, будто она идет по воздуху, слегка приподнявшись над раскаленной пылью. Тонкие руки медленно поднимаются, сгибаясь в локтях. Ресницы опущены на бледные щеки — длинные, неподвижные, плавной линией уходящие к вискам.

Девочка обходит ковер кругом, словно не решаясь приблизиться к нему. Один круг. Второй.

Потом осторожно ступает на осколки, камень шуршит, похрустывает. Шаг, еще один. И вдруг — ресницы взмывают, ослепительные черные глаза сверкают, бледное лицо вспыхивает улыбкой. Раскинув руки в стороны, бесстрашно круша босыми ногами острые осколки, Дин принимается отплясывать.

По толпе прокатывается тихий вздох.

А Дартин поет. Насмотрелся он на эти восторги, на фокусы Дин. Все загадки, все тайны, все чудеса огромного мира оставляют Дартина равнодушным. За что бы он ни брался, везде ожидают его неудачи — не проще ли застрять в захолустном городке, потерянном в тени великого Шадизара, и скончать здесь свои дни, на ма-

леньком рынке, развлекая мелких торговцев и домашнюю прислугу героическими песнями далеких, никому не ведомых воинов?

Глупо. Глупо... Разве об этом мечтал Дартин в далекие юные годы? Разве такую судьбу прочил себе, когда впервые взял в руки оружие и покинул родительскую хижину?

Дартин родился в бедной семье на окраине Шадизара. И как бы ни бедна была его родная семья, а появление в ней этого ребенка даже здесь сочли настоящим позором, ибо он был рожден младшей дочерью вне брака, от заезжего наемного солдата. Солдат этот был варваром-северянином, из тех, кого встречаешь раз в жизни — и после молишься всем богам, дабы отвели от тебя возможность второй подобной встречи.

Неведомый отец Дартина был киммерийцем, и потому мальчик сильно отличался от своих сверстников: был выше их ростом, обладал бледной кожей и неприятными серыми глазами. С годами он загорел, пропитался солнцем и навечно сделался смуглым, но ощущение диковатости, чуждости всем, с кем бы ни сводила его судьба, у Дартина так и не прошло.

Перед ним расстилается площадь, полная людей, и мутное фиолетовое небо низко нависает над ними. Тонкая белая шерстяная ткань просторных одежд вздымает пыль, и легкий алый шелк покрывал прикрывает от пыли.

Насколько хватает глаз — только белое и красное, и лишь иногда черное. Гудят возбужденные голоса, но слов не разобрать. Площадь

подобна шкатулке с безделушками, когда ее встряхивают.

Хрустит битый камень, хохочет девчонка, в танце разлетаются руки, извивается между острых лопаток длинная косичка с тяжелыми медными монетами, вплетенными на самом конце волос.

Жара в городе изматывающая, невыносимая.

Все — танец окончен! Целая и невредимая, мальшка спрыгивает с кучи битого камня в мягкую горячую пыль и начинает собирать деньги. А Дартин все поет, не позволяя истории завершиться, — он нарочно удерживает возле себя людей, чтобы они не вздумали разбежаться, не заплатив. О солдате, который обернулся орлом и взмыл над телами своих погибших товарищей, поет Дартин, а сам думает, хватит ли денег на то, чтобы заплатить за кусок жареной баранины или придется опять хлебать рисовый отвар.

Деньги у него имелись, но растрачивать сбережения попусту Дартин не хотел. Он собирался купить лошадь: За три месяца он накопил уже достаточно для того, чтобы оплатить две трети благородного животного. Ему вовсе не улыбается покинуть Аш-Шахба пешком или, того хуже, на кляче. Нет, Дартин будет питаться рисовым отваром, но уедет из этого проклятого богами города на хорошем жеребце.

А девчонке все равно. Кожа да кости. Ей лишь бы с голода не умереть.

Иногда она его пугала. Странная она. Вот как сейчас, когда смотрит на него своим неподвиж-

ным взглядом. Глаза — ни зрачка, ни белка, две черные щели, губы бледные, как розовая бумага, пролежавшая долгое время на солнце, волосы сверкают, как антрацит. Не лицо, а стена вражеской крепости. Кто там, по ту сторону? Чему она радуется, чего ждет, о чем думает? Отдала ему всю выручку — так она поступала всегда. Только в самом начале их совместных выступлений взяла семь медных монет, чтобы вплести в косу.

Монеты здесь не круглые, а угловатые, с дыркой посередине. Очень удобно — можно носить в связке, на веревке. Да и вору удобно: если уж вытащить, то сразу десяток, не приходится тянуть по одной.

Сунув выручку в кошель, Дартин двинулся знакомым путем в знакомое заведение, где он столовался и ночевал на блохастом ковре. Дин с тяжелым узлом, в котором звякали осколки, шла за ним следом. Дартин оглянулся. Девочка несла свой ковер легко, она лишь немного изгнулась под тяжестью, чтобы было удобнее. Раскаленная пыль прожигает подошвы сандалий, а она ступает себе по улице босая и тихонько улыбается своим тайным мыслям — одной Бэлит известно, что на уме у этого юного существа...

«Конечно, это не мое дело, — подумал Дартин уже в который раз, — но нельзя ведь просто взять и научиться танцевать на острых осколках. Не бывает такого ни с того ни с сего. Существуют целые школы при храмах, где обучают тайным наукам. И если кто-то превращает тай-

ное знание, доступное лишь посвященным, в площадной фокус, то дело нечисто. Будут у меня неприятности с этой Дин. В самом лучшем случае — она бежала из подобной жреческой школы, не спросясь, и теперь зарабатывает на жизнь совершенно недозволенными способами. Боюсь, рано или поздно жрецы ее отыщут — и тогда...»

Дартин тяжело вздохнул. Давно уже пора бросать этот город и уходить. Дальше, к востоку. Там, конечно, тоже ничего нового не ожидается. Пробовали уже. Уходили в странствия. Но надоело до смерти каждый день видеть эти серые стены, заляпанные грязью и все же ослепительные. Надоело изнемогать от жары, петь, вдыхая запах пыли и сущеного навоза.

И еще эта Дин навязалась на его голову. Не то безобидный младенец, не то ведьма — а иной раз кажется, будто и то, и другое одновременно.

Пару раз он видел ее во сне и всегда просыпался с криком. Он не мог вспомнить, что именно ему чудилось, но ощущение тоскливо-ужаса оставалось и не покидало по нескольку часов после пробуждения.

Мужчина и девочка обогнули медные ряды и теперь шли мимо навеса, под которым при случае торговали рабами. Торговля шла вяло. Под навесом дурели от скуки две толстых женщины, замотанных в покрывала до самых глаз. Их уже купили, и теперь они ожидали появления управляющего, который должен будет их забрать и водворить к новому хозяину.

Еще трое или четверо принадлежали к касте «вечно выставленных на продажу»: эти, нерадивые, вечно хворые создания кочевали от одного хозяина к другому и нигде не задерживались надолго. Скоро Аш-Шахба попытается окончательно избавиться от них: ни один горожанин больше не выложит за них ни гроша. Но и в других местах ждет мало хорошего — и этих обормотов, и тех, кто решится привести их к себе в дом. Дартин нарочно отвернулся.

А девчонка, напротив, с интересом разглядывала тупые рожи рабов. Словно выискивала среди них своих родственников. Взгляд у нее пронзительный, как будто она глядит прямо в тайные мысли другого человека и быстро перебирает их: есть ли там что-нибудь нужное для нее, Дин?

Один из зевак, лениво глазевших на прохожих, неожиданно толкнул уличную плясунью. Девочка потеряла равновесие и упала. С грохотом и звоном узел с битым камнем выпал из рук Дин. Осколки рассыпались.

Дин вскочила на ноги. Впервые в жизни Дартин увидел, что она умеет сердиться. Бледное лицо Дин слегка покраснело, глаза не были больше ни бездонными, ни загадочными: в них засветилась обыкновенная человеческая злость, и Дартин на это обстоятельство почему-то порадовало.

Бездельник, толкнувший Дин, покатывался со смеху.

Присев на корточки, Дин начала быстро собирать осколки. Дартин, скучая, смотрел на ее мелькающие над пылью руки.

Внезапно один из тех, кто маялся под навесом, произнес, обращаясь к Дин:

— Я помогу тебе.

Он выбрался наружу и тоже принялся подбирать осколки.

Дартин снова недовольно покосился на свою напарницу, однако возражать ей не решился. Если Дартин вздумает ее поучить или высказывать недовольство, то Дин попросту уйдет от него и не вернется. А без ее танцев за пение Дартина много денег не дадут. Люди приходят поглязеть на диковинную девчонку, посудачить о ней, попытаться в очередной раз угадать ее тайны. Дартин — что? Уличный певец, при случае — вор, при случае — наемник. Никаких сюрпризов. В таком маленьком городке, как Аш-Шахба, он скоро надоест. В девочке Дин — и Дартин отдавал себе в этом полный отчет — заключалась для него вся надежда на хорошую выручку. А если учесть почти полное бескорыстие напарницы. Поэтому молчи, Дартин, смирись и жди, пока она собирает свои обломки.

Наконец она выпрямилась, перекинула косу со спины. Семь медяков, звякнув, упали на плоскую грудь. Кажется, благодарят раба за помощь. А он стоит, облизывая порез на пальце. Глядит на нее с легкой усмешкой — как будто прицеливается: не дочка ли сбежавшая перед отцом, не сестренка ли заблудшая.

Человек этот Дартина сразу не понравился. Он был высокий, выше самого Дартина (а тот, благодаря киммерийской крови, унаследованной

от случайного отца, считался в Аш-Шахба едва ли не верзилой). Кожу незнакомца сожгло солнце, но при этом сразу делалась очевидной принадлежность его к белой расе: он был северянин, и об этом кричала каждая черта его лица, довольно молодого и, следует сразу признать, довольно привлекательного. Густая копна лохматых волос свободно падала ему на плечи — широкие, мускулистые, покрытые шрамами.

Но самой примечательной особенностью этого странного раба были ярко-синие, пронзительные глаза. И еще улыбка. Он усмехался так, словно оковы на его запястьях представляли собой некое досадное недоразумение, от которого он избавится в самом ближайшем будущем.

Раскосые глаза Дин медленно скользнули по стоящей перед ней фигуре, и вдруг выражение лица девчонки изменилось, словно она что-то такое в нем заметила необыкновенное.

Торговец, который уже спешил к наглецу с плеткой, явно намереваясь спустить с того шкуру, замер. Разумеется, выставленный на продажу разбойник, осужденный личным судом правительства, не имеет никакого права заговаривать с проходящими мимо свободными гражданами. И тем более — держаться так нагло. Но...

Чутье, которое никогда не подводило торговца, сейчас сообщало ему весьма странную вещь: странная девочка, уличная плясунья, намерена купить раба.

Препоручая Ихану — так звали работторговца — этого преступника, начальник правительст-

венной стражи предупредил: варвар-северянин — личность буйная, физически необычайно сильная, цену за него поднимать не следует, напротив — надлежит избавиться от него как можно быстрее. Всучить первому встречному, лучше не из местных. Если боги смилиуются над Аш-Шахба, то пошлют Ихану какого-нибудь заезжего купчина-простофилю, который решит совершившую выгодную сделку и за бесценок приобрести мощного телохранителя.

И напоследок предупредил Ихана: оковы с этого малого не снимать ни в коем случае! Лучше привязать также за шею.

Чутье волило в душе Ихана: покупатель! Покупатель! Не упусти! А глаза говорили совершенно обратное. Для чего уличной плясунье личный раб, телохранитель? Или она намерена взять его в любовники? Но как же Дартин? Молва давно уже уложила Дартина в постель Дин.

Та же молва шепнула работторговцу и еще одну мыслишку: дурной из синеглазого варвара любовник — поговаривают, будто его хотела залучить к себе под покрывало сама Альфия, а он поставил ее на место. Последнее внушало Ихану определенную симпатию к варвару: нахальную бабу давно следовало приструнить. Слишком уж много у нее родственников, судьбу которых она устроила самым выгодным образом.

Если Дин предложил за варвара хотя бы пару медяков — участь громилы будет решена. И Ихану спокойнее, да и человек, который щелкнул по носу Альфию, получит свободу. Не задер-

жится же он у Дин в рабах надолго? Этой девочке не то что раба содержать — ей себя бы прокормить. Вон какая худая, кожа да кости. Наверняка голодает.

Для Дартина весь этот клубок соображений и сомнений, что теснились под низким мясистым лбом торговца, был настолько очевиден, что он даже ухмыльнулся. «Напрасны твои надежды, толстяк, — мысленно обратился Даргин к работниковцу. — Рассчитываешь сбыть негодника с рук и повесить его мне на шею? Не получится! Все наши с Дин деньги — у меня, а я не настолько глуп и ни гроша девчонке не дам, что бы она мне там ни говорила. Не дам и все тут. Мало ли что ей взбредет в голову. Сегодня варвар, завтрашелковые шаровары, послезавтра паланкин или зонтик с кхитайскими картинками. Нет уж. Я намерен купить себе хорошую лошадь и уехать отсюда. Не уйти пешком, а уехать. И не на чужом верблюде, охраняя чужой караван, а на собственном скакуне. Когда-нибудь мне должно повезти!»

— Иди сюда, — сказала она, и он шагнул вперед, продолжая улыбаться девчонке совершенно дружески.

Она еще раз пристально посмотрела на него, потом перевела взгляд на торговца.

— Кто он? — спросила Дин.

— Какой-то варвар, дочка, — ответил Ихан.

Дартина поразил дружеский тон, которым разговаривал с нищей девчонкой этот бессердеч-

ный человек. А ведь знает, что она спрашивает из простого любопытства. — Дикари все строптивы, — добавил торговец, — но этот — сущее наказание. — Он дернул бровью и добавил вполголоса: — Сказать по правде, я его побаиваюсь.

— Откуда он?

— Вроде, попался на воровстве, — пояснил торговец. — Хотя сама знаешь, что говорят различные слухи. А может, грабитель. Или наемник. Или всего понемножку. С такими людьми очевидно одно: если их высечь кнутом или продать в рабство куда-нибудь на мельницу, то всегда найдется преступление, совершенное ими в прошлом и подлежащее наказанию, такому если не более суровому.

И подмигнул Дин.

— А ты что, уже присматриваешь себе мужчину? Не рано ли тебе?

Дин смотрела на Ихана открыто и ясно — так, будто не понимала, о чем он говорит.

«Может быть, кстати, она и действительно не понимает, — подумал вдруг Даргин. — Она чиста. Нечеловечески, страшно чиста. В ее голове никогда не появляется ни одной грязной мысли. Иногда мне чудится, что она вообще не знает, какие отношения могут складываться между мужчиной и женщиной. Что ж, если она и впрямь не человек, то в этом нет ничего удивительного».

Девочка немного помолчала, потом положила свой ковер на землю и жестом подозвала Дартина. Даргин приблизился, всей душой желая то-

лько одного: чтобы вся эта глупость поскорей закончилась. Сейчас они начнут кричать друг на друга, ссорясь из-за денег, потом Дартин настоит на своем — и они с Дин отправятся в дешевую харчевню, чтобы наконец перекусить после «рабочего дня».

— Сколько ты хочешь за него? — спросила Дин работогорвца.

— Двенадцать серебряных.

Ответ прозвучал быстро и был, если судить о происходящем честно, довольно дерзким: строптивец не стоил и пяти серебряных. А если учесть все прочее

— Девять, — предложила Дин деловито. И коснулась локтя варвара, который все это время стоял рядом и, щурясь с удивлением поистине царственным, рассматривал торгующихся из-за него людей.

Ихан кивнул с важным видом.

— Учи, я делаю скидку тебе только потому, что мне нравится, как ты танцуешь, — добавил он.

Дин пропустила комплимент мимо ушей.

— Сними с него цепи, — приказала она.

— Разумеется, — быстро отозвался Ихан. — Эти оковы принадлежат мне, так что если бы тебе понадобилось держать своего раба в узде, тебе пришлось бы заплатить за них отдельную цену.

Дин фыркнула.

— Можно подумать, не существует способа держать человека в узде без всяких цепей и веревок! Эти ваши оковы — глупость.

Она встретилась взглядом с варваром, и на мгновение лицо мужчины сделалось серьезным, улыбка сошла с него, а синие глаза сощурились. Затем он отвернулся.

«Великие боги Серых Стен, — думал Дартин, неприятно кривя губы, — когда же она прекратит наконец эту дурацкую болтовню? Неужели она действительно полагает, будто сейчас сделается хозяйкой варвара? Ну, что ты улыбаешься? — мысленно обратился он к своей напарнице. — Я не дам тебе денег, не дам. Можешь и не просить».

А Дин и не просила. Она просто протянула к Дартину раскрытую ладонь, и он покорно отсчитал в нее девять серебряных монет.

Торговец с облегчением выставил варвара из-под навеса. Девочка снова взяла с земли свой узел. Изнывая от злости, Дартин двинулся на встречу скучному обеду. Никакой баранины, теперь уже навсегда. Один только рисовый отвар. Пока Дартин не купит себе лошадь. А теперь еще раба извольте кормить.

«Зачем мне раб? — уныло тянулась в голове одна мысль вслед за другой. — Да еще такой кошмарный. И зачем он этой дурехе? Что она будет с ним делать? Пусть сама его кормит. На те медяки, которые звенят у нее в косе. Потому что доверять Дин монеты — пропащее занятие. Она, похоже, не знает цену деньгам. Она вообще не видит дальше собственного мимолетного желания».

Дартин сунул руку в карман и вытащил не-

сколько вялых листьев ката. Вообще-то жевать кат здесь разрешают только после вечерней зори, но он, Дартин, не собирается никого спрашивать, что и когда ему делать.

Надежды на то, что невольник проявит дурной характер и сбежит нынче же ночью, не оправдались. Проснувшись в грязной ночлежке, Дартин чуть не застонал от разочарования: верзила варвар спал на том самом месте, где улегся вчера. Подсунул под щеку огромный, размером с дыню, кулак, смежил длинные, как у газели, ресницы, чуть выпятил губы — и похрапывает. «Ну да, — подумал Дартин с досадой, — если он сбежит, то придется ему искать себе пропитание. Уж без завтрака-то этот хитрец точно не пустится в бега. С варвара станется. Сперва объест Дартина, откормится, нагуляет жирок за хозяйский счет — и только после этого скроется».

Дартин кинул мрачный взор на могучее тело, распростертое на облысевшем ковре. Уморить такого не удастся. Такой сам кого хочешь уморит.

Дартин пнул его ногой, чтобы разбудить, и показал головой на дверь. На пороге раб замешкался, и Дартин в сердцах толкнул его в спину, а потом брезгливо обтер пальцы об одежду. Пригнувшись, Дартин вышел из ночлежки и сразу увидел свою напарницу. Она сидела, скрестив ноги, прямо в пыли и грызла лепешку, дер-

жа ее обеими руками. Лепешка тянулась, как резиновая.

Обычно Дин уходила ночевать в лавку к старой Афзе, которая торговала редкостями, лекарствами, амулетами и благовониями. Дартин был уверен в том, что Афза не получала от маленькой плясуньи ни гроша. У девчонки просто не водилось денег. Водились какие-то тайные девишки между этими двумя особами женского пола, такими несхожими и в то же время неуловимо похожими между собой. Дартин в подробности предпочитал не вникать.

Девочка кивнула Дартина в знак приветствия. Дартин подсел к ней и, сняв с пояса флягу, подал ей. Она глотнула и вернула Дартина флягу. Дартин приложил горлышко к носу. Вода была, по правде говоря, не очень свежая.

Дубина раб стоял перед ними, слегка склонив голову. Дартин догадывался, что он голодаен, и мысленно злорадствовал.

Девчонка разорвала свою лепешку и большую часть протянула рабу. Тот помедлил, но взял.

— Садись, — сказала Дин спокойно.

Дартин инстинктивно отодвинулся. Варвар усился и принялся жевать, двигая челюстями энергично и в то же время на редкость задумчиво.

— Как тебя зовут? — спросила его Дин.

«Лично меня это интересует в последнюю очередь», — подумал Дартин, однако ему волей-неволей пришлося принять к сведению, что свои девять кровных серебряных монет он выложил за человека по имени.

Девочка, выслушав все это, важно кивнула.

— Можешь называть меня Дин.

Дин. Так она себя именовала. Вернее всего, что Дин — не имя, а прозвище. В Аш-Шахба любят давать прозвища на древнем диалекте. Вероятно, «Дин» означает что-нибудь вроде «Речного Лотоса» или «Колокольчика Моей Души». Самое обычное прозвание для молодой женщины.

— Красивое имя — Дин, — одобрил варвар.

— Откуда ты родом? — спросила она.

— Ты хочешь знать, где я родился, или тебя интересует, откуда я пришел в Аш-Шахба? — уточнил Конан.

— Я задала вопрос с очевидной точностью, — иногда Дин выражалась витиевато и даже немного книжно, что сбивало с толку.

— Я киммериец, — сказал варвар.

Дартин поперхнулся. Ну конечно! Ему следовало догадаться сразу. Дартин уставился на нежеланно обретенного соплеменника с откровенной неприязнью. Ничего хорошего киммерийцы его семье не принесли.. Дартин совершенно не был благодарен своему отцу за собственное появление на свет.

Подобно своей несчастной матери, Дартин верил в переселение душ: Лучше бы та душа, что ожидала в тот миг очереди вселиться в новое тело, получила какую-нибудь иную оболочку. Не наполовину киммерийскую — во всяком случае.

— Откуда ты пришел? — продолжала Дин.

— Прежде чем оказаться здесь, я был в Шадизаре.

— Ничего удивительного, — сказала Дин и замолчала, что-то обдумывая. Она тихо покачивала головой, и монетки в ее косах позякивали.

Дартин решил вмешаться в их задушевную беседу:

— Полагаю, пора начинать выступление, пока не стало слишком жарко. Ты готова?

Девочка подняла голову к своему напарнику и без улыбки, совершенно серьезно, произнесла:

— Ты меня перебиваешь.

— Но ведь ты молчала! — возмутился Дартин. — К тому же я говорил о деле.

— Я думала. Ты мог бы услышать мои мысли, если бы захотел, — непонятно объяснила Дин.

— Я не имею привычки подслушивать чужие мысли, — заявил Дартин и поздравил себя с тем, что ловко вывернулся из сомнительной ситуации.

Дин вздохнула, как бы сожалея о его глупости.

— В любом случае, сегодня ты будешь выступать один. Я как раз пришла сказать тебе, что танцевать не буду.

— Это почему еще?

— Сегодня не хочу.

Дартин покусал губы. Вот так. Она не хочет. Так просто. Ни запугать, ни заставить ее он не мог. Просить же это косоглазое существо бесполезно.

Дартин поднялся на ноги. Девочка вынула персик и равнодушно принялась его грызть.

— Вчера ты потратила девять монет, — заговорил Дартин с нажимом. — Спустила целых де-

вять монет на собственную глупую прихоть. Тебе не кажется, что ты начинаешь многое себе позволять? По-моему, следует возместить ущерб. Это было бы справедливо.

— Ну и что? — спросила Дин, лениво поведя раскосыми глазами. — Я заработала тебе больше, чем потратила. Вот что справедливо.

Дартин резким движением схватил раба за локоть. Тот прикусил губу, но промолчал. Явно запомнил на будущее и при случае поквитается — но сейчас Дартин был в таком бешенстве, что предпочел не обратить на это внимания:

— Если ты не собираешься сегодня выступать, — прошипел Дартин, обращаясь к Дин, — то вместо тебя будет танцевать эта киммерийская сволочь.

Дин сказала с набитым ртом:

— Да ты ведь и сам киммерийская сволочь, Дартин.

Дартин разжал пальцы.

— Ненавижу таких, как он, — проговорил он искренне.

Дин забросила косточку от персика на крышу noctлежки.

— Вот и хорошо, — невозмутимо заявила она, обтирая рот. — Я забираю его. Он мне нужен. Ступай, Дартин. Я буду у Афзы. До вечера.

— Твоя Афза — старая ведьма, — проворчал Дартин, сдаваясь. — До вечера, кроха.

Дин проводила его недобрым взглядом, а затем легко поднялась и с важностью кивнула своему рабу:

— Иди за мной. И зашагала по направлению к лавке Афзы.

* * *

Дартин ел сливы и плевался косточками в пыль. Он чувствовал, что не может больше оставаться в этом дурацком городе. Дин решила его бросить — тьфу! — но это ее личное дело — тьфу! — а он, Дартин, перейдет через Белые Горы и попытает счастья в Хаддахе — тьфу!

— Угости, — раздался над его ухом тонкий голос.

Дартин, не глядя, сунул через плечо несколько слив. Голос принадлежал Каджану, стариинному приятелю Дартина. Они вместе ходили за листьями каты. Излишне будет сообщать о том, что Каджан был еще большим жуликом, нежели Дартин. И, кстати, немногим более удачливым.

Каджан присел рядом с приятелем.

— Сегодня не поешь?

— Неохота, — буркнул Дартин.

— А где твоя малышка?

— Для начала, малышка не моя. Она не в моем вкусе.

— Ну, мало ли что про вас говорят...

— Поверь мне, Каджан. Если бы ты знал ее поближе, тебе и в голову не пришли бы подобные мысли.

— И все-таки, где она?

— Понятия не имею.

— Что, сбежала? — проницательно спросил Жулик.

— Да ну ее! — в сердцах ответил Дартин. Хоть кому-то он мог излить свою душу. Правда, в сочувствии Каджана черной ночной змеей таилось злорадство, но других слушателей у Дартина все равно не было. — Она потратила вчера кучу денег на гору хлама. И как я ей отдал их — сам не понимаю... Умеет она эдак посмотреть, что любые возражения застревают в глотке. Собственным недовольством так поперхнешься, что десяток целителей не спасут — сдохнешь и будешь лежать в могилке синий-синий.

Каджан захихикал. Сравнение ему понравилось. Он почти ничего не знал о Дин, хотя, подобно всем посетителям шахбинского рынка, видел ее каждый день. И теперь, пользуясь тем, что Дартин находился во власти досады и разоткровенничался, жадно ловил каждое слово.

Дартин махнул рукой безнадежно:

— А сегодня с утра эта Дин заявляет мне, что не желает танцевать. Что у нее нашлись какие-то более важные дела, чем помогать мне зарабатывать деньги.

— Ну и ты плюнь на нее, — посоветовал Каджан самым дружеским тоном, какой только сумел изобразить. — Что она, в самом деле, себе позволяет? Ты мужчина, а она всего лишь девчонка.

— Мне деньги нужны, — сказал Дартин.

— Дай еще сливы, — попросил Каджан. — Не жмись, дай.

Дартин сунул в его мягкую ладонь еще две сливы. Жулик покрутил их в пальцах и заметил с горечью:

— Порченую дал.

— Жри, жри, не разбирайся, — посоветовал Дартин. — Гляди как бы и эту не отобрал.

Каджан со скорбным видом последовал совету.

Солнце припекало все сильнее. Створив извинительное заклинание, Каджан выбросил косточки в пыль.

— Что ты там бормочешь? — спросил Дартин подозрительно.

— Прошу прощения у духа на тот случай, если потревожил его. Ты разве не знал? Духи обычно невидимы. Сидят рядом с человеком и подслушивают. У самих духов уже нет никакой жизни, но они любопытны — вот и жмутся к людям, интересуются их делами. Но, с другой стороны, духи ужасно обидчивы. Попробуй только плюнь на него — потом бед не оберешься. Он ведь не понимает, что ты его не видишь. Думает — презираешь его, плюешься. Может очень серьезно потом напакостить.

— Неужто ты боишься духов? — презрительно сморщился Дартин.

— Сам боюсь и тебе советую, — с серьезным видом отозвался Каджан. — Опасаться следует всего. И особенно — того, чего ты не видишь.

— Лично я в последнее время практически не вижу денег.

— Опасайся и их, если на то пошло, — после слив и ката Каджана потянуло философствовать.

Он лениво поднялся, обтирая пальцы о штаны.

— Вот скажи, Дартин, сколько тебе нужно денег для того, чтобы ты наконец стал счастливым?

— Много.

— А мне — чуть, — успокоительным голосом произнес Каджан и поковырял в ухе так энергично, что Дартину стало не по себе. — Знаешь что, — заявил он наконец, — я тебе кое-что расскажу. За деньги. Ты мне две монеты, я тебе — клад.

— Ты сожрал моих слив на три клада.

Жулик обиделся.

— Жадина, — произнес он с достоинством.

— Трепло, — отозвался Дартин.

Они немного помолчали, не желая ни ссориться, ни расставаться. Наконец Каджан заметил — как бы между прочим:

— Дело, кстати, совершенно замечательное. Красивое и простое. Одна серебряная монета, подумай, Дартин, — и ты богат до конца своих дней.

Дартин с отчаянным видом протянул ему монету. Была не была. Монетой больше, монетой меньше.

Не веря собственным глазам, Каджан взял ее, подержал на ладони, потом сжал в кулаке и хмыкнул.

Дартин молча показал ему кулак.

Жулик кивнул и, понизив голос, заговорил:

— Кое-кто считает, что это пустые разговоры, но я так не думаю. Известно ли тебе, кому при-

надлежит город Аш-Шахба и вся пустыня до западного склона Белых Гор?

— Царю Ирдуку или как там его...

— При чем тут царь... — Жулик поморщился. — Царь — он пришел и ушел. Нет, я спрашиваю тебя о богах, которые здесь всесильны.

— Еще всех древних богов запоминать! Моя мать молилась Бэлит — и с меня этого довольно. Ты от меня слишком многое хочешь.

— Я от тебя ничего не хочу. Плевал я на тебя, — искренне отозвался Каджан. — Но не зная всех здешних древних богов, ты ничего не поймешь. И клада без них тебе не видать.

— Обучи меня тогда уж заодно и заклинаниям, — посоветовал Дартин ядовито. — Буду камлать и вызывать дождь.

Каджан закатил глаза:

— Я больше ни слова тебе не скажу.

— Ну и не говори!

Хихикнув, жулик показал Дартину серебряную монету.

— И это тебе не отдам.

— Отдай! — мгновенно разъярился Дартин.

— Дартин, имей в виду: за ты хоть и свой, а чужак. А за чужака здесь никто не вступится, — предупредил Каджан. — Советую, как друг смирись и выслушай мой рассказ до конца.

— Ты нажевался ката.

— Ты сам нажевался ката.

Разговор явно зашел в тупик.

Поразмыслив, Дартин сдался.

— Ладно, бреши дальше.

— Наш город Аш-Шахба, серые стены, — мгновенно изменив тон, заговорил Каджан, — в незапамятные времена принадлежал великой богине Алат и трем ее сестрам, из которых младшую, самую капризную и жестокую, зовут Зират. Здесь, в городе, им был посвящен большой храм. Теперь он превратился в развалины, и люди позабыли дорогу к сестрам-богиням, однако это вовсе не означает, что богини умерли. Боги не умирают. Их бытие устроено по-другому. И инобытие — тоже. Не исключено, что они сделались духами, хотя то предание, которое я намерен тебе поведать...

— Ты что, решил податься в странствующие сказители? — спросил Дартин. — Учти, за истории платят мало. И не рассчитывай, что я стану ходить с тобой и исполнять чувствительные баллады из жизни богинь. Я в них не верю.

— Что ж, это большое несчастье, но от него, как и от слабоумия, не умирают. — Каджан замолчал, шевеля губами и что-то соображая про себя.

Дартин толкнул его в бок:

— Заснул? Рассказывай!

— А? Нет, не заснул. Богине Зират принадлежал один редкий камень изумительной красоты. Он был размером с женскую ладонь, прозрачный, желтого цвета.

— Граненый? — деловито поинтересовался Дартин.

— Нет. Это был природный кристалл. По форме напоминал обелиск.

— Почему ты говоришь «был»?

— Потому что... — Каджан замолчал, хитро улыбаясь в реденькие усики, и многозначительно посмотрел своему приятелю в глаза. — Потому что его ук-ра-ли... Некий жрец-отступник утратил веру, прихватил священный камень Зират и двинулся к Белым Горам. За Белыми Горами, в Хаддахе, Зират не имеет уже над ним никакой власти. Там начинаются владения Инанны... За преступником послали погоню. От мести Зират никто не может скрыться. Если, конечно, Зират знает, кого и где искать. Этот негодяй не успел выбраться из ее владений, и его поймали. Думаю, его растерзали на месте. Но камень в храм так и не вернулся.

— Почему? — жадно спросил Дартин.

Жулик рассказывал профессионально, с паузами в нужных местах.

— Потому что, — важно произнес жулик, — тогда шла война. Жрецы, посланные в погоню за преступником, в свою очередь пропали бесследно, а вместе с ними сгинул и камень. Думаю, на них напали вражеские солдаты. А еще вероятнее — банда дезертиров. Камень спрятан в Белых Горах, где-то в истоках реки Белая.

Дартин тихонько свистнул.

— И это все? Горы, друг, — они очень большие... Где его там искать?

— Подумай, Дартин, подумай сам. Люди, ограбившие жрецов, исчезли. Если бы кто-нибудь из них уцелел и при этом имел при себе камень, то в какой-то момент драгоценность заявила бы

о себе. Нет, бандиты спрятали камень и не сумели за ним вернуться. И у меня есть серьезное предположение, что спрятали они его на заброшенном руднике.

— С чего ты взял?

— Я пришел к этому выводу после долгих и отчасти мучительных размышлений. — Каджан выразительно постучал себя по бритой макушке. — Через рудник лежит дорога на Хаддах. Вероятнее всего, на этой дороге и произошла встреча грабителей со жрецами. Люди, которые на них напали, не были местными. На что угодно спорю. Местные побоялись бы гнева Зират. Нет, это были какие-то чужаки. И когда им понадобилось спрятать добычу, они выбрали именно рудник. Единственное приметное место в горах.

Дартин задумался. Он никогда еще не был в Белых Горах и плохо представлял себе их.

— Там много штолен? — спросил он.

— Одиннадцать. Три из них очень нехорошие. Там люди загибались быстрее всего, — предупредил жулик.

— Почему рудник прикрыли? Неужто берегли жизнь рабочих?

— Нет, разумеется. Из-за войны. Это было одно из условий мирного договора. Впрочем, постепенно там все разрушилось, забыты были и богини, и рудник, и самый повод для той войны. А камень — ручаюсь! — до сих пор спрятан там. И любой, у кого достанет сил и смелости отправи-

ться в горы, сделается обладателем сокровища древней богини. Ну что, как тебе моя идея?

Дартин обвел глазами солнную от полуденного жара площадь, недоумевая, почему никто не мчится, сломя голову, на брошенный рудник.

— Мне нужна лопата, кувалда фунтов на пять, зубило... — пробормотал он, как во сне.

Каджан покачал головой и прищелкнул языком. Вот и еще один свихнулся из-за желтого камня Зират. Если так будет продолжаться, то со временем Каджан собирает с дураков, вроде Дартина, сумму, на которую этот камень можно будет купить... Всегда приятно иметь дело с людьми глупыми и предприимчивыми.

— Не забудь мазь от порезов и ушибов, — поддакнул жулик, — спроси у Афзы, у нее должно быть...

Афза. Дин. Конан. Дартин вспомнил о том, что у него теперь есть раб, и вскочил. Вот кого он заставит разгребать засыпанные штолни!

Жулик поглядел, как Дартин удаляется, окутанный облаком пыли. Возбужденно размахивая руками, он шагал по направлению к кузнечной лавке. Покупать, должно быть.

Жулик вытащил монету и фыркнул.

— Дурак ты, Дартин, — сказал он вслед приятелю. — Тебе жизни не хватит, чтобы перебрать все отвалы на Белых.

Негромко сказал, чтобы никто этих слов не рассыпал.

Глава третья К горам, через пустыню

Афза была красивой пожилой женщиной, смуглой, высокой, закутанной в черное покрывающее с золотыми полосами на груди. Когда она поспешно закладывала засов, мелькнули тонкие, очень смуглые руки, обвитые золотой цепочкой, с которой свисали длинные подвески из бирюзы и коралла.

— Милости Бэлит твоему дому, Афза, — негромко произнесла Дин, останавливаясь у порога.

Женщина склонила голову, блеснув качающимися в ушах золотыми дисками, и снова величаво выпрямилась. Дин взяла Конана за плечо и подтолкнула вперед.

— Посмотри на этого человека, Афза, — сказала Дин. — Я хочу как следует расспросить его... Как следует, — повторила она.

Афза перевела свои черные немигающие глаза на Конана, и он увидел в ее зрачках свое отражение — так ясно, словно разглядывал себя в зеркале.

Конан медленно перевел взгляд на свою маленькую хозяйку. Дин прикусила губу, словно размышляя, что же ей делать дальше. Конан подумал о том, что царственные манеры девочки удивительным образом сочетаются с пестрыми лохмотьями уличной плясуньи. Она была странная. И недобрая.

— Афза, — повторила Дин, — я хочу видеть его прошлое...

— Кто он такой? — ровным низким голосом спросила женщина.

— Он мой раб, — сказала Дин. — Делай с ним что хочешь. Только зря не мучай.

Последняя фраза прозвучала довольно зловеще, и Конан невольно обернулся в сторону двери.

— Стой, — негромко произнесла Дин.

Он замер. Происходящее нравилось ему все меньше и меньше. В доме Афзы явственно пахло колдовством, и от этого у варвара волоски вставали дыбом на загривке. Он ненавидел любые чары.

Однако то ощущение, что исходило от Дин, было сильнее чар. Конан мог бы поклясться, что девочка — не колдунья.

— Иди сюда, — позвала Дин. — Иди же, не бойся.

Он шагнул к ней, сильно побледнев под густым загаром. Дин услышала, как он скрипнул зубами.

— Ты поможешь мне, Афза? — спросила Дин.

Афза медленно, задумчиво сказала:

— Он может не выдержать. И рана у него плохо зажила.

— Откуда ты знаешь? — спросил ее Конан. — Откуда тебе знать про мои раны?

— Лучше покажи, где она.

Конан привычно провел ладонью по ребрам с правой стороны.

— Тебе повезло. Немного ниже — и задели бы

печень. — Афза снова повернулась к девочке. — Он может не выдержать, Дин.

Вместо ответа Дин протянула руку к Конану, и он, повинувшись против своей воли, опустился на земляной пол. Афза, помолчав, принялась перебирать кувшины и глиняные чашки, расписанные бледно-голубой глазурью. Они стояли в большой нише, под которой лежали пять или шесть совершенно новых ковров. Афза равнодушно встала на них ногами, словно такая вещь, как ковры, не имели в ее глазах никакой цены. Кувшины глухо позвякивали.

— Возьми из печки огонь, Дин, — сказала Афза, не оборачиваясь.

Конан увидел невысокую медную жаровню, по форме повторяющую древний храм богини Алат. Дин присела перед круглой жестянной печкой, тихонько гудевшей в углу, возле входа. В полуумраке засветились угли. Зная по опыту о том, какие отличные результаты дают пытки раскаленным железом, Конан втайне похолодел. Не обращая внимания на его застывший взгляд, Дин голой рукой взяла из печки пылающий уголь, дунула, чтобы дать разгореться, и положила на жаровню. Потом небрежно бросила горсть сероватых комков какого-то благовония, и неожиданно в комнате стало очень свежо.

Конан свесил голову на грудь — внезапно его потянуло в сон. Он плохо понимал, что происходит. Женщины о чем-то вполголоса переговаривались, ходили мимо, бесшумно ступая по земляному полу босыми ногами. Потом смуглая

рука, обвитая цепочкой, подсунула Конану белую чашку с дымящимся отваром, и он послушно выпил горькую и горячую жидкость.

Кто-то коснулся его волос. Он машинально съежился, подобно дикому зверю ревниво оберегая свою голову. Но дадонь надавила сильнее, заставила смириться, и он перестал об этом думать.

И неожиданно он снова увидел себя сидящим в тени навеса, со скованными руками, голодного и очень злого. Голос, звучавший откуда-то из глубины сознания, спрашивал и спрашивал, и время покатилось назад и потащило его за собой, восстанавливая въяве прошлое, день за днем, месяц за месяцем. Неудачный поход с отрядом наемников из Бритунии. Месяцы блужданий по джунглям, когда Конан терял одного товарища за другим. Корабль, который они захватили в порту — кажется, это было вечность назад. А затем — кораблекрушение, буря, странные видения в морских волнах. И снова поход, на сей раз в компании отбившихся от каравана людей. Долгий путь через пустыню, к горам, которые медленно вырастали на горизонте. Он уже догадался о том, что идет по жизни вспять, и готов был снова пойти через все испытания и потери, потому что впереди ждало детство. Он торопился: успеть бы добраться до тех лет, когда живы были отец и мать. До этого времени не так уж и далеко. Но силы уходили с каждой минутой, и точно так же непостижимо он начал понимать, что до детства ему не дожить.

Издалека донесся низкий голос Афзы:

— Он умирает, Дин. Оставь его.

«Разве я умираю?» — удивленно подумал Конан и в то же мгновение ощутил щекой прохладу земляного пола. Ладонь, тяжелым грузом лежавшая у него на затылке, незаметно исчезла. Сильные руки приподняли его за плечи, подсунули циновку из жесткой соломы. Бирюза и коралл на золотой цепочке, чередуясь, качались возле его глаз. У своих губ он снова заметил чашку с горячим отваром и снова выпил, не задумываясь. В глубине дома еле слышно прозвенел колокольчик.

— Спи, — приказала Афза.

И он заснул.

* * *

Конан проснулся и удивился тишине. Ему даже показалось, что именно тишина и разбудила его. Он давно уже забыл, что это такое: тишина. И впервые за несколько лет у него ничего не болело, не ныло и не саднило.

Он осторожно сел и сразу увидел маленькое окошко, перед которым покачивались колокольчики. Одиннадцать тонких колокольчиков из обожженной глины, которые свисали с бамбуковой палочки на витых шелковых шнурах, разной длины.

Один из них еле слышно вздохнул под движением воздуха — видно, кто-то прошел мимо окна. И снова стало очень тихо.

Конан встал, огляделся по сторонам. В комнате было почти голо — только кувшины в нише, ковры у стены, печка возле двери и медная жаровня. Конан вздрогнул, вспомнив, как девочка брала из печки раскаленные угли. Что сделала с ним Афза? И зачем маленькой Дин понадобилось его прошлое? И что именно в его прошлом захотела узнать рыночная плясуха?

Он поднялся, гибкий, как дикая кошка, и бесшумно подобрался к нише — посмотреть, что за настои хранит Афза в этих кувшинах. И вдруг увидел спящую на коврах Дин. Девчонка как девчонка — с острыми локтями, с расчесанным укусом слепня за ухом. И лицо у нее во сне жалобное. Он глянул на ее руки, но ни следа ожога не заметил, хотя на ладошках осталась копоть. Конан почувствовал острую жалость к спящей девочке.

Беззвучное чистое дыхание Дин и чуткое присутствие колокольчиков наполняли тишину дома жизнью и смыслом. И вдруг все это рухнуло. Под самой дверью взорвались голоса. Конан даже не сразу понял, что голосов было два, так бурно они спорили. Один принадлежал Афзе, которая разложила свою торговлю прямо на улице. Конан поразился тому, как сочно умеет ругаться эта величавая женщина. Второй голос был мужской — требовательный и громкий. Дин вздохнула во сне. Конан приоткрыл дверь и вышел из дома.

На него обрушилась нестерпимая жара. В ослепительном полуденном свете он увидел Дарти-

на. Новый его господин был великолепен. В новеньких ножнах на пояссе болтался огромный кинжал, судя по всему, очень тяжелый. С шеи Дартина свисал компас. Север и юг были обозначены древними шахбинскими письменами, читать которые не умел никто, даже местные долгожители. Конан знал единственное уцелевшее в памяти людей слово этого языка: «уаннек». Это означало: «я». С этого слова начиналась любая древняя надпись в этих краях. А если учесть, что в древности «севером» считали здесь то, что во всех остальных краях называется «северо-западом», то компас вообще не имел цены.

Конан отметил также лихое подобие чалмы, под которым Дартин обильно потел с непривычки.

Сейчас Дартин крутил в руках коробочки с мазями, невероятно вонючими, но способными залечивать любые порезы и ушибы, а также изгонять из ран хвори и заразы. Дартин был полон энергии.

Конан понимал, что Афза предлагает Дартина очень хорошее средство. Сам Конан вчера вечером испытал на себе его действие. Поэтому когда Дартин, сморщив нос, отодвинул от себя стеклянную коробочку с круглой крышкой, Конан негромко сказал ему:

— Хорошая вещь.

Дартин только сейчас заметил его и прищурился.

— А, ты здесь. Тем лучше. — И повелительным жестом указал на довольно внушительный мешок. — Подними.

В мешке звякнуло железо. Мешок оказался не слишком тяжелым — Конан рассчитывал на худшее. В спину сквозь холст что-то впивалось, и Конан преспокойно вытряхнул содержимое мешка на землю. Он увидел два шерстяных одеяла, лопату, кувалду, топор, два зубила, большой кожаный мешок для воды и куски вяленой рыбы, увязанные черной просмоленной бечевкой. Несколько секунд Конан разглядывал все это, потом неторопливо снял кувалду с рукояти и принялся заново укладывать вещи.

— Похоже, кузнец неплохо заработал сегодня, — произнес он в пустоту.

— Что ты там бормочешь? — поинтересовался Дартин.

— Парень прав, — вмешалась Афза. — Зачем тебе кувалда, зачем зубила?

— Заткнись, ведьма, — огрызнулся Дартин. — Это все очень нужные вещи.

Афза оскорблённо пожала плечами.

— Купи мазь, — посоветовал Конан.

— Я не стану выкладывать деньги за всякую дрянь, — ответил Дартин. — А ты лучше помалкивай, пока тебя не спрашивают.

Конан затянул шнур и снова попробовал мешок. Дартин наблюдал за ним неодобрительно.

— Ты готов? — спросил он.

— К чему?

— Мы уходим, — заявил Дартин. — Отправляемся в поход.

— Не уверен, что это мудрая идея, — сказал Конан.

— Я ведь уже напоминал тебе: помалкивай, пока не спросили, — заметил Дартин. — Я купил тебя не для того, чтобы ты высказывал свое мнение.

— Мне показалось, что за меня заплатила Дин, а не ты, так что, полагаю, следовало бы спросить у нее, — Конан оглянулся на дом Афзы, где спала девочка.

Ему не хотелось уходить, не простишись с ней. Кроме того, в Дин таилась некая загадка. А Конан очень не любил оставлять у себя за спиной нерешенные загадки. Любая тайна может тебя настичь — и тогда плохо тебе придется, если ты окажешься не готов встретить ее лицом к лицу.

Дартин рассмеялся:

— Дин? У нее в голове одни колокольчики. Сегодня ей охота одно, завтра другое. Ручаюсь, проснувшись, она и не вспомнит о том, что вчера купила себе телохранителя. Еще и спросит тебя — кто ты такой и по какому праву требуешь, чтобы она тебя кормила? Нет уж. Обстоятельства сложились так, что ты нужен мне, и я тебя забираю.

Конан знал все, что последует за этим диалогом. Знал так ясно, словно опять возвращался в свое прошлое. Отвернувшись, он пожал плечами и взялся за ручку двери.

— Куда? — резко окликнул его Дартин.

— Хочу попрощаться с Дин, — ответил Конан.

Вместо ответа Дартин прижал его к стене и попытался ударить по лицу, однако Конан пере-

хватил его руку и вполголоса выругался на своем родном языке.

Дартин вдруг понял, что Конан не испытывает никакого страха. И опустил руки, выдернув их из мощной хватки варвара. Конан вытер лицо ладонью, как будто Дартин запачкал его своим дыханием.

— Афза, — обратился он к женщине, — ты запомни, хорошо? Когда меня потащат вешать за побег, ты скажешь им?

— Да, — серьезно ответила Афза.

Конан тихо усмехнулся, но Афза не ответила на его смешок. Она выглядела очень мрачной.

— Хватит молоть языком, — вмешался Дартин. — Бери мешок.

Конан снова поднял мешок.

— Купил бы какого-нибудь осла, что ли, — проворчал он.

— Не напрашивайся на доброе слово, — ответил Дартин. — Мешок понесешь ты. У меня нет денег на выручных животных.

Конан пробормотал себе под нос проклятие и вдруг почувствовал, что Афза что-то вкладывает ему в руку. Он обернулся. Женщина кивнула ему, слегка опустив тяжелые веки.

— Тебе это понадобится, — вполголоса сказала она. — И совет: когда будешь делать покупку, бери все, что будут давать. И не торгуйся при этом.

— Что мне будут давать? — Конан растерялся.

— Бери не торгуясь, — повторила Афза. — Запомни мои слова. Прощай.

Конан пошел вверх по улице. В руке у него осталась круглая коробочка с воючей мазью. Он еще раз обернулся, втайной надежде прочитать ответ на свои невысказанные вопросы на лице женщины, но Афза уже была занята другим: она раскладывала гадальные карты, которые сама рисовала тонким пером и теперь, видимо, рассчитывала выгодно продать.

* * *

Дартин плелся вслед за рослой фигурой с на выюченным на спину мешком и скрежетал бы зубами, если бы не берег силы для каждого нового шага. Пустыня обступала обоих путников, и казалось, что безводным пескам не будет конца. Горы, которые должны были бы уже показаться на горизонте, по-прежнему скрывались за краем земли.

На третий день пути Конан решительно выбросил из мешка оба зубила, кувалду и рукоять топора, и Дартин не сказал ему ни слова. Конан скользнул глазами по тяжелому компасу, висящему на шее у Дартина, но промолчал, беззвучно ухмыльнувшись. Дартин в бессильной злобе дал себе клятву когда-нибудь отомстить своему дерзкому спутнику за подобную наглость.

Припасы подходили к концу. Дартин плохо рассчитал расход продуктов и воды, когда делал закупки в Аш-Шахба. Он понимал, что пускаться в такой путь вдвоем, не обзаведясь даже выючными животными, не зная расположения

колодцев, было безумием. Но до Белых Гор — всего четырнадцать дней пути, как ему сказали. Дартин никак не ожидал, что им придется в дороге так тяжело.

На восьмой день вдали появилось несколько больших черных шатров. Конан разглядел их первым и остановился. Дартин налетел на него, выругался и собрался было ткнуть в шею, но тоже замер, разглядывая издалека чужой лагерь.

— Видишь? — спросил он Конана.

Конан обернулся. За эти дни он сильно исхудал, загорелые скулы его торчали, и варвар начал напоминать черного духа голодной смерти.

— Надеюсь, они нас еще не заметили.

— Вот еще глупости, — сердито сказал Дартин. — Это, наверное, кочевники.

Конан скривил губы.

— Я воевал с такими, как они. Лучше бы нам не попадаться им на глаза.

Дартин немного поразмыслил, облизывая сухие губы. Конан смотрел на него устало и равнодушно, не снимая мешка с плеч и всем своим видом показывая, что ждет, когда его спутник перестанет блажить, и они снова двинутся в путь. Конан, похоже, хотел обойти лагерь стороной — и таким образом упустить исключительную возможность запастись водой и черствыми лепешками.

Дартин выпрямил спину.

— По-твоему, встречаться с ними опасно?

— Да.

— Вот оно что, — протянул Дартин и криво

улыбнулся. — В таком случае, я останусь здесь, а к шатрам пойдешь ты.

— Ты мог бы зарезать меня прямо сейчас, — предложил Конан. — Зачем все так усложнять?

— Ты пойдешь к ним, — повысив голос, повторил Дартин, — и купишь у них что-нибудь.

Конан сбросил с плеч мешок и взял из рук Дартина деньги — шесть серебряных монет.

— Пустыня — единственное место, где я могу доверить тебе деньги, — сказал Дартин. — Здесь ты с ними не убежишь.

Конан не ответил. Сжав монеты в кулаке, он неторопливо зашагал к шатрам.

От шатров к нему помчался всадник. Конан остановился, приглядываясь, не блеснет ли на солнце сталь. Но всадник, судя по всему, не собирался его убивать. Пока нет.

Это был мальчик лет тринадцати, очень красивый. Он остановил коня, не по-доброму улыбаясь с седла.

— Милости Бэлит твоему коню, — сказал Конан. — У меня нет оружия.

— Вижу, — с легким презрением ответил мальчик. — У тебя нет. А у меня есть.

Он рассмеялся и умчался назад, к шатрам. Конан постоял немного, потом качнул головой и неторопливо пошел по его следам.

Возле самых шатров чей-то голос за спиной произнес:

— Стой.

Конан замер на месте.

— Повернись, — проговорил тот же голос.

Конан безмолвно повиновался. Некий человек в развевающихся черных одеждах гарцевал на тонконогом рослом жеребце. В ослепительных солнечных лучах Конан почти не мог разглядеть его лица, но не сомневался в том, что оно было красиво странной, зверской красотой: белые зубы, смуглая кожа, черные сверкающие глаза. Убивать таких людей — сплошное удовольствие. Достойные противники.

В душе Конан в очередной раз проклял похотливую дуру Альфию с ее тягой к синеглазым мужчинам — и спокойную мудрость правителя, который обрек провинившегося на пешее блуждание по пустыне, безоружным, в обществе трусливого дурака, который воображает себя «хозяином».

— Куда ты идешь? — спросил у киммерийца воин пустыни.

— Я иду к шатрам.

— Зачем?

— Так приказал мне человек, называющий себя моим хозяином.

Воин покачал головой.

— Мы не видели каравана.

— Тот человек один в песках ждет меня, — ответил Конан и, догадываясь о том, что последует за подобным ответом, заранее прикрыл лицо локтем. Однако воин не ударил его.

— Может быть, ты говоришь правду, — сказал он неожиданно. — Я воевал с такими, как ты. Ты северянин?

— Нетрудно было догадаться, — буркнул Конан.

— Северяне сумасшедшие, — сказал воин презрительно. — Я не стану убивать безумца.

Конан поднял руку в ироническом жесте благодарности, и воин рассмеялся.

— Иди сюда, — сказал он и неожиданно схватил Конана за волосы. — Иди, расскажешь всем о храбром человеке, который один пустился в путь через пески.

Он потащил Конана к шатрам и там с силой отшвырнул от себя. Падая, Конан налетел на кого-то из тех, кто стоял поблизости. Его оттолкнули, но он устоял на ногах.

Люди черных шатров были одеты одинаково. Конан ждал, пока с ним заговорят, не решаясь догадываться, кто из них старший.

— Ты кто? — спросили его.

Краем глаза он увидел, что спрашивает высокий человек лет пятидесяти.

— Я пришел с человеком по имени Дартин. Он ждет меня в отдалении. Я здесь один.

— Твой великий господин посыпает гонца предупредить о своем прибытии?

Конан услышал смешки и промолчал.

— Он идет сюда с караваном? — продолжались вопросы.

— Нет, — сказал Конан. — Каравана нет.

— Как твое имя?

— С некоторых пор я называю себя просто Уаннек, — ответил Конан.

Они засмеялись. Им понравилось, что чужеземец знает это мертвое слово.

— Чего же хочет от нас твой отважный спут-

ник, который прячется от нас в песках? — спросил старик.

— Он спрашивает вас: не могу ли я купить у вас что-нибудь?

Они снова дружно захохотали.

— «Что-нибудь»? — переспросил наконец старик. — Так и велел узнать? — Он переглянулся с одним из стоявших поблизости. — Мне нравится беспечность, с которой эти люди предали себя на волю судьбы. Она заслуживает нашего доброго отношения. Ну так принеси же ему «что-нибудь», Ильтану. И смотри, Уаннек, ты должен будешь это купить, иначе я разрублю тебя на шесть кусков и скормлю своим собакам.

— Странный способ вести торговлю, — проговорил Конан.

— А кто здесь торгуется? Только не я. Ты не заслуживаешь ничего иного. Кроме «чего-нибудь».

Ильтану — тот кочевник, к которому обратился старик-предводитель, повинувшись приказанию, нырнул в шатер. При этом он так радостно улыбался, что Конан ощутил холод в животе.

— Сколько у тебя с собой денег, Уаннек? — поинтересовался старик.

— Четыре серебряных, — ответил Конан, на всякий случай скрыв истинные размеры доверенной ему суммы.

— Ты сам столько не стоишь.

— Сейчас нет, — согласился Конан. — Но в нынешнее новолуние за меня выложили девять монет на рынке в Аш-Шахба.

— Для кого и девять монет — состояние, — язвительно заметил старик.

Конан поклонился с деланным смирением:

— Поражаюсь твоему опыту, мудрейший.

Старик не успел всплыть на дерзкое замечание: Ильтану вытащил из шатра нечто, называемое кочевниками «что-нибудь». Сначала Конану показалось, что воин держит в руках кучу тряпок и обрывков козьих шкур. Но когда Ильтану приподнял свою ношу и встряхнул ее, тряпье вдруг шевельнулось, и посреди свалявшегося меха раскрылись глаза. Темные, золотисто-коричневые глаза с расширенными зрачками, без ресниц. Они немного косили: левый смотрел в сторону, а правый — прямо на Конана. В них застыли безнадежность и мука.

Усмехаясь, Ильтану пригладил торчащую клочками шерсть. Открылась мордочка странного большеглазого существа, немного похожая на обезьяну, и большие розовые уши. Ростом существо доходило Ильтану до пояса.

— Ну как? — спросил старик, с трудом скрывая злорадство.

— Что это?

— «Что-нибудь», — пояснил старик. — Покупаешь? Четыре серебряных за что-нибудь. Честная сделка.

Существо напоминало оживший корень мандрагоры, покрытый свалявшейся шерстью. От него за версту разило нечистым духом.

— Нет, — сказал Конан.

— Я перестал понимать тебя, Уаннек, — ска-

зал старик, нахмурившись. — Ты попросил у нас «что-нибудь», назвал цену. Я как раз и предлагаю тебе «что-нибудь» и именно за твою цену. Большего оно не стоит. Это Пустынный Кода. Мы поймали его в прошлое новолуние. Вполне съедобен.

Пустынный Кода содрогнулся, и Конан с удивлением отметил это.

— Он что, понимает человеческий язык?

— Конечно. Эти твари населяют сердце пустыни. Когда-то их было очень много. А разве ты никогда не встречал их, Уаннек?

Конан покачал головой.

— Нет. Но объясни мне: зачем я стану покупать какую-то нечисть?

— Ты предпочитаешь уйти с пустыми руками?

— Да.

— Хорошо. Ты прав, Уаннек, что бережешь деньги своего хозяина. — Старик повернулся к Ильтану. — Раз никто не хочет покупать эту тварь, удави ее и дело с концом.

Ильтану, держа Пустынного Коду за шиворот, снял с пояса моток веревки. Кода закричал пронзительным голосом. Конан смотрел, как Ильтану ловко вяжет петлю, накидывает ее на горло Коды. Золотистые глаза Коды были полны ужаса.

— Останови его, — сказал Конан, хватая старика за полу. Он вынул четыре монеты. — Прошу тебя. Скажи своему человеку, пусть не делает этого.

Старик громко крикнул:

— Эй, Ильтану! Тот повернулся и с недоумением взглянул на старика.

— Уаннек передумал. Отдай этому умному рабу то, что он купил. — Старик показал монеты. — Смотри, вот человек, которому можно доверять деньги. Он не упустит выгодной сделки.

Под общий смех Конан низко поклонился. Ильтану швырнул к нему Пустынного Коду, и горячее лохматое тело, дрожа, прижалось к его ногам. Веревка по-прежнему болталаась у Коды на шее. Киммериец протянул руку, вежливо отобрал у Ильтану моток, рассудив, что веревка — вещь полезная, а Дартин, разумеется, о такой мелочи не позаботился.

Люди черных шатров смотрели, как Уаннек связывает слабые, очень худые под шерстью лапки Коды, цепляет веревку к своему поясу, и смеялись. Еще раз поклонившись старику, Конан пошел прочь, волоча за собой свою добычу. Вслед ему летел оглушительный хохот.

Пройдя несколько сотен метров, Конан остановился и освободил маленькую нечисть. Кода по-прежнему дрожал. Конан тщательно обмотал веревку вокруг пояса.

— Не бойся, — сказал он Коде, — я тебе ничего не сделаю.

Кода хлопнул глазами, и Конан наконец заметил, что ресницы у него есть и очень густые, только розового цвета.

— Ты понимаешь меня? — на всякий случай спросил Конан.

Он никак не ожидал ответа, но хриплый низкий голос произнес:

— Я понимаю тебя.

Конан весьма удачно скрыл свое удивление.

— Вот и хорошо. Ведь ты Пустынный Кода, это так?

— Я Пустынный Кода, это так, — согласилось существо.

— Почему эти люди так жестоко обращались с тобой?

— Они жестоко обращались со мной, — отозвался Кода. — Они поймали меня. Я чудовище. Приношу несчастье, язву, падеж скота, бесплодие женщин.

Конан улыбнулся.

— Это правда, — обиделся Кода. — Хотели меня зарезать. Выпустить мою кровь в песок.

— Ладно, — сказал Конан и, сев рядом с Кодой на корточки, потрепал маленькую нечисть по шерсти. — Ты свободен. Можешь насытить на них язву, падеж и бесплодие.

Золотисто-коричневые глаза медленно наливались слезами. Помолчав, Кода спросил:

— Почему ты не бросишь своего глупого хозяина в песках и не уйдешь один?

— Он погибнет в песках один.

— А я! — крикнул Кода. — А я, по-твоему, не погибну один? Ты хочешь прогнать меня, потому что я нечисть! Мне страшно! Мне больно! Я же не бессмертный!

— Заткнись, — сказал Конан. — Если тебе так хочется познакомиться с человеком по имени

Дартин, то не смею тебе мешать. Узнаешь много поучительного.

Он встал и пошел дальше. Кода, подпрыгивая и путаясь в лохмотьях, побежал следом.

— Подожди, — взмолился он. — Не так быстро, Уаннек.

Конан остановился. Кода, задыхаясь, прижался к его боку.

— Мое имя Конан, — сказал человек, глядя на Пустынного Коду сверху вниз. — Ты что, не можешь ходить?

Кода не ответил. Он снова начал дрожать. Конан догадывался, о чем он думает. Если признаться в том, что с ним жестоко обращались и теперь он не сможет быстро ходить, то человекбросит его умирать в пустыне. Не потащит же человек на себе Пустынного Коду?

«А почему бы и нет?» — подумал Конан. Он вздохнул, наклонился и взял на руки притихшего пустынного гнома. Кода так удивился, что перестал дрожать. Через секунду Конан услышал, как он тихонько икает, засунув мокрый нос ему под локоть.

* * *

— Что это ты купил? — спросил Дартин, недоумевая.

Бесформенная куча тряпья и свалившейся шерсти, сквозь которую, не мигая, смотрели большие золотистые глаза, шевелилась у ног Конана. Дартин растерянно потрогал непонятное су-

щество сандалией. Оно плотнее прижалось к Конану и замерло. Теряя терпение, Дартин перевел взгляд на своего спутника. Увидел бесстрастное загорелое лицо с торчащими, как рукоятки скрещенных ножей, скулами. Рявкнул:

— Что ЭТО такое, я тебя спрашиваю!

— Как ты велел, — невозмутимо ответил Конан. — «Что-нибудь».

«И как велела Афза, — припомнил он. — Купи первое, что предложат, и не торгуйся». Впрочем, последний наказ он выполнил не целиком. Он все-таки торговался. Две монеты так и остались у Конана в ладони.

Лицо Дартина перекосилось. Несколько секунд Дартин бесился молча, пиная ногами песок.

Между тем Пустынный Кода встал и дрожащими лапками стал поправлять свой плащ. Когда-то это был просторный шерстяной плащ песочного цвета, но теперь он превратился в рваную тряпку.

Неожиданно Дартин подскочил к нему, схватил за шиворот и приподнял, как котенка. Кода отчаянно завизжал и начал извиваться, но загорелые крупные руки Дартина держали его крепко.

— Я хочу знать, что это за тварь! — заорал Дартин, перекрывая своим сильным голосом дикий визг Коды. — Отвечай!

Он встряхнул Коду так, что тот лязгнул зубами.

Конан молчал, хмуро глядя на мелькающие в воздухе растопыренные розовые пальцы пустынного гнома.

— Отвечай! — крикнул Дартин.

Голова Кода с огромными ушами моталась на тонкой шее.

Дартин бушевал.

— ЭТО можно жрать? В каком виде? В жареном или вяленом? — Дартин разжал наконец пальцы, и Кода упал в песок.

Кода беспомощно барабантился у ног Дартина. Человек размахнулся, чтобы поддать ему ногой под ребра. Конан бросился вперед, и Кода шмыгнулся к своему защитнику, прячась за его спиной. Удар пришелся по колену варвара.

Дартин встретился с киммерийцем глазами и не выдержал — первым опустил голову. Он понимал, что сделанного не воротишь — ни воды, ни лепешек не будет. Только бесполезная странная тварь. И этот громила-варвар впридачу. Пустыня сама собой отменила все, что связывало людей в городе. Роли переменились. Теперь Дартин полностью зависел от Конана. И если он будет по-прежнему изображать из себя «хозяина», то киммериец попросту бросит его в пустыне умирать. В том, что Конану доводилось выбираться из мест похуже этого, Дартин теперь не сомневался.

— Не трогай его, — сказал Конан, потирая колено.

— Мы подохнем в этой пустыне, — безнадежно сказал Дартин. — Воды нет. Что ты будешь пить завтра?

— Вероятно, твою кровь, — ответил Конан.

Дартин замахнулся для удара, но тут же по-

качал головой и уронил руки. Конан дружески улыбнулся ему:

— Я пошутил, Дартин. Это была просто неудачная шутка.

И тогда Дартин вдруг понял, что киммериец вовсе не шутит.

— Нам повезло, что жители шатров были в хорошем настроении, — заговорил Конан. — Поверь, это большая удача.

Дартин плюнул. Вернее, попытался это сделать.

— Еще шесть дней пути. А воды осталось едва до завтра. И сущеная рыба подходит к концу...

Конан, который нес на себе все припасы, криво улыбнулся. Он уселся и принялся пересыпать песок руками.

— Я знаю.

Дартин присел рядом на корточки. Тревога в его душе росла.

— На что ты надеешься, Конан?

— Найти колодец.

— А если мы не найдем колодца?

Синие глаза киммерийца сузились.

Кода настороженно наблюдал за людьми. Заметив его пристальный взгляд, Конан тихо присвистнул, подзываая маленькую нечисть. Кода подошел поближе. Одно ухо у него распухло и покраснело.

— Кто он такой, в конце концов? — осведомился Дартин довольно мирным тоном.

Конан лениво ухмыльнулся и провел пятерней по песку.

— Пустынный Кода.

— Что? — Дартин вытаращил глаза.

— Нечисть, — пояснил Конан. — И довольно зловредная. Так?

Хриплый пиратский голос Коды подтвердил:

— Нечисть я и довольно зловредная, это так.

Дартин подскочил:

— Оно еще и разговаривает?

— Я не оно. Я Пустынный Кода, — обиделся Кода. — Я разговариваю.

— Кстати, Дартин, тебе придется взять часть груза на себя, — неожиданно сказал Конан.

Дартин удивился. Так удивился, что даже не стал ругаться.

— Что ты сказал? — переспросил он, не веря своим ушам.

— Я сказал, — спокойным, ровным тоном повторил Конан, — что тебе придется взять часть груза. Ты ведь не захочешь нести на спине Коду?

Дартина передернуло.

— Оно что, еще и ходить не может?

— Я не оно. Я Пустынный Кода, — скрипнул Кода. — Я могу ходить. Но я могу ходить медленно.

Дартин застонал. Ему было очень плохо: от жары, от жажды, от тревоги. Но больше всего, пожалуй, его выводило из себя непоколебимое спокойствие Конана. С каждым днем варвар становился все уверенней, словно черпал силы в бессилии Дартина.

Дартин опустился на песок. В глазах у него потемнело, в ушах застучала кровь. Его сильно затошило, и он сжал зубы, закрыв лицо руками. Конан бросил ему одеяло, которое Дартин схватил и машинально прижал к себе.

— Поспи, — предложил Конан. — Пойдем дальше ночью, когда станет прохладно.

— Ночью темно, — с отвращением сказал Дартин, заворачиваясь в колючее шерстяное одеяло.

— Ночью луна, — отозвался Конан.

— И вампиры, — мерзким голосом вставил Кода и в ту же секунду присел, получив от Конана увесистую оплеуху. Рука у киммерийца была тяжелая. Кода глухо заворчал и притих.

Конан осторожно потрогал его распухшее ухо.

— Болит ухо-то? — спросил он.

— Ухо-то болит, — жалобно подтвердил Кода.

Ухо не просто распухло. Оно в полном смысле слова отваливалось. Тонкая розовая кожа была порвана, на месте ранки образовалась огромная болячка. Конан задумчиво рассматривал ее. Кода всем своим видом выражал покорность судьбе.

Порывшись в кармане, Конан вытащил круглую коробочку из толстого белого стекла — подарок Афзы. «Бери все, что дадут, не торгуясь». Улыбаясь, киммериец поковырял пальцем в густой скользкой мази темно-зеленого цвета и стал намазывать несчастное ухо. Кода сильно засопел и переступил с ноги на ногу. От мази распространилось зловоние.

Дартин натянул одеяло себе на голову. Он больше не мог выносить этого кошмара. Пусты-

ня была алтарем. Огромным алтарем чужого божества, а солнце — ножом в руке небесного жреца. Дартина мучительно хотелось окунуться в спасительные воды атеизма, но ему мешали — вонючая мазь, отвратительная тварь из шахбинских песков, которая ныла и жаловалась, грязный бродяга Конан.

Незаметно для себя Даргин заснул и почти сразу же услышал ненавистный голос Конана:

— Даргин.

Даргин нехотя высунулся из-под одеяла:

— Что тебе?

— Пора иди. Уже вечер.

Даргин со стоном сел. Чужая луна с отъеденным боком низко висела над горизонтом. Залитые лунным светом, маячили перед ним две щуплые фигуры, одна побольше, другая поменьше. Конан и Кода. Даргин содрогнулся. На миг ему показалось, что он попал в плен к странным темным силам. Потом взял себя в руки. Прежде он никогда не считал себя суеверным.

— Помоги мне встать, — сердито сказал он, обращаясь к Конану.

* * *

С того момента, как у них кончилась вода, минуло восемь часов. Свою единственную надежду — людей черных шатров — они оставили далеко позади. Компас свисал с вытянутой шеи Дартина и при ходьбе тяжело бил его по впалому животу.

Конан шел впереди. За спиной у него пристроился Пустынный Кода, привязанный плащом так, как обычно женщины из кочевых племен привязывают детей. Кода оживленно вертел лопоухой головой и время от времени что-то говорил своему покровителю, размахивая лапками. Конан не утруждал себя ответом, и гном на время замолкал и снова цеплялся за его шею.

Даргин не понял, зачем Конан резко свернул в сторону. Там ровным счетом ничего не было. Такие же пески. Кода оживленно заговорил, тыча в песок розовым пальцем. Человек остановился, поглядел на Коду, словно не веря его словам, но Кода снова что-то проговорил, и тогда киммериец послушно пошел в том направлении, что показала ему нечистая тварь. Даргин увидел, что Конан ускорил шаги.

Конан почти пробежал метров тридцать и так же внезапно замер, как вкопанный, на совершенно пустом месте, глядя себе под ноги.

— Что это с ним? — пробормотал Даргин. — Он в своем уме?

Конан упал на колени и, опираясь руками о песок, прижался к нему щекой. Кода завизжал и забарахтался у него на спине. Выпрямившись, Конан развязал узел, освобождая Коду, и тот присел рядом на корточки. На глазастой физиономии Коды появилось озабоченное выражение. Он что-то проговорил своим хриплым каркающим голосом.

Даргин с досадой смотрел на обоих. Похоже, эти двое не собирались продолжать путь. Конан

уселся, скрестив ноги, и принял что-то внушишь Коде. В ответ гном возбужденно фыркал, мотал в знак протеста розовыми ушами и притих только тогда, когда человек сильно щелкнул его по лбу.

Дартин решил положить конец этому безобразию. Заметив стремительно приближающе-гося Дартина, Конан выставил вперед руки:

— Осторожно! — крикнул он.

Дартин бросил взгляд себе под ноги и остановился. Прямо перед ним в песках зияла дыра. Глубокая, бездонная яма, ничем не обозначенная и, на первый взгляд, никак не укрепленная.

Это был колодец.

Дартин повел себя так же, как несколько минут назад Конан. Он встал на колени и заглянул в колодец.

— Вот и вода, — сказал Конан.

Вид у Дартина был растерянный.

— Но как же так, — проговорил он, — мы ведь могли пройти мимо...

— Ничейный колодец, — сказал Конан. — Этой водой могут пользоваться все. Нам невероятно повезло, господин.

— Ни веревки, ни меха...

Конан нехорошо прищурился.

— Да, — заметил он, — эдак можно умереть от жажды прямо рядом с колодцем... Если не подумать заранее о такой возможности.

Он неторопливо размотал с пояса веревку. Дартин впервые смотрел на своего спутника без отвращения. Вода была близко, до Белых Гор ос-

талось всего пять дней пути. Дартин вытащил из мешка кожаный мех и протянул его Конану. Тот кивком подозвал к себе Коду.

— Не полезу, — каркнул Кода.

— Тебя не спрашивают, — сообщил Конан.

Он положил мех и веревку на песок и двинулся к Пустынному Коде, который поспешил отскочил в сторону.

— Я все равно поймаю тебя, — сказал Конан. — Кода, лучше не спорь.

Большой рот Коды расплылся, и из золотисто-коричневых глаз потекли слезы. Он ревел, захлебываясь и дергая мокрым носом. Он бросал на Конана взгляды исподлобья — мрачные и жалобные.

Конан взял его за тонкие плечи.

— Нужна твоя помощь, пойми.

В ответ послышалось продолжительное невнятное нытье, в котором с трудом угадывались слова.

— Ы-ы-ы... утопить... ы-ы-ы...

— Я тебя крепко привяжу, — обещал Конан.

Кода замолчал и перестал дышать. Он не дышал, казалось, целую минуту, а потом трагически всхлипнул.

— Кода, я бы сам полез, но меня веревка не выдержит.

Кода помялся немного, потерся головой о плечо человека. Конан заметил, что при этом пустынный гном потихоньку обтирает сопли о его рукав, усмехнулся, но ничего не сказал.

— Я боюсь, — сказал Кода. Ответа не последовало. Кода поднял глаза — огромные, полные

мольбы. Это могло бы растопить сердце людоеда, но Кода имел дело с киммерийцем.

Конан ласково потрепал гнома по уху.

— Все будет хорошо, — сказал он. — Полезай.

Кода покорно дал обвязать себя веревкой, взял в руки мех и начал спускаться, упираясь в стенки ногами и спиной. Конан потихоньку стравливал веревку.

— А если он не дотянется до воды? — спросил Дартин неизвестно зачем.

Конан не ответил. В этот момент они услышали плеск.

— Ну вот и все, — пробормотал Конан. И, пригнувшись к яме, крикнул: — Как ты там?

Снова раздался плеск. Потом гулкий голос Коды недовольно произнес:

— Я Пустынный Кода. Я не водяной. Холодно здесь. Сыро. Плохо здесь.

— Ты набрал воды? — крикнул Конан в колодец.

— Я набрал воды.

— Вытаскиваю. Держи мех крепче, Кода.

— Держу крепче, — отозвался Кода и с неожиданным злорадством прибавил: — Но это уж как получится...

Конан, начавший было выбирать веревку, снова отпустил ее. Кода шакалом взвыл из глубины.

— Если у тебя не получится, полезешь назад, в колодец, — предупредил Конан.

— Ну хватит! — взвизгнул гном. — Тащи меня! Конан!

Конан еще немного опустил веревку. Из колодца донеслось отчаянное рыдание.

— Держи мех, держи! — подбодрил Коду негодяй киммериец. — Если ты его уронишь, я тебя утоплю.

— Конан! — даваясь от слез, прокричал из колодца гном. — Не надо! Пожалуйста! Не делай этого!

Конан осторожно потащил Коду наверх. Скоро над краем колодца показалась розовая лапка, вцепившаяся в завязки меха. Дартин быстро схватил драгоценный груз, но пальцы Коды не разжимались. Он боялся, что люди, получив воду, столкнут его вниз. Догадавшись об этом, Конан подхватил Коду под мышки и вытащил на песок. Только тогда Кода уступил Дартины и выпустил из рук кожаный мех с водой.

Конан провел рукой по влажной шерсти Коды. Постукивая зубами, Кода так сильно прижался к нему, что Конан покачнулся.

— Ты молодец, малыш, — сказал ему Конан.

Вода была горьковатая на вкус. Они напились, и только тогда Конан задумчиво произнес:

— Повезло нам. Колодец мог быть раза в два глубже.

— Повезло нам, — эхом откликнулся Кода. Он, казалось, уже забыл, как потешался над ним Конан, и сидел с таким видом, словно однажды присутствие этого человека делает его счастливым.

Глава пятая Заброшенный рудник

В Белых Горах была поздняя весна. Путешественники спускались по скользкой от воды дороге в ущелье, по которому бежал ручей. Вокруг буйно цвели деревья и кусты, и листья на них были незнакомых очертаний. Внизу, у самого ручья, росло дерево, сплошь покрытое белыми цветами. Сквозь прозрачную воду хорошо были видны камешки, лежащие на дне.

Они спускались все ниже, и с каждым витком дороги находили новые штолни, наполовину забитые досками, наполовину осыпавшиеся. В некоторые из них уходили накатанные тачками дороги, исчезая в штольне, как в захлопнувшейся пасти. Повсюду валялись ржавые молотки, изъеденные дождями зубила, кувалды, сломанные тачки. Талая вода бежала вниз по склону, не признавая построенной людьми дороги, тихо журчала на перекатах, тяжелыми каплями падала с уступов.

Двое усталых мужчин и странное лохматое существо с воспаленными глазами молча брели по поющему от воды весеннему миру. Когда-то давно сюда вторглись жестокие и могущественные существа — люди. Они взрезали землю, истоптали, осквернили ее, но потом что-то случилось с ними, и они побросали свои странные железные вещи и ушли. Исчезли неведомо куда

и как. И вот наступила весна, которая не привыкла считаться с людьми...

В искалеченном и вместе с тем цветущем мире немолчно пела вода, и Конану все время казалось, что кто-то с гор смотрит ему в спину.

Он остановился, снял с себя груз.

— Разобъем лагерь, — сказал он Дартина.

Место выбрал хорошее — сухое и ровное. Конан вытащил из мешка одеяла. На то, чтобы развести костер и приготовить хотя бы кипяток, сил уже не было, и они безмолвно решили отложить это на завтра.

Кода пристроился рядом со своим другом, и Конан сгреб его под одеяло. «И не противно же ему», — подумал Дартин, у которого Кода вызывал неизменную дрожь отвращения. А маленький Кода, прижавшийся к человеку лохматым горячим боком, всю ночь не давал ему замерзнуть.

* * *

Поскольку они не развели костра, то никто в горах не счел нужным заметить их присутствие. Не успели люди сомкнуть глаз, как кто-то в ущелье заорал и зарыдал отвратительным голосом. Казалось, чтоkapризничает чудовищный ребенок.

— Шакалы, — сказал Конан Дартина сонным голосом. — На целую ночь теперь...

И тут же еле слышно захрапел.

Дартин посмотрел на него с завистью. Конан

умел спать в любом месте, где только удавалось растянуться.

Истерический плач сменился истерическим хохотом. Над головой повисли звезды. Чтобы отвлечься, Дартин попробовал отыскать звезды, названия которых знал, но, как всегда, не сумел этого сделать. А потом оказалось, что можно спать даже под омерзительное завывание шакалов. И Дартин заснул.

Его разбудил холод. Продрав слезящиеся глаза, Дартин долго моргал и растирал руками лицо, прежде чем высунуться из-под одеяла. Звезды ушли и вместе с ними ушли шакалы. Туман нехотя уползал, и сквозь белизну утра уже проглядел ясный и теплый день.

— Эй, Конан, — позвал Дартин. Он потрогал ногой одеяло своего спутника, но ответа не получил. Одеяло зашевелилось. Отчаянно зевая, из-под него выбрался Кода.

Дартин поморщился.

— Где Конан? — спросил он, стараясь не встречаться с Кодой глазами.

— Не знаю, — отозвался Кода. Спросонья голос у него был еще более хриплым.

— Собери веток для костра, — распорядился Дартин.

Кода озабоченно трогал болячку за ухом, словно не слыша приказа.

Дартин повторил чуть громче:

— Разведи костер.

— А Конан на что? — нагло возразила нечис-

тая сила. — Он могучий. Он может лучше развести костер.

Дартин покачал головой.

— Знавал я людей, которые из таких, как ты, делают оторочку для плащей.

Кода покосился на тяжелый нож, который висел у Дартина на поясе. Дартин с удовольствием зарезал бы его, и Пустынный Кода предупредительно отошел на безопасное расстояние.

— Я гнусная тварь, — заявил Кода. — Я мерзость. Ох, как я мерзок!

И хихикнув действительно мерзким голосом, он стремительно бросился бежать вниз, в ущелье.

Растерявшийся от этой выходки, Дартин обеими руками взъерошил волосы.

* * *

Солнце пробилось, наконец, сквозь туман, и на душе у Дартина стало легче. Желтый камень Зират. Он спрятан где-то здесь. Нужно только найти его и взять.

Дартин прихватил жестяное ведро, заляпанное краской, и решительно зашагал по скользкой дороге к ручью.

У ручья, возле цветущего белого дерева, весело горел костер. В точно таком же жестяном ведре, только менее грязном, уже закипала вода. Сидя на корточках, Конан задумчиво рассматривал камешки, лежащие на берегу. Белые, рыжие, иногда с яркими желтыми пятнами, словно

кто-то присыпал их пригоршнями цветного порошка. Кода, пристроившись рядом, говорил:

— Не нравится мне здесь.

— И мне не нравится, — соглашался Конан. — Очень уж тут красиво.

— Слишком ярко, — сказал Кода. — Это всегда опасно.

За их спинами чернела последняя штолня — самая нижняя. Справа от Конана возвышалась гора отвалов.

Штолня не была заколочена, только осыпалась немного. Вход в нее был обгрызен ветрами. Порыжевшие полуупрозрачные кубики кристаллов, размером не больше дюйма, покрывали скалу там, где проходила трещина.

Дартин машинально протянул руку и без всяких усилий снял со скалы несколько кубиков, поражаясь правильности их формы. Там, где кубик не был покрыт ржавчиной, были видны бледно-желтые грани. Дартин размахнулся и бросил кристаллы в воду.

Конан и Кода обернулись к нему одновременно, и на их физиономиях, таких разных, появилось одинаковое выражение досады. Дартин поднял бровь. «Этого только не хватало, — мелькнуло у него в голове. — Я им, оказывается, мешаю беседовать. Друзья-приятели. И угадайте, кто тут лишний? Разумеется, бедняга Дартин. Не повезло старику».

Конан махнул ему рукой.

— Присаживайся к нам. Сварим похлебку — у меня оставалось немного солонины.

Дартин зашел в ручей и долго, с шумным плеском, умывался. Сразу стало легче. Перестали слипаться ресницы, ушел озноб. Он обтерся рукавом.

— Солонина? Что же ты раньше молчал?

— Берег до гор, — спокойно объяснил Конан. — Работать на голодный желудок трудно, а поохотиться здесь я сумею только завтра.

— Вот дурак, — пробормотал Дартин, — ты же мог не дожить до гор.

Конан не ответил.

Дартин еще раз оглядел ущелье. Он уже начал понимать, что небольшой камень можно отыскать на старом руднике только с помощью чуда. «И все-таки я найду его, — подумал Дартин, скимая губы. — Найду, даже если мне придется перебрать все эти отвалы, камень за камнем».

Между тем Конан и Кода возобновили свой негромкий разговор, словно Дартина здесь и вовсе не было.

— Ты заметил, Кода, во рту странный привкус, — сказал Конан.

— Я заметил странный привкус, — проскрипел Кода, — как будто под языком железный шарик.

Конан снял с огня ведро и, порывшись в кармане, вытряхнул на ладонь несколько ломтиков солонины.

— Отойди-ка в сторону, — сказал он Коде, сливая лишний кипяток на землю.

— Нехорошо здесь, — сказал Кода, наблюдая за ним. В больших глазах пустынного гнома появ-

вилась тревога, и они стали косить еще больше. — Нехорошо здесь, Конан. Даже мне. Людям тем более.

— Глупости, — сердито вмешался Дартин. — Предрассудки. Место как место...

— Это плохое место.

— Плохих мест не бывает.

— Может, и нечисти, и духов, и гномов тоже не бывает? — вставил Кода.

Конан больно стиснул его пальцы, и Кода затих.

— Дартин, — вполне серьезно сказал Конан, — Кода видит здесь беду, и я склонен с ним согласиться. На этих каменоломнях люди быстро умирали от болезней. Что ты потерял в ущелье? Нам лучше уйти.

— Ты никуда не уйдешь. Слушай меня. На этом руднике одиннадцать штолен. Где-то в залах спрятаны сокровища — и будь я проклят, если уйду отсюда без них.

— Полагаю, твой план отводит мне значительную роль в поисках? — осведомился Конан.

— Ты, как всегда, проницателен, — сказал Дартин. — Отправишься в нижние штолни. А я осмотрю верхние.

— Никуда он не полезет, — Кода втиснулся между людьми. — В нижние штолни? Никогда, покуда я жив! Там — смерть. Я — его друг, а он — мой друг. Я не позволю ему это делать.

Конан взял разбушевавшегося Коду за плечо и мягко отодвинул в сторону.

— Что ты хочешь здесь найти, Дартин? — спросил он.

— Я уже отвечал тебе на этот вопрос. Где-то в этих штолнях спрятано целое состоянне, — начал Дартин, — и если ты поможешь мне отыскать его, я отпущу тебя на свободу.

Последнее обещание прозвучало смехотворно — Конан и без того давно уже был свободен, — но Дартин пытался хотя бы «сохранить лицо».

— Врет, — прокаркал Кода. — Не верь ему, Конан, он ведь врет!

Неожиданно Конан рассмеялся. Дартин впервые видел, как этот человек смеется.

— Ты что, — спросил Конан, — хочешь найти желтый камень Зират?

— Тебе известно об этом сокровище? — поразился Дартин.

— Да кто же в Аш-Шахба о нем не знает! Мне рассказали о нем в первый же день. И знаешь кто? Две откромленные рабыни, предназначенные для утех смотрителя господских садов! Даже им известно о сестрах-богинях, о древнем храме, о сокровищах, которые пропали во время одной из мелких местных войн. Ну и о прочем. Не знаю уж, что тебе еще поведали. Удивительно! Почему же ты не слыхал об этом раньше?

— Я не прислушивался к глупым разговорам.

— А потом вдруг прислушался?

Конан улыбнулся совершенно дружески.

Дартин почувствовал себя уязвленным.

— Да. Взял и прислушался. Любая легенда рождается не на пустом месте. А что касается со-

кровищ и сестер-богинь... Знают о них, может быть, и все. А найду желтый камень Зират я.

Конан не счел нужным скрывать усмешку, однако от продолжения разговора воздержался. В молчании они съели похлебку и разошлись.

Дартина хотелось поскорее убраться подальше от опасного места. Как ни противилось его сердце выкрикам маленького гнома о том, что здесь-де нехорошо, Дартин шестым чувством понимал: Пустынnyй Кода прав — дурные предчувствия охватывают всякого, кто оказывается в этих местах. Ну, всякого — кроме Конана. Этому варвару, кажется, все нипочем.

Глядя, как Дартин взбирается наверх, Конан еле слышно пробормотал:

— Дурак...

Он повернулся к Пустынному Коде, который обиженно хлопал пушистыми светлыми ресницами и ждал, пока его заметят.

— Иди ко мне, малыш.

— Я сержусь, — с глубоким вздохом ответил Кода. — Ты толкнул меня. Ты смеялся надо мной.

— Прости меня, Кода.

— Ты неискренне говоришь это. Я сержусь.

Они немного помолчали. Конан снова начал перебирать гальку. Первым не выдержал Кода.

— Я сержусь, — напомнил он жалобно.

— А ты не сердись, — посоветовал ему Конан.

Гном потоптался на месте и решил сменить тему разговора.

— Дартин — гнусный тип. Он толкает тебя на верную погибель...

Косящие золотистые глаза медленно налились светом, и Кода вкрадчиво спросил:

— Конан, можно, я наведу на Дартина порчу?

— Еще что выдумал, — сказал Конан, вставая.

— Я еще выдумал, — подтвердил Кода. — А если устроить обвал в горах?

Конан покачал у него перед носом грязным пальцем.

— Ни обвалов, ни землетрясений, ни чумы. Понял? Шею сверну!

— Понял, — уныло сказал Кода. От разочарования его уши повисли, как увядшие лопухи. — Ни обвалов, ни землетрясений, ни чумы. Свернешь шею. Человек!

В последнее слово он вложил всю горечь обиды.

* * *

Дартин бил подобранным возле штольни молотком по скальной стенке.

— Привет, — произнес голос у него за спиной.

Голос был женский.

Кто она? Фея гор, царица весны, юная жрица? Только бы не спутнуть. Если Дартин будет с ней вежлив, она поможет ему. Она укажет розовым пальчиком: здесь твое сокровище, парень. Вот здесь — и нигде более.

Но девушка не была ни феей гор, ни царицей весны.

Слегка расставив ноги в сапожках из мягкой желтой кожи, перед Дартином стояла Дин.

Она была одета как мальчишка, в шаровары и белую рубашку. Хлыстиком чернела тонкая косичка с вплетенными в нее медными монетами. Дартин не сразу заметил, что в опущенной руке она держит киммерийский меч — прямой и более длинный, чем носят здешние воины.

— Привет, Дин, — пробормотал Дартин, смущившись. — Ты... что ты так смотришь? — И неожиданно спохватился: — Откуда ты взялась?

— Я шла по твоим следам.

— По пустыне? Одна?

— По пустыне, — высокомерно сказала Дин. — Одна.

Дартин чувствовал, что она говорит правду, и похолодел.

Машинально он отступил на шаг и тронул рукоятку своего кинжала. Такие ножи — широкие, тяжелые, с рукоятками из гладкой кости — называли «лысая голова».

Дин развернула руки в стороны, сверкнула сталь ее меча. Бледное лицо девочки было неподвижным, словно вырезанное из камня. Дартину стало жутко. «Убить это существо, — подумал он внезапно, — убить и избавиться от кошмара. Она оборотень, лисица». Он вспомнил, как рыдали ночью шакалы.

Дин опустила руки. Дартин смотрел на нее во все глаза и ждал, когда она превратится в самку шакала, в лисицу, во что-нибудь ужасное. Но она продолжала оставаться девочкой.

— Где камень? — спросила его Дин.

— Какой камень?

— Дартин, ты лжешь.

— Ты рехнулась, Дин! Какой еще камень?

— Желтый камень, некогда похищенный у Зират. Ты нашел его. Теперь отдай.

— Клянусь тебе, Дин...

— Лучше не лги, Дартин. Этот человек показал его тебе.

— Кто? Какой человек?

— Тот, которого ты украл у меня. Конан. Отдай мне камень, а человека можешь забирать себе.

— Ты ошибаешься, Дин. Он даже не знал, зачем мы идем сюда.

— Разве не он привел тебя в это ущелье?

— Нет!

— Стой, не шевелись, — приказала Дин. Она пристально посмотрела на растерявшегося Дартина, и ему вдруг стало холодно. Озноб пробрал его до самых костей. А Дин смотрела и думала о чем-то своем, тайном.

«Почему я послушно стою перед ней, не смея шевельнуться?» — в смятении думал Дартин.

Наконец она с легким вздохом сказала:

— Да, ты его не видел... Ты никогда не видел желтого камня Зират.

Теперь, когда странная власть Дин над ним закончилась, Дартин ощутил прилив ярости. Освободившись от оцепенения, он выхватил нож и подскочил к Дин, навалился на нее тяжелым плечом, приставил нож к ее горлу.

— Что ты знаешь о желтом камне? Где он?
Говори!

Дин молчала. Черные узкие глаза не видели Дартина, ее взгляд снова ушел куда-то в глубину ее сознания. Избавиться от постыдного страха перед этой сумасшедшей — ничего другого Дартина не хотелось. Он больше не колебался.

— Проклятая ведьма, — прошипел он и с силой всадил нож в ее пульсирующее, очень белое горло.

Нож сломался.

Дартину показалось, что он ударил по камню. Но на горле осталась тонкая красная царапина. А лицо Дин было попрежнему неподвижным.

Дартин выпустил девочку. Дин уседлась на землю, скрестив ноги, и уставилась куда-то на вершины гор. Точно пыталась заглянуть за перевал. Шатаясь, Дартин стоял перед ней и тупо смотрел на обломок ножа.

— Я Зират, — ровным голосом, как будто ничего не произошло, сказала Дин. — Я Зират Капризная, Своевольная, Дарящая Радость. Великая богиня Алат — моя младшая сестра.

Дартин едва держался на ногах. Шестым чувством он угадывал: девочка не шутит. Она говорит правду. Вот что таилось в ней. Она не была ведьмой, не зналась ни с целительством, ни с колдовскими травами, ни с заклинаниями. И бежавшей из храма жрицей она тоже не была. Богиня. Ни больше ни меньше. Богиня. Ожившая, принявшая человеческое обличье

Спокойный детский голос продолжал:

— Я хочу получить назад мой камень.

Наваждение становилось нестерпимым. Дартин отчаянно закричал:

— Я не верю тебе!

Но он верил.

Она рассматривала его без всякого интереса.

— Где Конан?

— Зачем он тебе?

— Он видел мой камень, — сказала Дин уверенно. — О, он видел. У всех, кто его видел, остался свет в глазах. Я замечала.

— Ну, предположим... А если он не скажет?

— Он ничего не сказал тебе, — отозвалась Дин, — потому что ты обращался с ним, как со скотиной. Тебе просто повезло, что он поленился зарезать тебя сонного. — Она встала. — Прощай, Дартин. За перевалом заканчиваются мои владения. Если хочешь, иди туда. Но в Аш-Шахба тебе лучше не появляться. — Впервые за все это время она смотрела ему в глаза. Смотрела и улыбалась — ясной, жесткой, немного отрешенной улыбкой. — Моя сестра Алат может потребовать человеческих жертвоприношений, если я ее попрошу...

Девочка повернулась и пошла прочь.

Вытаращив глаза, Дартин смотрел вслед девочке, легко шагавшей по скользкой дороге в сторону перевала. Он поддал ногой обломок своего ножа, и металл звякнул, ударившись о камень.

— Дин, — сказал Дартин. — Дин. Таких имен не бывает. — Он задрал голову и крикнул: — Ты не можешь быть богиней! Ты просто ребенок!

Но эхо промолчало, словно у него на этот счет было другое мнение.

* * *

Пустынный Кода и его друг Конан сидели вдвоем на берегу реки Белой, глядя на ее мутные бурные воды. Горы остались позади. Прямо перед ними, на противоположном берегу, белели глинобитные стены Хаддаха, тонущие в цветущих деревьях.

— Ты решил бросить Дартина там, в ущелье, — сказал Кода, — и я тебя одобряю.

— С чего ты взял, о Кода, порожденье дикой пустыни, что я нуждаюсь в твоем одобрении? — отозвался Конан.

— Я порожденье дикой пустыни, — мечтательно откликнулся Кода. — А ты человек. Ты нуждаешься в одобрении. Люди всегда нуждаются в одобрении.

Конан снял сандалии.

— Сколько воды, — сказал он, глядя на реку. — Просто не верится.

Вода была ледяная, но Конан словно не замечал этого. Река казалась ему огромным праздником. Он стоял по колено в мутной воде, повернувшись лицом к течению, и смотрел на нее в молчаливом восторге.

За спиной человека пробасил Кода:

— Ой.

Конан повернулся. Солнце светило ему в глаза, и он не сразу понял, чей это темный силуэт

неожиданно вырос на берегу. Он только отметил, что стоящий перед ним человек ростом значительно ниже, чем Дартин.

Конан медленно вышел на берег. После воды трава была блаженно теплой.

Худенький подросток с мечом в руке разглядывал перетрусишего Коду. Кода злился, и глаза у него неудержимо разъезжались в разные стороны.

— Нечистый, — определил подросток. — Из низших...

— Я Пустынный Кода, — прогудел гном оскорбленно.

— Вас не всех еще истребили? — Подросток явно был удивлен этим обстоятельством, а гном очевидно находил сие удивление весьма и весьма невежливым.

— Милости Бэлит твоему пути, — вежливо заговорил с незнакомцем Конан, подходя.

Кода мгновенно перебрался к своему спутнику-человеку и начал демонстративно дрожать, поддавая трясущейся спиной ему под колени.

Подросток опустил голову и пошел к ним на встречу легким танцующим шагом, словно взлетая над прибрежной галькой. Конан отступил в сторону, случайно отдавив Коде ногу. Пустынный гном вскрикнул и закрыл лицо лапками.

Конан с интересом рассматривал ребенка, не весть откуда взявшегося здесь, бесстрашного и бессердечного. Что-то очень знакомое было в лице странного мальчика. Внезапно Конан узнал его. — точнее, ее.

— Дин! — воскликнул варвар. — Ну конечно! Я должен был сразу догадаться. Здравствуй!

— Хорошо, — сказала Дин. — Я рада, что ты признал меня. Скажи своему глупому приятелю, чтобы не боялся — я ничего ему не сделаю.

— А кто боится? — хрюпнуло спросил Кода. — Лично я не боюсь. Я гном, существо из низших. Мне до тебя и дела нет, Дин. Наверное, ты пришла за человеком. Ну так и забирай его. Пусть он боится, если сочтет нужным.

— Вот еще, — проворчал Конан.

То, как повернулась беседа, ему совершенно не нравилось. Киммериец терпеть не мог, когда вокруг него говорили загадками, и Кода сообразил это первым. Он повернулся к своему рослому спутнику и вцепился в его пальцы своими крепкими горячими лапками:

— Ты хоть знаешь, кто она такая, Конан?

— Насколько я могу судить, это — Дин, — ответил Конан. — Плясунья с рынка. Девочка, которая заплатила за меня девять монет серебром. Большая подруга нашего глупого Дартина.

— Если бы только это, — заметил Кода. — Если бы она была только плясуньей. Если бы она была только тем, кто заплатил девять монет серебром

— Кода, молчи, — приказала Дин. Она начала сердиться. — Ты проклятый болтун! Я сама ему скажу все, что мне потребуется.

Но Кода внезапно вскочил вперед и яростно завизжал:

— Не стану я молчать! Не смей мне приказы-

вать! Здесь не твои владения! Кончилась твоя власть! Думаешь, ты всемогущая? Можешь бродить по человеческому будущему, по человеческому прошлому, по памяти людей, по их намерениям? Ничего у тебя не получится! Здесь ты — никто! Здесь у тебя нет силы! Здесь ты просто девчонка!

Дин схватила его за шиворот, и Кода мгновенно задохнулся. От злости глаза у него стали совершенно желтыми.

— Отпусти его, — попросил Конан. — Он очень напуган, вот и несет невесть что.

— Я не напуган, — прохрипел Кода.

Не выпуская пустынного гнома из рук, девочка задумчиво заговорила:

— Он прав, Конан. Я...

— Зират, Зират! — снова заверещал Кода. — Капризная, своеольная! Зират Убийца! Опаснее ядовитой змеи в желтых песках!

Конан склонил голову набок. Вот оно что. Вот почему Дин с самого начала не показалась ему колдуньей, хоть он и ощущал в ней нечто сверхъестественное. Она даже не чудовище. Богиня. Древняя забытая богиня, которой некогда поклонялись люди. Оставленная, но не утратившая мощи. Опасней ядовитой змеи. Ему следовало бы догадаться об этом с самого начала.

— Я Зират, — подтвердила девочка. — Нас было четыре сестры, там, в Аш-Шахба. Аллат, младшая из всех, — владычица города. Мне повинуется время, заключенное в памяти людей. Я могу заглянуть в прошлое любого человека и

увидеть там все, что потребуется. Некогда нам построили храм за Серыми Стенами. Люди поклонялись четырем сестрам, которые держали в своих руках их судьбу — Зират посмотрела на свои испачканные, пыльные ладошки. Меньше всего она напоминала сейчас великую грозную богиню. И в то же время таинственный ореол величия окутывал ее хрупкую фигурку: странным образом в девочке сочеталась детская хрупкость и несокрушимая мощь древнего божества.

Она посмотрела прямо в синие глаза варвара и улыбнулась — так простодушно и открыто, что Конан ощутил к ней мгновенную горячую симпатию. Как будто она действительно была его добросердечной подружкой, милой спутницей, с которой хорошо коротать вечер у костра.

— Сейчас все это не имеет больше никакого значения, — сказала Дин. — Кода прав. Мы, четыре сестры, враждует с владычицей Хаддаха. Яступила на чужую землю.

— Тебе угрожает опасность? — спросил Конан.

Она весело тряхнула волосами.

— Возможно!

— Я могу тебя защитить?

— Если захочешь.

Маленькая богиня, утратившая свою власть, стояла на берегу мутной реки, держа в правой руке прямой киммерийский меч. В левой болтался забытый Пустынnyй Кода. Эти детские руки, искусанные мошкой, брали из печки пылающий уголь. Конан сам видел, как это происходило.

— Кто остальные сестры? — спросил Конан неожиданно.

— Неважно, — сказала Зират.

— Ответь мне! — настойчиво повторил он.

Зират опустила Коду на землю. Забытый, он отполз в сторону и, ворча, устроился на берегу. Сунул в угол рта травинку, пожевал, с отвращением выплюнул. Настроение у пустынного гнома было ужасным. Эти «верзилы», как он называл всех, кто был выше его ростом, опять пустились в долгие разговоры: Кому какое дело до страданий бедного гнома?

— Я не намерена подробно рассказывать тебе о моих сестрах, — сказала Зират. — Мы были вместе очень давно. Сейчас почти все это утрастило значение. Нет смысла вспоминать. Те времена миновали. Некогда мы распоряжались судьбой и временем. Время различно. Судьба — различна. Их сочетания и аспекты порождали разные культуры.

— Поясни, — попросил Конан.

Зират провела по песку черту острием меча.

— Мне не хочется. — Она вздохнула. — Ладно. Судьба может обретать облик неизбежности смерти. Это — обличье одной нашей сестры. Судьба есть неуклонное течение времени. Это — я. Судьба есть странные, неожиданные, непонятные случайности, которые происходят сплошь и рядом и подстерегают человека там, где он меньше всего ожидает их встретить...

— Если бы я знал, что у этой судьбы есть имя, я поклонялся бы этой богине, — заметил

Конан. — Полагаю, недурно было бы ее задобрить.

— Люди пытались это сделать, но затем моя третья сестра совершила ужасную ошибку, — вздохнула Дин. — Неожиданность подстерегла нас. Нас, ее сестер, наших жрецов, наш храм, людей, которые нам поклонялись. Она была самой капризной из всех. Она сочла любопытным устроить капризный поворот судьбы для самой себя.

— И вы погибли?

— Богини не погибают — их забывают. — Зират вздохнула. — Забыли и нас. Аш-Шахба сделала скучным форпостом на подходах к блистательному Шадизару, а Алат, хозяйка города. — На глазах Дин сверкнули слезы. — Ей пришлось хуже всех. Она попросту исчезла. Сделалась пылью. Растворилась — растворилась в воздухе.

— Должно быть, оттого жители вашего городка так похожи на женщин — любят сплетни и ужасно не любят посторонних, — не удержался Конан.

Дин вздохнула еще раз — так печально, что у Конана вырвалось:

— Прости меня!

— Тебе не нужно извиняться, Конан, — сказала Зират. — Я не сержусь на тебя. Это Дартин во всем виноват. Но я и на него не сержусь больше. Он просто хотел завладеть моим камнем. Никому из вас нет дела до забытых сестер. Но это не потому, что вы желаете зла.

— Разве тебя волнует — желает ли кто-нибудь зла? — удивился Конан. — Впервые слышу.

Богинь, как мне представляется, эта сторона жизни вообще никогда не занимала.

Дин медленно покачала головой.

— Мне грустно, только и всего, — но и в той жизни, которую я веду сейчас, я сумела найти немало забавного.

— Зачем ты шла за нами следом по пустыне, Зират? Что тебе было от нас нужно? Неужели ты рассчитываешь вернуть свои девять монет, которые ты потратила на то, чтобы избавить меня от правителя Аш-Шахба и его правосудия?

— Ты не самый лучший из людей, — ответила Зират. — Ты мне не нужен. Я всего лишь хочу получить назад мой камень. Его украли у меня незадолго до конца войны. В нем часть моей силы. Ради него я и ушла когда-то к людям. Я смирила мои капризы, стала выступать на площади. Я превратила свои тайные знания в уличные фокусы. Я бродила по рынку, заглядывала людям в глаза. Несколько раз мне казалось, будто я напала на след, но всегда выяснялось, что я ошиблась. Люди слишком слабы, слишком алчны. Почти все они либо ничего не знали, либо погибали на подступах к сокровищу. Наверное, ты вслед за Дартином спрашивал себя: для чего мне понадобился телохранитель?

— Не нужен был тебе никакой телохранитель, — проворчал Конан. — Ты хотела от меня кое-чего другого.

Она кивнула с грустной улыбкой:

— Я нашла отсвет моего камня на твоем лице. Ты видел его.

— Да, — сказал Конан. — Если это то, о чем я думаю, то он — настоящее чудо. Мне доводилось охранять караван, который вез из Вендии благовония и шелковые кхитайские ткани. Мы сбились с пути. Проводник оказался алчным негоядем, который только о том и мечтал, чтобы забрать побольше денег с караванщика и бросить доверившихся ему людей на произвол судьбы. В конце концов, караван оказался в этих горах. Несколько лет назад тут хозяйничала разбойничья банда, и мы с трудом отбивались от нападений. В одной из стычек меня огремли камнем, и я остался валяться у ручья с пробитой головой. Не знаю, как я не помер.

— Все дело в отменном здоровье и отсутствии чувствительности, — вставил Кода, но на него никто не обратил внимания.

— Они сочли меня мертвым, но даже пальцем не пошевелили, чтобы похоронить. Оставили в пищу шакалам, — продолжал Конан, презрительно кривя губы. Было очевидно, что лично он подобной ошибки бы не допустил: противник всегда мог оказаться живым и прийти в себя в самый неподходящий момент. — Я очнулся ближе к вечеру и видел, как наши враги разбивают лагерь. Я хорошо рассмотрел их главаря. Он был странным человеком. Ему повиновались беспрекословно — среди бандитов такое редкость, — задумчиво прибавил варвар. — А потом я понял причину. У него, у этого главаря, был при себе поразительный камень. Желтый кристалл удивительной чистоты и красоты. Главарь нашел его

здесь, на заброшенном руднике, и взял себе. В этом камне таилась мощь, и она передавалась владельцу камня. Я запомнил это. А потом настала ночь, и я смог добраться до каравана. Мы разгромили бандитов через несколько дней. Убили, должно быть, всех. Но камень пропал. Сколько я ни обыскивал мертвцев, сколько ни шарил по их оставленному лагерю — нигде я не видел желтого камня Зират. Признаюсь, нередко мне приходила на ум мысль вернуться сюда и поискать еще раз.

— Почти все из твоего рассказа мне известно. Ты говорил об этом, — напомнила Дин. — Там, в лавке Афзы.

— Я бы рассказал тебе все и так, без дурмана, — заметил Конан. — Могла бы попросту спросить — я нуждался в хороших союзниках для того, чтобы добраться сюда. Дартин был наихудшим из возможных.

Дин улыбнулась озорно, совершенно по-детски.

— Но ведь я совершенно не хотела, чтобы ты догадался, что именно в твоем прошлом мне понадобилось. Это означало бы открыть тебе мою тайну.

— Скажи, Зират, а старая Афза — она знает, что ты такая?

Девочка кивнула.

— Она — единственная во всей Аш-Шахба, кому известна правда обо мне.

— Она догадалась? Но как?

— Ей не пришлось догадываться, — Дин по-

тянула себя за волосы, сунула в рот кончик косички и принялась жевать ее.

Конан вздохнул.

— Кажется, я понимаю. Афза — еще одна сестра.

— Да. Та самая. Случайность, неожиданность, поворот судьбы. Она сама наказала себя, приняв облик старухи. Время остановилось для нее. Я больше не имею над ней власти, но и ее власть надо мной окончена. Говорю же тебе, мы — забытые богини. Будь ты более проницательным, ты находил бы подтверждение этому в каждом нашем шаге, в каждом жесте, в каждой детали нашего облика.

— Ты нравишься мне, — сказал Конан внезапно, поддавшись порыву. — Ты могла бы сказать мне все прямо. Я охотно стал бы тебе помогать.

— Ты не стал бы мне служить, — возразила девочка. — Ты не захотел бы сделаться моим жрецом. Пойми: я не нуждаюсь в друзьях. А где ты оставил Дартина? — неожиданно спросила она.

— Бросил одного в горах, — ответил он тут же. — В полулиле отсюда когда-то был мост... Я намерен уйти отсюда как можно скорее. Здесь дурные места. — Он склонился над Кодой, который возил пальцами в сырому песке и готов был уже разрыдаться с досады. — Вставай, малыш, Мой разговор с Зират окончен. Мы уходим.

Кода поднялся на цыпочки и прошептал ему на ухо:

— Конан, на пару слов...

Конан оглянулся на Дин и пожал плечами. Когда они отошли в сторону, Кода посмотрел ему в глаза и строго произнес:

— Отдай госпоже Зират ее камень.

Кона постучал его пальцем по лбу.

— О чём ты?

— Не ври мне, Конан, иначе я в тебе разочаруюсь. — Розовые уши Коды слегка покраснели. — Ты же сам спрятал его в нижней штольне, после того, как убил главаря шайки бандитов и сбежал от них под прикрытием темноты...

— Тише. Она услышит.

Конан покосился в сторону Дин.

— Я разочаруюсь в тебе, — повторно пригрозил Кода.

— Этот камень — целое достояние, — шепнул Конан. — Подумай, Кода. Мы сможем купить корабль. Нанять верблюдов. Добраться до любой страны. Хочешь, отправимся в Кхитай? Будешь изучать философию, есть розовые яблочки и гулять в саду по шелковым покрывалам. Тебя ждет большой успех — в Кхитае все небольшого роста и к тому же ценят эксцентричную внешность. Поверь мне — своему другу.

— Отдай ей камень, — проскрежетал Кода. — Опасно. Держать такую вещь при себе опасно.

Конан повернулся к Зират. Ничего от богини не было в ней сейчас. Она пришла одна, растеряв по дороге все свое могущество. Здесь, на земле своих врагов, она ничего не может с ним сделать.

Конан опустил голову. Он не понимал, каким

образом Кода проведал о том, что камень — у него. Действительно, оставшись в одиночестве возле своего тайника, варвар извлек оттуда кристалл и припрятал его под одеждой. Он не собирался делиться секретом ни с кем — и меньше всего с Пустынным Кодой, чей характер отличался непредсказуемостью, а нрав оставлял желать лучшего.

Однако какая-то сила заставила Конана подчиниться. Он осторожно вытащил из-за пазухи небольшой сверток. Один за другим откинув четыре угла грязного платка, и тихим, глубоким светом засветился в его руках прозрачный лимонно-желтый кристалл, похожий по форме на обелиск.

Зират потянулась к сокровищу. На ее лице, обычно непроницаемом, была написана откровенная жадность, глаза разгорелись. В нетерпении она переминалась с ноги на ногу. Наконец взмолилась:

— Дай!

Но Конан все не мог расстаться со своим сокровищем.

— А что я получу взамен? — спросил он.

— Ты свободен, — сказала Зират. — Свободен от меня.

— Что ты имеешь в виду?

— Я не в силах избавить тебя от неизбежности смерти — смерть непременно настигнет тебя рано или поздно; но она никогда не будет окончательной. Ты избегнешь забвения, Конан Киммериец. Моя сестра позаботится об этом. Я не в

силах лишить тебя неприятностей, которые подстерегают человека за каждым поворотом дороги, — но знай: большая часть неожиданностей будут в твоей жизни благими, и об этом также позаботится моя сестра. Я же сделаю так, что время твоей жизни, пусть даже она и окажется недолгой по обычным человеческим меркам, растянется до бесконечности. Ты больше не подвластен краткосрочности мгновений. Всякий миг, прожитый тобою, задержится в вечности. Большего я дать тебе не смогу.

Конан опустил руку, и Зират бережно взяла с его ладони свой камень. Казалось, свет кристалла проникает между ее пальцев и окрашивает их в смуглый золотистый цвет. Она выпустила из рук киммерийский меч, и клинок вошел в дерн. Зират медленно пошла прочь, к перевалу.

Конан растерянно смотрел ей вслед. Ни человека, ни Пустынного Коды больше не существовало для Зират.

Она шла, легко ступая по траве, не останавливаясь и не оглядываясь, пока не исчезла, наконец, за поворотом.

— Сразу видно — великая богиня, — значительно прошептал Кода.

Конан поднял меч, который оставила ему Зират.

— Выгодный обмен, ничего не скажешь.

— Думаешь, то, что она говорила о времени, о вечности, о судьбе — пустой звук? — возмущенно осведомился Кода.

Варвар повернулся к нему.

— Понятия не имею, — искренне ответил он. — Я не разбираюсь в подобных вещах. Как справедливо заметила Дин, я не жрец и никогда не смогу стать им.

— Возможно, в этом заключается твоя ошибка, — сказал Кода.

Конан показал ему кулак.

— Лучше измени тон. Ты говоришь с будущим властелином времени.

Кода безнадежно вздохнул.

— Правду говорят среди гномов — человека не переделаешь.

— А нужно? — прищурился Конан.

Кода махнул лапкой.

— Не знаю. Люди бывают удивительно просты. Ты — прост?

— Только с виду.

— Я так и думал, — заявил Кода. — Как ты назовешь свой меч?

— Откуда тебе известен обычай давать имена мечам?

— Возможно, некогда племена пустынных гномов отличались воинственностью.. — многозначительно молвил Кода. — Возможно, когда-то мы выходили на поединки друг с другом и даже оспаривали у людей их земли.

— В таком случае, тебе многое должно быть известно об оружии, — заметил Конан, но таким насмешливым тоном, что Кода счел за лучшее отвернуться и замолчать.

Конан с нежностью провел ладонью по клинку.

— Я назову тебя Атвейг, — сказал он, обращаясь к оружию.

Конан перевернул клинок другой стороной и побледнел. Кода впервые видел его таким и, еще не зная, в чем дело, сам не на шутку перетрясил.

— Что там?

Конан прикрыл глаза, чтобы успокоиться.

— Ничего особенного, — нехотя сказал он. — Смотри сам.

Кода с опаской заглянул, вытягивая шею.

— Ну, это киммерийский меч, — сказал он, недоумевая.

Конан провел пальцем по надписи, сделанной на клинке четкими ломанными буквами.

— «Я Атвейг», — прочел он. — Подруга Конана». Эта надпись появилась здесь только что — могу поклясться, что прежде ее не было.

— А что ты хотел? — возмутился Кода. — Оружие подарила тебе богиня. Не понимаю, что тебя удивляет, Конан. Все происходящее — в порядке вещей.

* * *

В белый городок они вошли за несколько часов до заката. Кода плотно завернулся в свой рваный плащ и низко опустил капюшон, скрывая уши.

Он был похож теперь на ребенка лет десяти, который цепляется за руку старшего друга и, пыхтя от усердия, семенит рядом.

Над главными воротами города, сложенными из обожженных кирпичей, лениво шевелился пыльный флаг с изображением крылатого змея на зеленой ткани. Против флага стояла статуя богини с чудовищными бедрами. Статуя была покрыта серебряной краской, которая изрядно облупилась. Теперь статуя имела жалкий вид, словно владычица Хаддаха подцепила какую-то скверную болезнь.

По случаю праздника у ног статуи лежал венок из бумажных цветов, который возлагался ежегодно местными почитателями культа. По обе стороны статуи неподвижно стояли две толстенькие девочки, одетые в одинаковые черные платья, — храмовые ученицы. За ними лениво наблюдал жирный жрец, совершенно лысый. Он сидел на вросшей в землю лавочке и подремывал, истекая потом.

У ворот было тихо. Издалека доносилась музыка и нестройное пение.

Конан остановился. Ворота вели в мир людей. После пустыни и поющего ущелья в горах он возвращается к людям, и Конан заранее знал, что полюбит этот городок и будет вспоминать его.

Бывают такие города — и поглядеть толком не на что: глухие белые стены, подсыхающий на крышах навоз, яблоневые или миндальные ветки, поднявшиеся над забором, бурые воды реки под обрывом, постоянное присутствие гор, и больше ничего... но есть в них что-то, от чего так и тянет бросить все и вернуться туда навсегда.

Конан смотрел на стены Хаддаха, на ломящиеся из-за заборов на волю цветущие ветки, на уходящие в гору узкие улицы, по которым стекала невесомая пыль. Сейчас они поднимутся по узкой улочке на площадь и получат даром незнакомый праздник мира людей.

Кода, исподтишка наблюдавший за своим другом, подергал его за руку.

— Конан... Я есть хочу.

— Сейчас что-нибудь раздобудем, — обещал Конан.

Они пошли наверх. Человек впереди, пустынный гном, прихрамывая, за ним. Конан слышал, как сопит маленький Кода, и немного замедлил шаги.

Рыночная площадь была обнесена невысоким глинобитным забором. Посреди площади ходила по кругу старая лошадь и вращала колесо, к которому были прикреплены специальные сиденья для желающих прокатиться.

Пожилые хаддахские дамы, которым по случаю весеннего праздника полагалось пускаться во все тяжкие, сидели на пятках кружком, уронив покрывала на плечи и распустив седые волосы, и пели слаженным хором. Лишь на самых высоких нотах их голоса слегка дребезжали. За старушками полуодобрительно-полунасмешливо наблюдала кучка зевак. Песни перетекали одна в другую и не имели ни начала, ни конца. На другом конце площади старательно фальшивили музыканты. Тоющие собаки смиренно побирались

под ногами у гуляющих людей. Над площадью плыли облака.

К забору, грохоча и разваливаясь на ходу, подкатила телега, и неряшливый старик начал торговаться с нее холодным кислым молоком и лепешками. Кода, ерзая от жадности, глазел на эти сокровища.

— Ты умеешь красть? — спросил он Конана, облизываясь.

— Только грабить, — был ответ. — А в чем дело?

— Да я есть хочу, — напомнил Кода. — Пора бы поживиться парой лепешек, если ты понимаешь, на что я намекаю.

— Веди себя потише, — сказал Конан, склонившись к его уху. — Ты ведь не хочешь, чтобы меня побили камнями за то, что я вожусь с разной нечистью?

Кода замолчал. Конан достал из кармана две серебряные монетки — те самые, что остались у него после сделки с людьми черных шатров. И скоро уже Конан и Кода сидели вдвоем на корточках на глинобитном заборе, как две потрепанные вороны, и уплетали лепешки, запивая их кислым молоком.

Облезлый пес сверлил их умоляющими глазами, развесив уши, страдальчески сдвинув желтые точки бровей и умильно растянув пасть.

— Хорошо работает, — похвалил Конан, — профессионально.

Он отломил кусок от своей лепешки. Пес поймал кусок на лету и проглотил, только зубы лязнули.

— Все, — сказал ему Конан, — больше не дам.

Пес был опытным побирушкой и, ничуть не обижаясь, удалился, шевеля опущенным хвостом.

Небо мутнело — сперва от жары, потом от влаги. Собирался дождь. Темнело. Гуляющие расходились по домам. Старую лошадь выпрягли из колеса и увеличили. Девочки-жрицы натянули над толстяком навес из полосатой ткани, чтобы он мог продолжать свое бдение, не подвергаясь опасности промокнуть, и убежали.

Только двое бродяг не знали, куда им деться от дождя. Они так и остались сидеть на заборе, когда хлынул ливень. Холодные струи поливали дома и цветущие деревья, заползали за шиворот. Кода поспешил затолкал в рот остатки своей лепешки, чтобы не размокла.

— Я Пустынный Кода, — сообщил он горестно. — Мне сырьо.

— Если бы у меня был сейчас желтый камень Зират, — сказал Конан, — мы не сидели бы на заборе под дождем.

— О, не жалей, — отозвался Кода, шмыгая носом. — Ты получил кое-что взамен.

— Чудесный меч, — согласился Конан.

— Меч. И город Хаддах. Реку и дождь. Весь мир. И вечность впереди.

Дождь все не прекращался. Конан и Кода сидели, скорчившись, на мокром дувале, и слушали гром, гуляющий по небу.

— Холодно, — пробормотал наконец Кода. — А тебе не холодно, Конан?

— Ну вот еще, — ответил упрямый киммериец. — Сейчас лето. Летом тепло.

Толстый жрец под навесом устроился поудобнее и задремал, убаюканный ровным шумом дождя.

Конан смотрел, как вода стекает с клинка, и надпись то расплывается, то вновь читается ясно. «Я Атвейт, подруга Конана». Хорошо, что Кода заставил его отдать драгоценность законной владелице. Зачем им часть силы Зират? Разве не сказано, что чужая сила гибельна?

— Эй, Кода... — окликнул своего спутника Конан.

Высунув язык, Кода ловил крупные капли дождя.

— Скажи-ка, это правда, что ты умеешь читать чужие мысли?

Кода молча кивнул.

Конан ненадолго задумался. Может быть, использовать дарования Коды? В тех авантюрах, которые рисовались в мыслях киммерийца, такое умение могло бы оказаться весьма и весьма полезным. Однако Конан до сих пор не вполне поверил в то, что пустынный гном сказал ему правду. Следовало бы проверить.

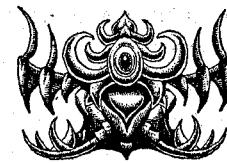
— Расскажи-ка мне для начала... — Конан посмотрел в конец улицы, где под полосатым навесом недовольно заворочался толстый жрец. — О чём, например, думает вон тот господин?

Кода бросил взгляд на жреца и поморщился.

— Еда, еда, еда и еда. Немного выпивки. Поспать. Он даже о женщинах не думает! Пожалей меня, Конан! Если и есть на свете что-то, что я ненавижу больше сырости, так это мысли в людских головах!

Аквилонский странник

замке графа Мак-Грогана гостил давний друг. Его звали Гэлант Странник — сказитель, собиратель историй, а кроме того — богатый и знатный человек, потомок одного из самых древних аквилонских родов. Гэлант уверял, что в его жилах течет капля пиктской крови, и в это легко можно было поверить, глядя на его темную, сероватого оттенка кожу, кустистые брови и низкий лоб.

Но внешность Гэланта никого не обманывала. Манеры, осанка, речь — все выдавало в нем человека образованного, получившего очень хорошее воспитание.

Обычно Гэлант путешествовал с небольшой свитой: несколько человек ухаживали за его лошадьми, специальный слуга был приставлен к лютне, особый писец возил письменные принадлежности и отвечал за то, чтобы они всегда были готовы «к бою»: он растирал чернильные камушки, очищал ножичком пергаменты от лиш-

них наслоений. Если путь лежал по местам, пользующимся дурной славой, Гэлант не пренебрегал и охраной. Сейчас при нем находился один-единственный телохранитель, который, по уверениям Гэланта, стоил целого отряда.

* * *

С этим самым телохранителем Гэлант встретился в маленьком городке на аквилонской границе. Время было глухое, начало весны, торговля еще не ожиала в этих краях, и даже грабители, казалось, не вполне очнулись после зимней спячки.

Гэлант возвращался домой, в Аквилонию, из дальней поездки в Хоршемиш, где у него водились приятели и где он время от времени записывал новые песни.

Сказитель предвкушал чудесные дни, которые его ожидали после того, как он устроится в замке своего давнего поклонника и друга, графа Мак-Грогана. Тот гордился приятельскими отношениями со знаменитым сказителем и даже устроил в своих владениях специальные комнаты для Гэланта, где имелись широкие столы для свитков и книг, жаркие камини и удобная кровать для отдыха.

У Гэланта существовали собственные хитрости, с помощью которых он прослыл столь искусственным сочинителем песен. Записав очередную историю в Хоршемиш или Кофе, он затем переписывал ее на аквилонский лад: вместо кофи-

тянских имен вставлял аквилонские и бритунские, восхваляя красавицу, говорил не о коже цвета эбенового дерева и не о сверкающих, как антрациты, черных глазах, но о коже белоснежной и очах бледно-голубых, туманных, точно рассвет над Аквилонией.

Что касается событий, описываемых в этих песнях, то они всегда оставались неизменными. Путешествуя по свету, Гэлант убедился в одном: повсюду люди одинаковы. Они одинаково любят, одинаково страдают, одинаково умирают. Герой, который выходит один на один с чудовищем, чтобы сразиться и спасти свой народ, всегда испытывает одни и те же чувства. И неважно, как он одет: в сверкающий доспех из медных пластин или в шкуру леопарда.

Женщина, сохраняющая верность мужу любой ценой, даже ценой собственной жизни, неизменно прекрасна: будь она черна, как ночь, или бела, как день; носи она выструганную палочку в носу или золотое ожерелье на шее. И неважно, каких богов призывает она себе в помощь.

Гэлант ценил изысканность сравнений и образов, которыми обогащал свои познания в песенном искусстве во время путешествий. Он всегда вел подробные записи и рассчитывал со временем оставить потомству бесценную книгу о поэзии.

Разумеется, он не слишком опасался грабителей, поскольку исписанные вдоль и поперек, многократно выскошенные и в десятый раз исчерканные пометками старые пергаменты — не слишком драгоценная добыча для любителей

легкой наживы. Но поди объясни им, что знатный, богато одетый человек, путешествующий со слугами, не везет с собой ничего ценного! Пока будешь разговаривать с головорезами, успеешь пасть под ударами их ножей. И если даже не умрешь сразу — будешь добит после того, как их разочарование сделается убийственно жгучим.

Нет уж. Гэлант всегда заботился о своей безопасности.

Но в том аквилонском городке он остался без охраны — так уж вышло. И потому задержался на какое-то время в поисках наемника достаточно честного, чтобы согласиться за умеренную плату охранять ученого чудака от возможных бед.

Таковые наемники, как ни странно, в мире водились. И некоторые из них даже искренне привязывались к Гэлантту... до тех пор, пока им не подворачивался куда более выгодный контракт. Тогда они неизменно уходили в поисках хорошего заработка и увлекательных приключений.

Рослый здоровяк привлек внимание Гэланта уже на второй день. Судя по внешности, молодой человек был родом из далеких северных стран — может быть даже из Киммерии. В таверне он сидел с таким видом, словно это заведение было куплено им по случаю — и оказалось, вот незадача, тесным в плечах, да и по росту маловато.

Киммериец пил много и явно в долг. Хозяин не решался отказать ему в кредите, больно уж мрачным огнем сверкали синие глаза из-под спу-

танной гривы черных волос. Кроме того, у киммерийца имелся странный спутник — ростом с ребенка, вечно закутанный в плащ до самых глаз, с хриплым голоском. Этот тоже пил, а напившись принимался зловеще хихикать.

Гэлант не мог не заинтересоваться столь диковинной парочкой. Спросив разрешения, он подсел к северянину и щелчком пальцев подозвал хозяина.

— Лучшего мяса, два кувшина вина и...

— Мне осьминогов, — подал голос малютка, которого едва можно было увидеть из-за стола.

— Осьминогов не держим, — отозвался хозяин. К северянину и его кошмарному приятелю он относился, естественно, с опаской и некоторой брезгливостью, но господин Гэлант — другое дело. Здесь требовалось сохранять подчеркнуто нейтральный тон. — Могу предложить битую птицу. Перепелка?

— Лучше лягушек, — просипел маленький человечек.

— Лягушек не держим.

— Ну так отправьте кого-нибудь наловить их! — велел Гэлант. Он говорил с такой уверенностью, словно каждый день заказывал жареных лягушек для каких-то волосатых осипших карликов.

Хозяин поклонился и, не прибавив более ни слова, отправился выполнять приказание. Действительно вскоре все трое услышали, как хозяин распоряжается: «Симми, налови лягушек, да пожирнее — господа хотели» — и виноватый голос

Симми, прислуживающего мальчика с кухни:
«Да где я их в этакое время года сыщу, хозяин?» — а после звук затрещины.

Из-под стола донесся каркающий хохот.

— Так ему и надо, — просипел карлик. — Не будет издеваться над кое-кем.

Гэлант преспокойно налил себе остатки скверного пойла, которым угощался северянин. Попробовал и даже не сморщился.

— Могу я спросить о твоем имени? — осведомился Гэлант.

— Конан из Киммерии, — буркнул молодой человек. Ему не понравилось, что чужак допивает его вино.

— Меня зовут Гэлант Странник, — представился сказитель. — Я направляюсь сейчас к графу Мак-Грогану. Я не обольщаюсь: хоть Аквилиния и моя родина, но разбойников и всякого скверного люда на ее дорогах предостаточно. Мне нужен человек внушительной наружности и достаточно умелый в обращении с оружием, чтобы без хлопот добраться до цели.

— Ты уверен, Гэлант Странник, что означенный человек не вознамерится по пути наложить руки на твои богатства? — усмехнулся варвар. У него было скверное настроение.

— Уверен, потому что означенный человек скоро узнает о моих богатствах все... — Гэлант обернулся: расторопная служанка уже принесла блюда с мясом, а на подносе у нее красовались кувшины, содержащие куда более приятное вино, нежели то, которым потчевали варвара. —

Мои богатства, — продолжал Гэлант, вынужденный повысить голос, ибо варвар тотчас принял ся с оглушительным треском разгрызать кости, — заключаются в песнях и сказаниях. И этой роскошью я охотно делясь с людьми сам. В моих переметных сумах — сухие чернила, старые пергаменты да лютня, вот и все. Но люди смотрят не на лицо встречного человека, а на его одежду.

— Одежда хорошая, — с набитым ртом заметил киммериец.

— Одежда и должна быть хорошей, — возразил Гэлант. — Не вижу смысла облачаться в лохмотья, если существует возможность закутаться в теплый плащ, подбитый мехом...

— Ты прав, — охотно согласился Конан. — Пожалуй, я разделяю твою точку зрения... когда у меня водятся денежки, я тоже одеваюсь хоть куда.

— Ты согласен сопровождать меня? Я оплачу здесь все твои долги, — сказал Гэлант.

Конан кивнул.

— Ты великодушен, а это говорит о хорошем происхождении... Будь ты справедлив, ты не заплатил бы здешнему кровопийце ни единого медяка — у тебя была возможность оценить глубину его сквердности. Ты ведь хлебал это пойло, которое он именует вином?

Гэлант улыбнулся.

— Там, куда мы отправимся, вино всегда предвосходно.

— Вот еще один повод принять твое предло-

жение, — сказал Конан. — Разумеется, мой спутник поедет с нами.

— Познакомь нас, — попросил Гэлант. — Сдается мне, я услышу интересную историю.

— Ничего интересного, — пробасил из-под стола коротышка. — Я гном...

Он забрался на скамью с ногами и откинулся кашюшон. Гэлantu явилась лохматая физиономия с большими коричневыми глазами. Шерсть росла на ней повсюду, не исключая лба и щек. Глаза косили и в уголках их скапливался гной: существо явно было нездоро.

— Я пустынный гном, — пояснило существо. — Здесь я хвораю. А у Конанаечно какие-то дела там, где сырь и грязно.

— Скоро я отправлю тебя назад, — обещал Конан.

— Ты говоришь об этом уже почти год! — взорвался гном. — Я только жду и жду... — Он оглушительно чихнул. — Я умру здесь. Это очевидно. У него и в мыслях нет возвращаться в пустыни.

— Откуда ты знаешь? — живо спросил Конан.

— Оттуда... — Гном повернулся в сторону Гэланта. — Я читаю мысли людей. Иногда. Если мне этого захочется. Потому что чаще всего мне не хочется. Они думают о разной ерунде. Их мысли путаны и нечисты. Тьфу, тьфу, тьфу! Даже представить себе противно. Но мысли Конана нужны. Я должен знать, что делается под этим безволосым лбом. Иначе могут возникнуть неожиданности. Ненавижу неожиданности. Люди

ужасны. Ужасны. Ужас... — Он не договорил и закашлялся.

Гэлант покачал головой.

— Сдается мне, он прав — здешний климат не для него. Отчего ты не вернешь его туда, где ему будет лучше, Конан?

Киммериец ехидно прищурился.

— Полагаю, сейчас ты ожидаешь услышать от меня длинную историю, из которой впоследствии сделаешь песню.

— Не исключено, — Гэлант не стал отпираться.

— Ладно, скажу в двух словах. Он — пустынный гном. Их народ почти полностью истреблен кочевниками. Для него вернуться в пустыню — значит, подвергнуть себя смертельной опасности.

— Лучше опасность в родных стенах, чем безопасность на чужбине, — пробурчал гном, шмыгая носом.

— Особенно мне нравится замечание касательно «стен», — ухмыльнулся Конан. — Какие-либо стены появились в жизни моего друга совсем недавно. Прежде он превосходно обходился песками и солнцем.

— Да, и они снятся мне безотрадными ночами! — зарыдал гном, давясь кашлем.

— Не преувеличивай. — Конан обернулся к Гэлantu и увидел на лице сказителя выражение живейшего любопытства. — Это вовсе не то, что ты мог бы подумать, почтенный Гэлант.

— Вообще-то обращение «почтенный» лучше подходит к какому-нибудь купцу, — ска-

зал Гэлант. — Меня называй просто по имени, хорошо?

— Намерен обучать меня этикету? — Конан оскалил очень белые и очень крепкие зубы.

— Почему бы и нет? — Гэлант пожал плечами. — Насколько я понял, ты высоко местишь — в твои намерения входит рано или поздно захватить какую-нибудь землю и сделаться там правителем...

Конан слегка побледнел. Время от времени он высказывал хвастильное обещание сделаться королем в одной из закатных стран, но до поры никто всерьез эти замечания не принимал. И уж конечно не встречались ему прежде люди, которые сами говорили бы с ним о подобном будущем. Ну, разве что прорицатели... Однако Гэлант прорицателем не был. Обычный человек. Разве что более наблюдательный, чем иные.

— Я не исключаю такой вероятности, — сказал наконец Конан.

— В таком случае, тебе лучше знать некоторые тонкости заранее, — просто сказал Гэлант. И улыбнулся так дружески, что сердце варвара немного оттаяло. — Итак, поведай мне вкратце — как вышло, что ты путешествуешь по Аквилионии в компании с пустынным гномом.

— Я гоняюсь за удачей, которая ускользает от меня день за днем, — проворчал Конан. — В этом ты не найдешь ничего выдающегося. Пустынnyй гном повстречался мне на пути более года назад — и с тех пор я не знаю, как от него избавиться.

— Утопил бы меня, когда подвернулся случай, — хмыкнул гном.

— Я бы и сделал это, — живо повернулся к нему Конан, — если бы твердо был убежден в том, что у гномов смерть наступает точно так же, как у обычных людей. Видишь ли, — он снова перевел взгляд на Гэланта, — я не настолько глуп, чтобы разводить вокруг себя гневных призраков. Мне доводилось иметь с ними дело. Призрак человека — еще куда ни шло. А призрак пустынного гнома? Увольте. Я подожду, пока он сам найдет способ от меня уйти.

— Я уже обещал тебе, что не стану призраком, тем более гневным, — сказал гном.

В этот момент мальчик Симми принес жаренную лягушку. Это была очень худая и как бы удивленная лягушка — одним богам ведомо, где предприимчивый Симми ее выкопал. Гном схватил ее обеими лапками и сунул в рот. Глаза существа затуманились от удовольствия. Гэлант вручил Симми серебряную монетку и шепнул, чтобы мальчик не показывал ее хозяину: «Это лично тебе — за ловкость».

— Я направляюсь в Аквилионию, — заметил Гэлант как бы между прочим.

Барбар фыркнул.

— Представь себе, я догадался.

— По слухам, дороги бывают небезопасны...

— Если ты намерен нанять меня, то учти: мои услуги стоят дорого. Как ты уже успел заметить, даже могущественная нелюдь мне под-

чиняется, — с самым невозмутимым видом сообщил Конан.

Пустынный гном, как раз закончивший расправляться с лягушкой, приосанился и выпучил глаза, полагая, что это придает ему грозный вид.

Гэлант улыбнулся.

— Мой друг, граф Мак-Гроган, охотно заплатит тебе вдвое и втройе, если ты доставишь меня к нему в целости.

— Я бы предпочел часть платы получить сейчас, — сказал варвар.

На столе появился небольшой мешочек с монетами.

— Мы договорились?
Конан молча кивнул.

* * *

В Аквилонии стояла странная погода: непрерывно шел дождь, а временами поднимался такой сильный ветер, что крыши срывало с домов и валяло деревья.

Конан хмурился. Ему не нравилось происходящее — но не потому, что причиняло неудобства: киммериец чувствовал, что все эти природные явления имеют на самом деле неестественное происхождение.

Гэлант продвигался по стране медленно: он старался не оставаться без крыши над головой дольше, чем на несколько светлых дневных часов; едва лишь появлялся намек на сумерки, как сказитель принимался искать ночлег.

Пустынный гном во всем разделял вкусы нового хозяина. Впрочем, Конан ничуть не удивлялся этому обстоятельству: Кода ненавидел сырость больше, чем какое-либо живое существо из известных киммерийцу.

Свита Гэланта Странника была теперь ничтожно мала. Конюха он лишился чуть меньше месяца назад, поскольку тот еще в Хоршемише влюбился и остался в доме огненноглазой красавицы. Гэлант никогда не препятствовал слугам и даже соглашался отпускать рабов, если тем доводилось встретить подходящую женщину. Вообще сказитель, как и положено служителю поэзии, легко расставался и с людьми, и с деньгами и никогда не гонялся за выгодой.

Теперь с Гэлантом, помимо Конана и гнома, путешествовали только хранитель лютни, хмурый тощий человек по имени Вендо, и Меркон, писец и личный слуга — пожилой, невозмутимый толстяк.

Меркон представлял для Конана сплошную загадку. Если судить по внешности, то писец должен был быть ворчливым, всеми недовольным педантом, менее всего приспособленным для путешествий под проливным дождем и пронизительным ветром.

Однако за все время пути от Меркона не донеслось ни единой жалобы. Выражение его лица оставалось неизменным: он как будто величаво грезил о чем-то отдаленном, не имеющим никакого отношения к раскисшей дороге или ледяным порывам бури.

Гэлант ехал впереди, закутанный в плащ. Конан держался рядом с хозяином и внимательно осматривался по сторонам. Пустынный Кода прятался у Конана под плащом. Гном сидел очень тихо и старался лишний раз не обратить на себя внимания. Он ужасно боялся, что Конан выставит его из-под теплого, непромокаемого плаща, пропитанного бараным жиром. Или, того хуже, заставит идти пешком. Кода испытывал такой ужас перед погодой, что даже не решался забраться в мысли своего спутника. А вдруг там уже созрел злодейский замысел касательно бедного, несчастного пустынного гнома? Нет уж. Лучше пребывать в неведении.

Между тем Конан размышлял совершенно о других вещах, а о своем маленьком спутнике и думать забыл. Конану постоянно казалось, что за ним кто-то следит. Разумеется, он не стал до поры делиться своими подозрениями с Гэлантом: незачем беспокоить сказителя раньше времени. Да и неизвестно еще, как тот отнесется к подобному высказыванию телохранителя. Может ведь и высмеять. А иногда — с таким Конан тоже сталкивался — начнет нарочно дразнить судьбу. Нет уж. Сперва следует убедиться хорошенько, что невидимый соглядатай Конану не почудился.

Этот дождь не нравился киммерийцу — но не потому, что мог испортить лютню или нанести непоправимый ущерб записям Гэланта; Конану мнилось, что непогода вызвана чьими-то злыми чарами. Аквилония, по мнению Конана, кишела

колдунами точно так же, как и любая другая страна. Может быть, даже в большей степени.

В тот день смеркаться начало едва ли не сразу после того, как солнце миновало зенит. Гэлант принялся беспокойно озираться по сторонам, высматривая подходящее место для ночлега. Когда спустя пару миль перед путниками появилась таверна, лицо Гэланта просияло, но Конан помрачнел так, что даже невозмутимый Меркон слегка шевельнул бровью — наиболее выразительная гримаса из всех, что мог позволить себе личный слуга сказителя.

— Тебе что-то не нравится, киммериец? — осведомился Гэлант.

Конан молча кивнул.

— В таком случае, давайте остановимся и выслушаем соображения моего телохранителя, — приказал Гэлант своим спутникам.

Конан сказал:

— Я не могу этого объяснить. Мне просто здесь не нравится.

— Предпочитаешь заснуть под деревьями? — уточнил Гэлант.

— Ты обещал, что твой друг граф Мак-Гроган заплатит мне хорошие деньги, если я доставлю тебя к нему в замок целым и невредимым, — заявил Конан. — И я намерен получить мою плату. Если тебя интересует мое мнение, то вот оно: эта таверна стоит здесь на отшибе, до ближайшего города не менее двух, а то и трех дней пути... Да и с чего ты взял, что это таверна?

— А что это, по-твоему?

Конан пожал плечами.

Гэлант дружески кивнул ему.

— Поступим так. Расположимся здесь на отдых, но киммериец пусть будет начеку: если его подозрения подтвердятся, будем выбираться. Я обещаю тебе, Конан, отдельную плату за благополучный исход этого дела.

— Лучше бы мы заночевали в лесу, тогда благополучный исход обошелся бы тебе бесплатно, — сказал киммериец.

— Я предлагаю пари, — пояснил Гэлант.

— Я выиграю, — ответил Конан. — С моей стороны было бы нечестным соглашаться на пари с человеком, который ровным счетом ничего не понимает.

— Смею тебе напомнить, Конан, что я проехал сотни и тысячи миль по всем странам Хайбореи, я побывал даже в Стигии — и отовсюду выбрался живой, — сказал Гэлант. — Вряд ли твой опыт больше моего.

Конан не снизошел до ответа.

— Стало быть, договорились! — воскликнул Гэлант.

— Погоди, — остановил его Конан. — А какова будет моя плата, если я проиграю?

— Недельное жалованье и три истории из твоей жизни, из которых я мог бы сделать песни, — предложил Гэлант.

— Небольшая плата, — заметил Конан. — Особенно если учесть, что мне не придется ее отдавать.

* * *

Конан вошел в таверну первым. Могучим пинком ноги он распахнул дверь и уставился в темное помещение. Это, несомненно, была таверна. Прилавок, большой котел, заметный в широком квадратном окне позади прилавка, длинный стол и две вытертые лавки. На потолке — закопченное колесо, с которого свисало несколько десятков глиняных масляных ламп.

Однако масло в лампах давно прогоркло, фитили покрылись пылью, копоть и сажа заросли паутиной. На полу лежал толстый слой пыли.

— Здесь давно никого не было! — громко объявил Конан. — Попробуем переночевать, но в том, что касается еды и выпивки, нас ждет полное разочарование.

И тут в темном углу комнаты кто-то пошевелился. Конан насторожился: он мог бы поклясться, что мгновение назад там никого не было. Киммериец обнажил меч, готовясь встретить любую неожиданность. Его спутники уже входили. Конан поднял левую руку в предупреждающем жесте.

— Выходи на свет! — крикнул киммериец, обращаясь к невидимке, что таялся в полумраке.

Посыдались легкие шаги, и перед Конаном появилась маленькая фигурка, несомненно, женская: это была девушка лет шестнадцати, с очень белым лицом и длинными черными волосами. Она была облачена в лохмотья, но смотрела прямо и гордо. Ее босые ноги посинели от хо-

лода, однако это обстоятельство ничуть ее, казалось, не смущало.

Конан опустил меч.

— Кто ты? — спросил он.

— Гаусина.

Голос прозвучал чуть хрипло и все же он был приятным, груdnым и низким.

— Гаусина — это всего лишь имя, — заметил Конан. — А я спросил о том, кто ты такая.

— Я не больше моего имени, — ответила девушка.

Гэлант отстранил своего телохранителя.

— Довольно тебе допрашивать бедное дитя! — сказал сказитель. — Разве ты не видишь, что она замерзла и наверняка проголодалась?

— Нет, — буркнул Конан, — этого я как раз и не вижу.

— Потому что ты бессердечный, — упрекнул его Гэлант. — Ты смотришь на людей холодными глазами.

— Благодаря чему до сих пор жив.

— Если видеть жизнь глазами любви и сострадания, то... — начало было Гэлант, но Конан перебил его:

— Наша судьба неведома нам, но искушать лишний раз богов не следует. Что ты знаешь об этой девушке?

— Только то, что она одинока, что она страдает...

Конан безнадежно махнул рукой и прекратил всякие возражения, но передвинул ножны так,

чтобы можно было в любой момент выхватить меч или кинжал.

Пустынный Кода, как выяснилось чуть позже, вполне разделял опасения своего друга.

— Мне она не нравится, — шептал гном. — Она странная.

— Мы все здесь странные, — проворчал Конан.

— Но она — в особенности. Почему она бродит в одиночку по дорогам Аквилонии?

— Вероятно, нищенка.

По приказанию Гэланта, Меркон зажег в заброшенной таверне лампы и разложил на столе припасы путешественников. В очаге тщетно пытался раздуть огонь Вендо. Дрова отсырели и не хотели заниматься. Помещение наполнилось дымом, тощий Вендо душераздирающе кашлял, стоя на коленях возле очага, так что в конце концов Гэлант велел ему прекратить бесполезное занятие и садиться к столу.

— Будем согреваться дружеской беседой, — объявил сказитель.

Беседа, впрочем, в подобных условиях не клеилась. К ночи дождь усилился, крупные капли вовсю лупили по крыше, как будто намереваясь проломить ее. Девушка Гаусина сидела на краю стола очень тихая и помалкивала, рассматривая своих новых знакомцев широко раскрытыми блестящими глазами. Конану казалось, что в полумраке они странно светятся.

Гэлант попробовал было завести песню, но в этой таверне голос звучал на удивление плохо. Воздух как будто поглощал любые звуки.

Наконец путники стали устраиваться на ночлег: они расстелили плащи на полу, улеглись, прижавшись друг к другу, и вскоре Гэлант, а вслед за ним и Вендо захрапели. Меркон спал тихо, беззвучно.

Конан остался бодрствовать. Гаусина подсела к нему. Она приблизилась так бесшумно, что киммериец не столько услышал ее, сколько почувствовал близость второго человеческого существа. Кода, прятавшийся у Конана под плащом, тихонько зашипел.

— Ты мне не доверяешь, — сказала Гаусина.

— У меня нет оснований доверять человеку, который не оставляет следов на пыльном полу, — ответил Конан.

Гаусина вздрогнула.

— Ты был единственным из всех, кто обратил на это внимание.

Конан пожал плечами.

— Мне неплохо платят за такую наблюдательность.

— Полагаю, дело не только в оплате... — Девушка слабо улыбнулась. Теперь Конан отчетливо видел, как светятся ее глаза. Бледно-зеленым цветом, как болотные огоньки.

— Кто ты такая, Гаусина? — спросил он шепотом. — Если ты не замышляешь зла, то откройся мне — я попробую тебе помочь. Но если ты меня обманешь и окажется, что и эта непогода, и твое присутствие здесь — часть одного злодейского замысла, то берегись! Кем бы ты ни оказалась, я сумею расправиться с тобой.

Девушка некоторое время молчала, как будто соображая — можно ли довериться этому варвару. Он и притягивал ее, и отталкивал. Рослый, как все северяне, он обладал странной животной силой и вместе с тем, как ей представлялось, был наделен недюжинным умом. Большую ошибку совершил бы тот человек, который не разглядит за варварской внешностью хитрости и проницательности.

Наконец Гаусина заговорила:

— Это все моя мать и братья. Я имею в виду — дождь, град, ветер... Это все из-за них.

— Где они? — спросил Конан.

— Должно быть, там, на болотах... — Гаусина махнула рукой в неопределенном направлении. — Наша семья была проклята. Это случилось очень давно, когда Дикая Охота бродила по здешним краям. В те годы моя мать владела большим имением к северу от этих мест. Она была знатной дамой, можешь мне поверить! Сейчас ни имени ее, ни герба никто не помнит, но в те времена... О, в те времена наша семья была одной из самых могущественных в Аквилонии!

Глаза девушки вспыхнули, она выпрямилась, и в слабом свечении Конан разглядел ее словно бы заново: тонкие черты, благородная осанка, гордо развернутые плечи.

Даже черные волосы не казались больше грязными и спутанными: они как будто бы падали на плечи шелковистой волной. Но наваждение длилось лишь миг: спустя секунду Конан вновь видел перед собой лишь оборванку с

очень белым, нездоровым лицом и бледно пылающими глазами.

Темные губы снова зашевелились, рассказ продолжился.

— Она была очень богата. Ее предки любили воду, и она предпочла построить для себя дом ближе к болотам.

— Атлантида, — прошептал Кода, который все это время прятался под плащом у Конана. — Наверняка ее предки были из атлантов.

Гаусина сдвинула брови.

— Здесь кто-то есть?

— Мой приятель, — небрежно отмахнулся Конан. — Можешь его не бояться — он гном.

— Я не боюсь каких-то там гномов, — заявила девушка, — просто я не уверена в том, что ему следует слушать мой рассказ.

— Не обращай внимания. Он будет со мной, что бы ни случилось — и что бы ты ни сказала, — твердо ответил Конан. — Он должен знать то, что знаю я, вот и все.

Гаусина некоторое время молчала, как бы свыкаясь с услышанным, а затем продолжила:

— Если твой друг шепнул тебе об атлантах, то он прав. После гибели Атлантиды кое-кто уцелел. Эта кровь, сильно разбавленная кровью обычных людей, передалась моей матери почти в полной мере. Она даже внешне похожа на былых атлантов. Она... — Гаусина судорожно сглотнула. — Она великанша. Огромного роста. Выше тебя.

Конан напрягся. По собственному опыту он знал, что женщины-монстры бывают гораздо бо-

лее опасными соперниками, нежели мужчины. Действия женщины труднее предсказать.

— Продолжай, Гаусина, — попросил он. — Если ты не затеваешь зла, тебе нечего скрывать и бояться.

— Я никого не боюсь, — отозвалась девушка спокойно. — Итак, моя мать построила себе дом на берегу озера, посреди болот, и стала там жить. Она рожала сыновей от разных отцов, но в конце концов захотела иметь дочь. Она знала, что существа одного с нею пола может родиться только от постоянного мужа. Но никто из мужчин не соглашался уйти жить в ее дом на болоте. Многие боялись ее роста, ее властного характера, но еще больше люди опасались того места, которое она для себя облюбовала.

Моя мать, однако, не оставляла надежд. И однажды решилась на крайнюю меру. Она отправилась к аквилонской границе и там у одного торговца купила себе раба. Естественно, раб не мог возражать против дома на болотах: хозяйка попросту привезла его к себе и объявила ему, что он станет ее единственным мужчиной.

— Это был твой отец? — спросил Конан.

Гаусина улыбнулась.

— Ты еще не знаешь главного... Поначалу он был просто в восторге от всего случившегося. Хозяйка ничего от него не требовала — только ночных встреч. В доме всем заправляли сыновья, огромные дети с гигантскими ручищами: мои братья. Они выполняли все домашние работы. Слуг моя мать никогда не держала. Она считает

их соглядатаями, шпионами, бездельниками, любителями даровой выпивки...

— Можешь не продолжать, — усмехнулся Конан. — По большей части твоя мать совершенно права.

Гаусина сжала пальцы в кулак.

— И вот настал день, о котором моя мать знала заранее. Раз в сто лет на этих болотах поднимается Дикая Охота. По слухам, король атлантов, отдаленный предок матери, выходит вместе со своими приближенными в мир людей и ищет для себя дичь с горячей кровью. Там, на болотах, покойится целое войско, павшее в битве. Я не знаю — да и никто не знает, что это была за битва. Но они лежат там. Великаны с бледной кожей и черными глазами. Они лежат и ждут своего дня. Когда-нибудь им удастся найти себе жертву достаточно горячую, чтобы она сумела их оживить.

— Невозможно, — сразу же сказал Конан. — Обычная ошибка, которую допускают все колдуны и некроманты. Войска зомби чрезвычайно недолговечны. Во всяком случае, все те, что мне встречались до сих пор, разваливались после того, как к ним применялись надлежащие меры.

Гаусина подняла брови.

— Ты немного смыслишь в этом?

— Поверь мне, девочка, — Конан вздохнул.

— Дикая Охота пронеслась над болотами в тот день, когда я появилась на свет, — голос Гаусины звучал глухо и ровно. — Так рассказывали мне мать и братья. Деревья клонились к зем-

ле, тучи застилали полную луну. Войско мчалось над болотами в поисках жертвы. Мертвые воины знали, что поблизости находятся живые люди. Они постучали в дом к моей матери.

«Кто пришел и для чего?» — спросила она.

«Король атлантов явился, чтобы забрать дань», — был ответ.

«Уходи, мне не до короля атлантов», — сказала мать. Она великанша и никого не боится, даже призраков. — Я только что родила дочь, все мои заботы о ней.

«Отдай мне кого-нибудь из домочадцев, и я уйду, — сказал король атлантов. — Я ждал этого дня целых сто лет, не заставляй меня уйти разочарованным».

Моя мать колебалась недолго. Никого из моих братьев она бы не отдала Дикой Охоте. Возможно, она и не любит их, но все они — ее плоть и кровь. Поэтому она решила отдать королю атлантов моего отца.

Она позвала его и велела ему принести воды. «Меня мучает жажда, а вся вода в доме закончилась, — сказала она. — Выди наружу, сходи к колодцу».

Мой отец не мог ей не подчиниться. Я думаю, дело тут было не только в том, что она оставалась его госпожой — просто-напросто он успел полюбить ее. Узнав, что ее мучает жажда, он тотчас взял ведро и вышел за дверь.

Больше его никто не видел — Дикая Охота забрала его. Однако он успел прокричать проклятие вероломной женщине. Она будет жить до

тех пор, пока следующая Дикая Охота не заберет ее вместе с ее потомством.

— Он проклял и собственную дочь? — удивился Конан.

— Я думаю, в тот миг он даже не сообразил, что делает, так потрясло его предательство моей матери, — ответила Гаусина. — Но, как бы то ни было, а мы живем уже более сотни лет в ожидании, когда сбудутся слова моего отца. Мать не верит в это. Она только смеется и повторяет: «Сам того не зная, бедняга оказал нам большую услугу: он подарил нам сказочное долголетие».

— Твоя мать полагает, будто ей удастся избежнуть преследований Дикой Охоты и прожить после этого еще лишнюю сотню лет — а потом еще, и еще?

— Именно так.

— Неужели ты в это не веришь? — Конан внимательно посмотрел на девушку.

Она отбросила с бледного лба черные волосы, опустила ресницы, отчего тени вокруг ее глаз сделались заметнее.

— Я ушла от моих родных, потому что не хочу оказаться рядом с ними, когда придут атланты. Я верю, что отец не имел в виду меня, когда проклинал предателей.

— Если все, что ты рассказала, — правда, — медленно проговорил Конан, — то в твоих жилах течет отравленная кровь. Она не может не привлечь Дикову Охоту. Сколько жертв может удовлетворить мертвого короля атлантов?

— Как утверждают, обычно он забирал толь-

ко одного человека, — сказала Гаусина. — Но в этот раз, полагаю, он явится для того, чтобы забрать всех...

Конан похолодел.

— Только не говори, что это произойдет нынче же ночью!

— Ты угадал, — кивнула девушка.

— Кром! Проклятье! — взревел варвар, нимало не заботясь тем, что воплями может разбудить своих спутников. — Коварная ведьма! Я так и знал, что здесь нас подстерегает какое-то несчастье!

— Я рассказала тебе все как есть, — отзвалась Гаусина. И добавила: — Я ведь не завлекала вас в эту таверну. Ты и твои спутники сами явились сюда. Таков был ваш выбор — теперь уже поздно уходить, так что если вы и разделите мою судьбу, то сделаете это совершенно добровольно.

* * *

Ночь тянулась бесконечно: стемнело очень рано, за несколько часов до полуночи. Дождь прекратился, ветер то и дело разгонял тучи, но они наползали вновь и скрывали полную луну. Было очень тихо, если не считать завываний ветра. Ни один зверь, кажется, не решался покинуть свою берлогу в такую ночь.

Конан с Гаусиной вышли из таверны на дорогу и долго стояли, наблюдая за рваными тучами, несущимися по небу. Они чутко прислушива-

лись к происходящему в лесу и на болотах: не донесется ли волчий вой или стук конских копыт. Гаусина не знала признаков приближения Дикой Охоты — она никогда не встречала мертвых атлантов, а расспрашивать об этом мать или братьев не решалась.

То, о чем она поведала Конану, она узнала случайно: проговорился самый младший из ее братьев, когда выпил лишку и рассердился на сестру за нерасторопность. «Человечье отродье, — назвал он ее, — недаром твоего отца унесла Дикая Охота: наша мать не могла придумать ничего лучше, чем избавиться от этого ничтожества подобным образом! И то сказать, мудрая женщина наша мать: разом и от мертвых атлантов откупилась, и глупого раба спровадила от себя, коль скоро его постельные услуги больше не понадобятся!»

Конан поглядывал на Гаусину с подозрением. Хоть девушка и выглядела совершенно искренней и рассказала, кажется, все без утайки, но варвар не мог отрешиться от мысли о том, что ей сегодня исполняется ровно сто лет, а между тем она выглядит шестнадцатилетней. Холодная вода стекала по ее босым ногам, но Гаусина даже не морщилась. Ветер хлестал ее худенькое тело, едва прикрытое лохмотьями, однако и это не могло заставить ее вздрогнуть.

Стоя рядом с этой девушкой рослый варвар, закутанный в теплый непромокаемый плащ, ощущал с особенной остротой присутствие в ней нечеловеческой крови. Ни одно «человечье отро-

дье» не держалось бы так невозмутимо в ожидании появление мертвого короля с призрачной и смертоносной свитой.

Неожиданно холодный ветер пронесся над лесом — и стих. Наступила полная, мертвая тишина. Ни одна ветка не решалась качнуться на дереве; ни одно животное не ступало лапой на землю. От этого безмолвия закладывало уши.

Издалека донесся равномерный гул, как будто приближалось огромное конное войско.

— Это они, — одними губами прошептала Гаусина.

Конан обнажил меч и стиснул рукоять. Мороз пробежал у него по коже. Глухое ворчание зашевелилось у варвара в горле, точно у дикого зверя при виде неведомой опасности.

На дороге показались неоформленные темные тени. Хоть ночь и была темной, но сгустки мрака выделялись даже в этой мгле.

Гром копыт нарастал, отзываясь в ушах болезненным гулом. Казалось, тысячи разъяренных варваров колотят в боевые барабаны, готовясь броситься в атаку.

Тьму прорезал багровый огонь. Сначала Конану показалось, что это молнии сошли на землю и мечутся под копытами обезумевших лошадей с пылающими глазницами, но нет — это были факелы в руках призрачных всадников. Теперь можно было видеть развеивающиеся рваные плащи и истрепанные стремена, облезлые шкуры лошадей с немыми бубенцами, вплетенными в гривы, седла с отремпанными кистями.

Впереди скакал всадник непомерного роста. Конь под ним был настоящим гигантом. Пламя вырывалось из раздутых окровавленных ноздрей животного, кровь и пена капали с его губ. Объятая багровым светом корона плотно сидела на голове с редкими бледно-рыжими волосами. Она как будто жгла мертвого короля, причиняя ему страшные страдания. Мука искала уродливое, наполовину разложившееся лицо, но губы растягивались в улыбке злобного торжества.

В седле перед королем сидела женщина. Она была невероятно высокой и широкой в кости, и все-таки по сравнению с гигантом-королем выглядела небольшой. Черноволосая и бледная, с распахнутыми глазами и раскрытым в беззвучном крике ртом, она лынула к королю. Ее длинное платье развевалось, обнаженные руки хватались за гриву — рукава с них были сорваны.

— Это моя мать, — прошептала Гаусина. Как ни тихо звучал голос девушки, Конан рассыпал ее слова.

Рядом с женщиной ехали трое молодых мужчин. В отличие от прочих всадников, они еще сохранили свои лица, в их глазницах не было огня — они смотрели перед собой живыми глазами, и в их зрачках отражались ужас, огонь и звезды ночи.

То были братья Гаусины...

Король поднял руку, и призрачное воинство остановилось. Снова стало тихо, и тишину эту прорезал негромкий властный голос, звучавший, казалось, из самых глубин преисподней:

— Мы пришли за последней...

Когда смолкли последние раскаты эха, тишина воцарилась вновь. Конан слушал, как бьется его сердце. Гаусина рядом с ним не шевелилась. Киммериец не мог определить — испугана ли она.

— Гаусина! — пронзительно закричала женщина, сидевшая в седле перед королем. — Иди к нам, Гаусина!

И братья девушки подхватили:

— Да, да, иди с нами! Ты должна быть с нами, Гаусина!

Конан шагнул вперед, подняв меч. Король медленно повернул в сторону варвара голову и обжег его взором своих мертвых глаз.

— Прочь с дороги, человечишко! — пророкотал король атлантов. — Убирайся!

Конан издевательски захохотал.

— Попробуй прогони меня, мертвец!

Огромный конь выдохнул длинную струю пламени. Киммериец отскочил и набросился на короля сбоку. Удар меча пришелся по коню и задел ногу женщины, сидевшей в седле. Конану показалось, что сталь прошла сквозь пустоту. Но в тот же миг рука, наделенная сверхъестественной мощью, сдавила его горло.

Конан захрипел. Вместо того, чтобы пытаться сорвать пальцы, сжимающие его шею, он выхватил левой рукой кинжал и вонзил его наугад. Раз за разом клинок входил в воздух, но затем Конан поразил нечто твердое и понял, что ему удалось задеть остатки плоти короля атлантов.

Хватка ослабла, варвар освободился и отпрыгнул на несколько шагов.

Шатаясь и заливаясь пылающей багровой кровью, король с трудом удерживался в седле.

— Не любишь доброе железо? — прохрипел Конан. — Я так и знал!

Женщина рядом с королем больше не сидела, выпрямившись. Заливаясь кровью, она поникла в седле, ее голова упала на шею лошади, волосы свесились почти до земли, переплетаясь с облезлой лошадиной гривой.

— Ты убил нашу мать! — кричали братья Гаусины, надвигаясь на Конана с трех сторон.

Призрачное воинство клубилось за их спинами, и невозможно было понять, сколько всадников скрывается во тьме. Копыта лошадей не достигали земли, хотя и грохотали: они мчались по почве иной реальности, нежели та, которую видят глазами и осознают руками обычные люди.

Конан ловко отразил удар длинного меча, направленный ему в голову, и вновь вернулся к поединку с королем атлантов. Теперь призрачный всадник двигался гораздо медленнее: ему мешало железо, застрявшее в его костях.

Гаусина стояла посреди дороги, наблюдая за битвой. Странное сражение — в присутствии безмолвного войска, один живой против четырех мертвцевов. Ветра, прилетевшие из неведомых миров, дули в лицо девушке, отбрасывали назад ее спутанные волосы, трепали ее рваную одежду. Она раздувала ноздри, втягивая в себя странные запахи: благовоний и гнили, болотной

сырости и жареного мяса, ароматных цветов и смятой травы.

Вслед за запахами прилетели звуки: музыка, голоса. Мелодии тянулись и обрывались, не достигнув наивысшей точки; голоса звали, но останавливались, не закончив произносить имя призываемого. Гаусина болезненно вслушивалась, пытаясь понять происходящее, и ее затягивало все глубже в этот полуоткрывшийся омут.

Неожиданно она различила голос, который звучал яснее всех. Голос мужчины, сильный и уверенный. Он называл ее «дочерью» и просил быть твердой.

— Дочь, дочь, — повторял он, — дочь, дочь...

И тогда она поняла, кто к ней обращается.

— Я здесь, отец! — пронзительно закричала она.

— Не соглашайся с ними! — разбрала она призыв отца. — Не иди к ним! Будь тверда, дочь, будь тверда!

— Я не пойду к ним, — сказала Гаусина. — Я пойду за тобой.

— Я мертвец, — отозвался муж ее матери, — твоя мать убила меня.

— Иди ко мне, — умоляла Гаусина, не замечая, как слезы стекают по ее лицу, — иди в мои объятия, отец, я успокою тебя, я предам тебя земле, если ты мертв, я устрою твою старость, если ты жив...

— Я мертв и молод, мне не нужны твои объятия, и у меня не будет старости, — шелестел голос, постепенно отдаляясь.

И все стихло. Ветер улегся, запахи исчезли.

Гаусина вышла вперед, властно вмешиваясь в битву. Взмах королевского меча задел ее и обрушил прядь ее волос — таким острым был клинок.

Гаусина закричала:

— Отдайте мне отца и уходите!

Громовой хохот был ей ответом.

— Забирайте мою мать! Забирайте моих братьев! — кричала девушка. — Я отдаю их тебе, король атлантов! Но взамен я желаю забрать моего отца!

Битва остановилась. Конан опустил меч, тяжело переводя дыхание. Он ни на мгновение не верил, что мертвый король, предводитель Дикой Охоты, согласится пойти на уступки. Но киммериец был благодарен Гаусине за то, что она позволила ему передохнуть: бой сразу с четырьмя практически неуязвимыми противниками измотал даже варвара.

— Зачем тебе отец? — гремел голос короля. — Он давно умер!

— Не твое дело! — дерзко отвечала Гаусина. — Мне нужен отец, пусть даже и мертвый, а ты бери себе четверых.

— Я возьму тебя! — сказал король, низко наклоняясь к девушке с седла.

Совсем близко она увидела его лицо: безносое, с широкой щелью беззубого рта, с провалами глазниц, где пылало адское пламя. Как завороженная уставилась Гаусина в эти глазницы и уже различала на дне их копошащихся демонов со смеющимися образинами...

— Нет! — взревел Конан, бросаясь к королю и нанося ему в прыжке мощный удар.

Прямой киммерийский меч обрушился на шейные позвонки мертвеца и перерубил их. Голова с короной отлетела с шеи и покатилась по земле, оставляя за собой пылающий след.

По войску пронесся протяжный стон. Он длился невыносимо долго, медленно нарастая и становясь в конце концов оглушительным. Казалось, от боли кричит вокруг все: земля, деревья, живые и мертвые существа, что прячутся в этой бесконечной ночи. Из миров, скрытых толщей времени и забвения, долетали рыдания тысяч голосов.

Гаусина упала на землю, закрывая уши ладонями. Сквозь ее пальцы струилась кровь.

Конан стоял неподвижно, оскалив зубы. Звук оглушал его, от воя цепенели пальцы, но все же киммериец не сдавался. Он не намерен был идти на поводу у черной магии мертвецов.

Безголовое тело тщетно хватало воздух вокруг себя, стискивая пустоту костлявыми пальцами. Голова откатилась на обочину дороги и там замерла. Теперь она лежала прямо на земле, как будто выпав из неземного пространства в самое обычное, где обитают теперешние люди.

Один за другим начали исчезать в темноте призрачные воины. Войско редело и становилось все менее многочисленным. Конан видел, как задрожало и распалось на части тело одного из братьев Гаусины, как смазалось и растворилось во мраке тело женщины, и как сам король не-

ловко рушится с коня. Кости еще некоторое время сохраняли прежнюю форму человеческого скелета, а после стали отваливаться и они. Заржав и поднявшись на дыбы, черный конь избавился от всадника, которого носил на себе столько лет, и взвился в воздух. Мгновение — и эта тень исчезла на фоне звездного неба.

Гаусина больше не стонала — она неподвижно лежала на дороге. Возле нее на корточках сидел Пустынnyй Кода. Гном растерянно поводил глазами и уши на его голове слегка шевелились, как будто их раздувало ветром.

Конан смотрел на Дикую Охоту, которая уходила без добычи — впервые за долгие века. Теперь в воздухе отчетливо пахло болотом и гнилью. Снова поднялся ветер — самый обычный, и в лесу возобновилась обыкновенная ночная жизнь: вечное шуршание, слабый отдаленный писк, крик ночной хищной птицы, потрескивание сучьев.

Кода бормотал, обращаясь к девушке:

— Все ведь закончилось — вставай, а? Ну все ведь уже стало хорошо — ты не умирай, ладно? Конан их прогнал, Гаусина, можешь не сомневаться...

Но Гаусина все не решалась оторвать лицо от земли, так страшно было ей взглянуть на происходящее вокруг. Силы оставили ее. Она думала, что сможет держаться мужественно до самого конца.

И ошиблась. Один взгляд в глаза короля атлантов лишил ее храбрости и наполнил сердце отчаянием вечной смерти.

Она как будто заглянула по ту сторону жизни и поняла, что ждет проклятые души. Мучения в когтях демонов, пламя или лед, в который замурованы души предателей, — ничто по сравнению с той кошмарной, высасывающей силы тоской, которая охватила девушку. Вечность в подобном состоянии — без всякой надежды на избавление!

Нет, это свыше человеческих сил...

Внезапно Конан увидел впереди на дороге какое-то темное пятно. Луна как раз вынырнула из-за туч, чтобы осветить это бледными лучами. Киммериец, нахмурившись, быстро зашагал в ту сторону.

Исчезая, Дикая Охота оставила после себя нечто. И это «нечто» оказалось человеком — вполне живым и не слишком старым, лет тридцати, не более. Человек этот корчился на земле и стонал.

Конан опустился рядом с ним на колени и на всякий случай прикоснулся к его телу мечом. Холодное железо не вызвало у него судорог, как это произошло бы с нелюдью. Напротив, он затих, а затем открыл глаза и посмотрел на Конана вполне осмысленно.

— Ты кто? — спросил Конан.

— Не помню в точности, — ответил человек. — Я был... — Он сморщился так, словно любая попытка что-либо вспомнить из своего прошлого причиняла ему болезненные страдания. — Я был... где-то... в пустоте. В темноте.

— Ты был мертв, — сказал Конан.

Он тихо вскрикнул и закрыл лицо руками.

— Я знаю тебя? — спросил варвар.

Не отнимая ладоней от лица, человек покачал головой.

— Так давно... — разобрал Конан его шепот. — Это случилось так давно... Сегодня я видел ее — ту женщину, что предала меня.

— Твоя дочь здесь, — сказал Конан, взяв его за руку. — Забудь все остальное. Если ты жив, то у тебя впереди долгие годы. Та, ради которой тебя взяли в дом, а после предали Дикой Охоте, сегодня пришла, чтобы вызволить тебя.

— Я проклял их, — сказал человек.

— Только не ее, — возразил Конан.

Человек покачал головой и уставился на киммерийца с отчаянием.

— Что ты можешь знать о моем проклятии! Я не видел моей дочери — я проклял и ее, потому что после ее рождения не стало надобности во мне... и меня отдали, точно ненужную вещь, королю мертвцев!

— Идем, — повторил Конан. — Она ждет.

Он помог отцу Гаусины подняться и подвел его к девушке. Та стояла на дороге, держа за руку Пустынного Коду: гном с многозначительным видом морщил лохматую мордочку.

Отец Гаусины смотрел на свою дочь настороженно, но та не стала таиться и изображать холодное безразличие. С тихим криком она бросилась ему на шею.

— Они ушли навсегда, — проговорила она. —

Они больше не вернутся. И моя мать скрылась вместе с ними.

* * *

Ни Гэлант, ни его слуги не видели происходящего: один только Кода стал свидетелем жуткого появления Дикой Охоты. Гэлант проснулся только после того, как наступил рассвет, и в помещении наконец запахло горящими дровами: собранный вчера хворост за ночь немного просох и соизволил загореться в очаге.

Не без удивления сказитель увидел, что в помещении появился еще один человек — невысокого роста, темноволосый, с немного растерянным взглядом. Гаусина сидела рядом с ним и держала его за руку, а он то посматривал на девушку, то обводил диковатым взором комнату.

Кода старался держаться от обоих подальше. Время от времени гном украдкой поглядывал на них, а затем с возмущенным тихим шипением отворачивался. Конан спал, развалившись на полу, — беспробудным сном тяжко потрудившегося человека.

По знаку Гэланта, Вендо, хранитель лютни, вынул музыкальный инструмент из водонепроницаемого мешка. Сказитель попробовал струны, настроил лютню и сыграл несколько мелодий. Мысленно он уже готовился к вечерам в гостеприимном замке Мак-Грогана.

Незнакомец слушал мелодии с такой жадностью, с какой блуждающий в пустыне одинокий

путник не приникает к источнику вод. Ничего удивительного: в царстве мертвых, под властью предводителя Дикой Охоты, он не слышал музыки и теперь только понял, как изголодался по ней.

Наконец Гэлант отложил лютню и заговорил с незнакомцем:

— Полагаю, эта девушка тебе знакома. Позволь же и нам представиться тебе. Я — Гэлант Странник, сказитель и путешественник, а это мои спутники и слуги. Вендо — хранитель лютни, Меркон — хранитель книг для записей и чернил. А тот громила, что спит сейчас беспробудно, — Конан, мой телохранитель.

— Твой телохранитель — великий герой, — серьезно проговорил отец Гаусины. — Я видел нынче ночью, на что он способен.

— Разве нынче происходили какие-то события? — удивился Гэлант.

Гаусина кивнула.

— Закончилась самая долгая и самая страшная вражда, что царила на наших болотах многие столетия...

Рассказ о Дикой Охоте занял немного времени: сказитель слушал жадно, но не просил развести для него чернила, чтобы записать подробности, — у него была хорошая память, и многое из услышанного он запоминал почти дословно, а заносил в свою книгу потом, когда разговор подходил к концу.

Отец девушки все это время молчал, ни во что не вмешиваясь. Казалось, он и сам не понимал, какому миру теперь принадлежит: миру

живых или миру мертвых, миру реальности или миру призраков. Он только осознавал близость существа, которое, оказывается, любило его все эти бесконечно долгие сто лет.

Нет, он не проклял свою дочь. Когда он призывал гнев богов на голову вероломных людей, предавших его в руки короля атлантов, он не имел в виду новорожденное дитя. Теперь это стало очевидно. Гаусина не несла на себе клейма проклятия.

— Странно, — бормотал Код, — а теперь она начала оставлять следы. Должно быть, и для нее вся эта история с Дикой Охотой закончилась наилучшим образом.

На Коду мало обращали внимания. Пустынный гном, впрочем, не огорчался: он привык оставаться незаметным. Так удобнее было наблюдать — и избегать неприятностей.

Конан пробудился лишь после того, как еда была готова. Он уселся, провел ладонью по лицу и объявил, что дьявольски голоден.

Теперь, когда история его сражения с королем-призраком стала известна, слуги Гэланта, да и сам сказитель, переменили к нему отношение. Из снисходительного — что, дескать, взять с неотесанного варвара! — оно сделалось уважительным и даже приобрело оттенок почтения.

Конан не слишком озабочился причиной таких перемен. Главное — все живы, и еда готова!

Путники решили провести здесь еще одну ночь. Собраться с силами, подкрепиться — и уж после двинуться в путь. Впереди лежало неско-

лько небольших городков, а дальше — замок Мак-Грогана, цель пути. Туда следовало явиться отдохнувшими, полными творческих замыслов, чтобы граф не испытал разочарования в давнем друге.

Ибо — в глубине души Гэлант подозревал это всегда — граф Мак-Гроган ценил в Гэланте не добре сердце, не отзывчивость и не мягкость обращения, но его песенный дар и умение развлекать людей при любых обстоятельствах.

* * *

Таверна осталась в полном распоряжении Гаусины и ее отца. Оба они решили не возвращаться в дом на болотах. Слишком много тяжелых и страшных воспоминаний с ним связано. Девушка набралась сил и съездила туда за некоторыми вещами, чтобы можно было открыть настоящий постоянный двор. Ее отец взял себе новое имя и с удовольствием принялся за работу.

Простившись с ними, Гэлант двинулся дальше.

Замок Мак-Грогана появился перед путешественниками неожиданно. Он как будто сторожил путника, высматривая неосторожную жертву с вершины горы, как хищная птица, засевшая на скальном утесе. Давным-давно возведенный в здешних краях воинственными предками Мак-Грогана, этот замок был настоящим разбойниччьим гнездом. Когда Мак-Гроганы враждовали с

аквилонскими королями, никому из них не удавалось взять эту твердыню штурмом и только два раза брали ее измором. И ни разу ворота крепости не отворяло предательство: люди были преданы своим господам Мак-Гроганам до смерти и едва ли не молились на них, точно те являли собою некие божества.

Причина тому заключалась в характере здешних горцев, которые превыше всего ценили в человеке верность. А кроме того было широко известно, что графы Мак-Гроганы никогда не предают тех, кто присягал им. Случалось, что кто-нибудь из господ выкладывал огромные деньги на выкуп своих подчиненных из плена.

Имелся в истории фамилии также один граф Мак-Гроган, который вызвался биться на поединке с неким знатным господином, дабы отстоять честь дочери своего человека, обычного крестьянина. В этом поединке Мак-Гроган был убит, а девушка отдана помимо своей воли замуж за насильника. И хотя эта история завершилась печально и справедливость не восторжествовала, она считалась одной из славнейших в истории рода, поскольку повествовала о непоколебимой верности, связавшей Мак-Гроганов и их людей.

Конан с интересом слушал подобные рассказы, пока Гэлант показывал своему телохранителю портреты в большой галерее, где сказитель ожидал встречи со своим другом.

Они прибыли в замок на рассвете. Граф еще не вернулся с охоты, однако Странник встретил

наилучший прием. Его слуги были разведены по комнатам, на кухне уже хлопотали насчет раннего завтрака. Сам же Гэлант и Конан предпочли подождать в галерее. Хозяин замка ожидался приблизительно в это же самое время, а гостям не хотелось отправляться в отведенные им покой прежде, чем они приветствуют гостеприимного хозяина.

Портреты Мак-Гроганов были выполнены в камне, вырезаны в виде барельефов, вышиты на gobеленах, а самые ранние представляли собой грубые деревянные скульптуры. Рассматривая их, Конан понимал, каким древним был этот род, и гадал: каковы же окажутся нынешние Мак-Гроганы, не посрамят ли они славы своих великих предков?

— Чему ты улыбаешься, Конан? — удивленно спросил его Гэлант, заметив, как странное выражение появилось на лице телохранителя.

— Я размышляю о том, как трудна бывает судьба последних представителей великого рода, — задумчиво молвил Конан. — На нем лежит тяжкая ответственность — ведь он должен прожить жизнь так, чтобы не посрамить никого из древних славных героев. Должно быть, это нелегко — все время ощущать на своих плечах тяжесть многовековой истории. Куда проще быть первым в роду...

— Полагаю, ты намерен стать основателем династии? — улыбнулся Гэлант.

— Кром! Проклятье, сказитель! Я ведь говорил тебе, что происхожу из старинной кимме-

рийской семьи. В моем роду многие были воинами, а иные — кузнецами, что весьма почтенное занятие, ибо оно связывает человека с подземным огнем и с богами! Но я воистину буду первым...

Он замолчал, погрузившись в мрачные раздумья. Гэлант не рад был, что завел разговор.

К счастью, вскоре в галерее показался молодой человек лет восемнадцати. Он был высоким, с длинными светлыми волосами, немного вьющимися, перехваченными золотой лентой. Широкие плечи подчеркивались одеждой, которая зрительно увеличивала фигуру. Крепкая талия была стянута наборным поясом из медных пластин. Лицо у молодого человека открытое, но какое-то печальное, в светлых глазах — беспокойство и грусть.

— Дуглас! — воскликнул Гэлант и поспешил ему навстречу. — Боги, ты ведь стал настоящим воином! Сколько же лет я отсутствовал?

Сказитель обернулся к Конану, который рассматривал молодого человека холодными синими глазами и едва заметно хмурил брови.

— Познакомься, Дуглас, это — мой спутник Конан-Киммериец, телохранитель и друг, человек, который спас и меня, и всех нас от...

Конан едва заметно покачал головой, как бы стараясь удержать сказителя от неумеренной похвалы, но Гэлант не мог удержаться:

— От Дикой Охоты!

Лицо юноши озарилось недоверчивой улыбкой:

— Дикая Охота? Та самая, о которой ты рассказывал когда-то, — мертвый король атлантов и его воинство?

Гэлант кивнул.

— Я полагал всегда, что это всего лишь легенда, но, как оказалось, всякая легенда в своей основе правдива. Истинным оказался и рассказ о Дикой Охоте. Мы видели ее собственными глазами...

Здесь Гэлант, разумеется, несколько преувеличивал: ничего он не видел, поскольку крепко спал в ту ночь. Но Конан не мог его винить. Киммериец был уверен в том, что беспробудный сон насыпал на людей сам король-мертвец, чтобы те потом не могли толком вспомнить событий минувшей ночи и не решились разыскивать пропавших, тех, кого забрала Дикая Охота. Пусть лучше люди боятся того, о чем догадываются — но чего не встречали лицом к лицу.

— Смотри же, Конан, это сын моего друга, молодой граф Мак-Гроган! — продолжал сказитель, подводя молодого человека за руку к Конану. — Я не видел его всего несколько лет, но это были важные годы: пока я странствовал по свету, Дуглас вырос и превратился в истинного мужчину!

Конан был далек от того, чтобы именовать этого юношу «истинным мужчиной». Дуглас Мак-Гроган был красив, его сложение обещало, что с годами он действительно сделается мощным мужчиной, но это время еще не настало.

Дуглас встретился с киммерийцем глазами и кивнул немного рассеянно. Было очевидно, что

молодой граф думает о чем-то очень далеком, никак не связанном ни с гостем, ни с его славным телохранителем, и даже Дикая Охота не имеет к мыслям Дугласа никакого отношения.

— Надеюсь, в замке вы встретите наилучший прием, — дружески сказал Дуглас. — Я слышу трубы — возвращается отец. Вечером, вероятно, будет приготовлена оленина. Отец никогда не приходит с охоты без добычи.

— Отчего же ты сам не охотишься? — спросил Гэлант. — В твоем возрасте пора уж приобретать навыки охотника!

— Охотиться? — Дуглас поднял брови. — Я никогда не буду стрелять в цель лучше, чем это делает мой отец. Да и какие это противники — олени да косули, дикие куропатки и зайцы? Я предпочел бы охоту на вепря, но в наших краях они почему-то не водятся. А велика ли слава для мужчины в том, чтобы подстрелить из лука маленькую косулю?

Конан чуть заметно усмехнулся.

— Никто не ищет славы во время охоты, — сказал киммериец. — Это лишь забава для богатых и необходимость для бедных. Истинную славу мужчина может стяжать только на войне. Но я не советую тебе бросать все и отправляться на какую-нибудь войну простым наемником, — добавил киммериец, увидев, как в глазах юноши загорелся огонек, — потому что для властителя, которым тебе предстоит стать, великая честь заключается также в том, чтобы быть справедливым и милостивым к своим подданным.

«А ведь он и на самом деле говорит и держится как настоящий король, — мелькнула мысль у Гэланта. — Забавный парень этот киммериец. Глядишь, и впрямь когда-нибудь завоюет для себя королевство...»

Дуглас неопределенно пожал плечами и поскорее ушел, оставив своих гостей в одиночестве.

* * *

Хозяин замка понравился Конану гораздо больше, нежели его юный наследник, хотя внешне оба Мак-Грогана были очень похожи, и отец выглядел ненамного старше сына. Граф был шумным, веселым. Он ворвался в замок, как и говорил его сын, вскоре после того, как чуткое ухо юноши уловило звуки охотничьих рогов, и все вокруг наполнилось шумом жизни. Слуги сновали взад-вперед, готовя свежие одежды, наполняя водой бочки для умывания и выволакивая из подвалов запасы вина, которому надлежало «подышать» — постоять открытым прежде, чем его подадут на стол.

На кухне творилось нечто невообразимое, и только главная стряпуха в состоянии была управляться с этим хаосом, только она знала, кто чем занимается, — ее работа была сродни деятельности полководца.

Освежившись и едва сменив запыленную одежду на чистую, граф пригласил гостей в охотничий зал, свою любимую комнату в замке. Стены ее украшали олени рога и набитые соломой ос-

каленные волчьи головы, несколько гобеленов изображали сцены погони за зайцами или взлет ловчих птиц с рукавицы.

Конан устроился в кресле возле окна, спиной к свету, так, чтобы лучше видеть графа и его собеседника. Он предпочел оставаться рядом с Гэлантом — не потому, естественно, что не доверял Мак-Грогану и готовился в любой момент защитить своего нанимателя от какой-нибудь неожиданной опасности, но исключительно из любопытства. Мак-Гроган, следует отдать ему должное, не задавал лишних вопросов касательно присутствия киммерийца. Ему и самому любопытно было познакомиться с этим молодым человеком поближе.

Подали вино и фрукты. При виде фруктов Конан слегка поморщился: аквилонская кухня не вполне устраивала киммерийца. Особенно этот ужасный обычай вымачивать яблоки, отчего плоды делаются сморщенными, блекло-розовыми и водянистыми. Конан предпочел бы мясо. Впрочем, он предпочитал мясо любому блюду, даже самому изысканному.

Представив Конана своему другу, сказитель заговорил о приключениях, которые пережил в пути. Он рассказывал о морских девах и лесных духах, о черных красавицах, которые умеют разговаривать с богами, и о богах, нисходящих к земным женщинам; о том, что повидал сам, и о том, что услышал от других.

— Со временем все это превратится в сладко-звуковые песни, не сомневаюсь, — отметил граф,

но и в обычном пересказе звучит удивительно. Продолжай, прошу тебя, не останавливайся.

Конан не разделял увлеченности Мак-Грогана. Киммериец побывал в тех краях, о которых столь красочно повествовал сказитель, и хорошо знал, как там обстоят дела. Некоторые легенды казались ему знакомыми. Одна его почти насмешила. В изложении Гэланта она выглядела так.

...Жил некий человек, который нигде не мог найти себе достойного места. Он скитался по свету, потому что судьба оторвала его от корней. Он считался позором своей матери и не знал своего отца.

Человек этот мечтал о богатстве и славе и однажды услышал о сокровище, которое принадлежало древней, давно забытой богине. В надлежащий день, вознеся хвалу богам, наш герой отправился в путь.

Его дорога лежала через безводную пустыню, где его подстерегало множество опасностей. Он повстречал пустынного духа, огромного и жуткого, который служил орде воинственных кочевников. Кошмарное воплощение разрушительного духа пустыни принял облик гигантского смерча и набросилось на нашего героя, а яростные кочевники атаковали его со всех сторон.

Но помочь великой богини, которая незримо следила за своим слугой, помогла ему одолеть всех врагов, а коварный пустынный дух сделался его союзником. Наш герой добрался до гор и отыскал там сокровище. Говорят, когда богиня завладела вещью, принадлежавшей ей по праву,

она вернула себе всю силу, которую утратила за минувшие века, и вновь воцарилась в своих владениях, а человек, который помог ей занять прежнее место в сонме божеств и духов, стал ее верным служителем...

— Очень трогательно, — заговорил вдруг Конан.

О слушателе, который неподвижно сидел возле окна и все это время не шевелился, граф и сказитель совершенно забыли и теперь уставились на киммерийца с искренним изумлением.

— О чём ты говоришь, Конан? — спросил Гэлант, который первым пришел в себя.

— Да об этой истории, — объяснил Конан, — про богиню и ее сокровище. Особенно меня насмешила та часть, где повествуется об огромном пустынном духе. Очень злом, страшном, могучем и так далее... Откуда ты взял эту историю, Гэлант Странник?

— Я услышал ее на рынке, — чуть насупясь, ответил Гэлант. — В Күше. Ее пел человек со странной для тех краев белой кожей.

— О, ну конечно, — вставил Конан как бы про себя.

— Мне понравился его голос, — продолжал Гэлант. — Не понимаю, впрочем, почему мы разговариваем об этом! Обычно я предпочитаю не раскрывать своих секретов — ведь сюжеты моих песен я нахожу повсюду, подобно тому, как дикарь подбирает съедобные плоды везде, где только ни видит их лежащими на земле.

— Ну да, — вставил Конан, — а еще он рвет

их с кустов и деревьев, если замечает, что они созрели.

Гэлант нахмурился.

— К чему твои насмешки, киммериец? Я не понимаю их. Неужели я так дурно с тобой обращался, что ты решил посмеяться надо мной в присутствии моего высокородного друга?

— Я вовсе не смеюсь над тобой, Гэлант, — возразил Конан. — И твое обращение нахожу весьма приятным. Ты честный человек, а защищать тебя от бед было для меня сплошным удовольствием.

— «Было»? Надеюсь, ты не хочешь со мной расстаться? — удивился Гэлант.

— Это уж как получится... Вижу, ты намерен провести в замке долгое время, а я не люблю заискиваться на одном месте, — сказал киммериец. — Однако давай вернемся к тому рассказу, который только что услышали. Говоришь, певец был с белой кожей, а выступал на рыночной площади где-то в Каше?

Гэлант кивнул и вдруг насторожился.

— Тебе знаком тот человек, не так ли?

— Если его зовут Дартин, то — да, знаком, — подтвердил киммериец.

— Кажется, такое имя он назвал...

— И много денег ты заплатил ему за то, чтобы записать его песню? — осведомился киммериец.

— Он был совсем беден, — сказал Гэлант и развел руками. — Городок, где он выступал, и городком-то не назовешь. Несколько десятков хижин, разбросанных по лесной поляне, а слу-

шатели — чернокожие полуобнаженные люди с листьями на поясе, которые заменяли им обычную одежду. Листья же составляли их украшения, а многие девушки и дети ходят совершенно без одежды. На головах у них кувшины с водой и корзины с плодами. Их воины носят медные браслеты и не расстаются с копьями, к которым привязаны заостренные камни...

Конан слушал, и лицо его туманилось: он въя-
ве представлял себе те далекие жаркие страны.
Киммериец не без удивления понял, что тоскует
по ним, и мысленно дал себе слово вернуться в
те края. Туда, где его знали как Амру, Льва. Ту-
да, где чернокожие подчинялись его слову и мча-
лись вместе с ним в неистовые битвы...

Он вздохнул, наваждение воспоминаний рас-
селялось.

— Продолжай, — мягко проговорил граф
Мак-Гроган, обращаясь к Гэланту.

Тот встряхнулся.

— Прости, я задумался. Конан удивил ме-
ня — и уже не в первый раз. Стало быть, ты то-
же побывал там, киммериец...

— Да, — сказал Конан. — Но продолжай про-
Дартина. Ты даже и представить себе не мо-
жешь, как мне интересно.

— Жаль, что не мой рассказ пробудил твое
любопытство... — вздохнул Гэлант. — Обычно
люди начинают слушать меня со жгучим инте-
ресом лишь в тех случаях, когда я говорю либо
об их знакомых, либо о тех краях, где они ког-
да-то были. В самом крайнем случае — если у

них есть вещица из той земли, о которой я веду рассказ.

— Так уж устроены люди, — не без ехидства отозвался Конан.

А граф Мак-Гроган прибавил:

— Только не я. Мне нравится все, о чем говорит сказитель.

— И не я, — донесся неожиданно новый голос.

Все трое собеседников повернулись в ту сторону и увидели Дугласа. Юноша, никем не замеченный, вошел в зал и слушал, стоя в темном углу.

— Садись, — пригласил его граф. — Мы не слышали, как ты появился.

— Возможно, я и не хотел, чтобы вы меня заметили, — сказал Дуглас.

Он прошел к отцу и устроился рядом с ним в кресле.

— Продолжай, — обратился он к сказителю. — Каждая твоя история — истинное сокровище.

— Тот человек, Дартин, — заговорил вновь Гэлант, — представлял собой странное сочетание наглого нищего попрошайки и талантливого певца. Он рассказывал свои истории так, что я мог слушать его до бесконечности, а после принимался нудно торговаться из-за каждой монеты.

— Надеюсь, ты не все ему отдал, — сказал Конан. — Потому что Дартин — лжец и трус. Я был с ним, когда он пытался добить сокровища забытой богини. В песне он рассказывал о самом себе! Но только наврал с три телеги. Это он-то

добыл сокровища? Это он-то стал служителем богини? Это он-то одолел страшного пустынного духа? Ха!

Конан посмеялся немного, а после прибавил:

— Все происходило иначе. Сокровище богини нашел я. И я не знал о том, кому оно принадлежало, пока не встретил саму богиню. А когда это произошло, я вернул ей драгоценный камень, и она просто ушла. Она даже не поблагодарила меня. Повернулась и отправилась восвояси.

— Ты видел богиню? — прошептал Дуглас. Глаза юноши загорелись.

Конан кивнул.

— Какой она была? — с жадным любопытством спросил юный граф.

Его отец, видимо, хотел задать тот же самый вопрос.

Конан ответил:

— Она была похожа на самую обычную девочку. Даже не слишком хорошенью. Это древняя богиня, воплощение капризов судьбы. Кром! Она и сама была горазда капризничать. Ее звали Зират-ат-Дин. Она умела заглядывать в прошлое человека — и будь я проклят, если она не умела заставлять людей подчиняться себе!

— Ты обещал рассказать про пустынного духа, — напомнил Гэлант. Он облизывал губы, словно предвкушая новое лакомство.

— Я могу даже показать тебе этого духа, — сообщил Конан. — Все время он находился рядом с нами.

— Коду? — недоверчиво переспросил Гэлант. — Но этого не может быть!

— Почему? — удивился Конан. — Он ведь с самого начала открыл тебе свою тайну. Он — пустынnyй гном. Порождение сухой и смертоносной пустыни.

— Пустынnyй гном? — переспросил граф Мак-Гроган. — У нас, в замке?

— Именно. — Конан кивнул. — Однако он никогда не умел превращаться в гигантский смерч и уж тем более не возглавлял дикие полчища воинственных кочевников. Просто гном. Насморочный, кстати. Здесь у него постоянные простуды.

— Я хотел бы повидать его, — горячо сказал Дуглас.

— Повидаешь. Он повсюду таскается теперь за мной, — объяснил Конан. — Характер у него ворчливый. Любит лягушек. В смысле — жареных. Если ты принесешь ему парочку, он расскажет тебе кучу потрясающих историй, и все они будут непревзойденным враньем...

* * *

Сам того не зная, Конан затронул весьма чувствительную струну в душе юного Дугласа. Молодой граф ничего так не хотел, как отправиться в странствия и своими глазами увидеть чудеса мира, испытать опасности, приобрести опыт, которого он был лишен, пока сидел в от-

цовском замке, окруженный заботой слуг и любовью отца.

Мать Дугласа давно умерла. О ее смерти почти ничего не говорили — ни слуги, ни граф Мак-Гроган, так что юноше приходилось довольствоваться лишь воспоминаниями старой кухарки о ее доброте да исключительной красоты портретом, что висел в большом пиршественном зале, прямо над столом.

Дуглас постарался сблизиться с Конаном и в тот же день послал слугу в покой, отведенныe киммерийцу, с приглашением разделить с ним вечернюю прогулку по стенам замка. Конан прихватил с собой Коду, и вдвоем они вышли к каменной лестнице, которая позволяла подняться на стену.

Замок Мак-Гроганов был обнесен не одной стеной, а целым лабиринтом, опоясывающим скалу, на вершине которой и высилась древняя графская твердыня. Конан сразу оценил эти укрепления, еще в те минуты, когда приближался к замку. Но теперь Дуглас собирался показать их киммерийцу во всей полноте.

— Я рад, что ты нашел время для прогулки со мной, — отрывисто приветствовал Конана графский сын.

Конан улыбнулся ему, блеснув в полумраке белыми зубами.

— Почему бы и нет? Здесь все равно заняться нечем, а этот замок возбуждает мое любопытство...

— Аично мое — нет, — подал голос Кода из-за спины своего приятеля.

Конан взял его за плечо и вытащил вперед.

— Ты хотел увидеть пустынного гнома, граф Дуглас, — заговорил киммериец, чуть понизив голос. — Обычно я выдаю его за простого карлика, так проще — люди шарахаются, когда встречают духа.

— Не такой уж я и дух, — проворчал Кода. — Не больше, чем сам киммериец. Что у людей за способ выражаться! Сами бы подумали, прежде чем изрыгать подобные глупости: «дух земли»! Ну какой у земли может быть «дух»? Разве что пузыри, что вздуваются в болотах, но лично я против подобного сравнения, ибо эти пузыри дурно пахнут!

— Ты сам дурно пахнешь, — сказал Конан.

— Только когда сержусь, — Кода поднял вверх палец и устремил на человека гневный взор. — Только в этих случаях. Любезный граф Дуглас, я счастлив познакомиться... и прогуляться по крепости... Вообще-то я очень грозный демон, но в здешнем климате совершенно немыслимо... ап-чи!

Дуглас, не веря собственным глазам, протянул руку и снял капюшон с головы Коды. Он уставился на оттопыренные большие уши, на лохматую мордочку и огромные чуть раскосо посаженные коричневые глаза гнома.

— Не может быть! — прошептал Дуглас.

— Почему же? — Конан усмехнулся. — Вот такой он. Тот самый. Который, по словам некое-

го Дартина, превращался в смертоносный смерч и крушил врагов...

— Я, кстати, могу сокрушить! — сообщил Кода хрипло. — Пусть не расслабляются!

— Я горжусь нашим знакомством, Кода, — искренне произнес Дуглас. — Для меня великая честь принимать у себя настоящего пустынного гнома.

Конан фыркнул, однако от замечаний воздержался.

Устройство замка Мак-Гроганов всецело увлекло киммерийца. Лабиринт стен представлял собой множество хитроумных ловушек для врагов, буде те когда-либо сумеют прорвать первую линию обороны. Те, кого не остановят потоки горячей смолы, изливаемой с крыш, окажутся в тесных проходах между двумя стенами. При этом изучить план лабиринта невозможно: стены снабжены воротами, которые могут быть заложены или отворены по желанию осажденных. Таким образом, вчерашний план лабиринта устаревает по сравнению с сегодняшним. Одни ворота замуровываются, другие открываются. Спустя день открываются уже новые двери, а прежние оказываются запертыми. Это позволяет осажденным совершать вылазки, не боясь, что враг воспользуется уже известными ходами и предпримет ответное наступление.

— Превосходно! — заключил Конан, когда прогулка завершилась. — Скажи мне только одно, граф Дуглас: для чего все это великолепие, если твой отец не ведет никаких войн — да и во-

обще в Аквилонии царит относительное спокойствие?

— Но здесь не всегда было так спокойно, — удивился вопросу Дуглас. — И не всегда будет, надо полагать. Затишья всегда сменяются бурями.

— Подданные любят твоего отца, — продолжал Конан.

— Мой отец говорит, что любовь подчиненных — наилучшие стены, какие только могут оградить властителя, — подтвердил юноша.

— Ты разделяешь его мнение?

— Целиком и полностью.

— Ты прав... Да, я восхищен и поражен вашим замком, — киммериец задумчиво оглядывался по сторонам, как бы стараясь запомнить все увиденное. — Надеюсь, когда-нибудь я сюда вернусь — как друг, разумеется, потому что врагам здесь делать нечего.

— Ты собираешься уходить? — встревожился Дуглас.

Конан пожал плечами.

— Насколько я понимаю, моя служба у Гэланта закончена. Он расплатился со мной сполна и теперь намерен остаться в гостях у твоего отца на некоторое время. Ему требуется записать песни и составить новые стихи, а кроме того — переработать обе версии о грозном пустынном духе: ту, что поведал ему Дартин, и ту, что рассказал ему я...

— Кстати, я тоже кое-что сообщил нашему другу сказителю, — вставил Кода своим сиплым голосом.

Оба молодых мужчины повернулись в сторону пустынного духа. Кода во время прогулки помалкивал, как будто его и не было, и в беседах участия не принимал, а теперь вдруг решил заговорить.

— Ты тоже? — переспросил Конан. — А тебе-то зачем было вмешиваться?

— Я участник событий, — заявил Кода. — Ну и кроме того, у моего народа имелось множество собственных преданий. Я не хочу, чтобы они исчезли после того, как я... — Он громко шмыгнул носом. — Ну, когда меня не будет... чтобы все наши легенды, песни и предания сгинули в одной могиле со мной...

— Разве ты умираешь? — удивился Конан.

Кода шумно высыпался.

— Между прочим, я болен! — заметил он сердито.

— Боюсь, твоя болезнь не смертельна, — бессердечно сказал киммериец.

— Боишься? Боишься? — От негодования Кода подпрыгивал при каждом слове. — Ну что ж. Я всегда знал, каково твое истинное отношение...

Дуглас взял его за плечо и остановил гневную тираду.

— Конан всего лишь шутит. Он решил подразнить тебя, Кода. Вряд ли его отношение к тебе такое уж скверное...

— Не надо меня утешать! — Кода вывернулся из-под руки Дугласа и, заливаясь слезами, бросился бежать.

Дуглас проводил его взглядом.

— Напрасно ты так обращаешься с ним, — заговорил он с Конаном чуть укоризненно. — Он одинок.

— Он совершенно не одинок, — огрызнулся Конан. — Здешние стряпухи и служанки носятся с ним, как с куклой. Ты просто не видел.. Они расчесывают его шерстку, готовят для него отдельные лакомства, даже ловят ему лягушек, между прочим... Одна сшила ему новый плащ, другая отдала ему сапожки, из которых вырос ее сынишка. У него теперь есть особенная щеточка для причесывания волос на мордочке и специальная бархотка для протирания ушей.

Дуглас засмеялся.

— В таком случае, он, вероятно, захочет остаться в замке.

— Если ты не будешь против.

— Я? О таких вещах следует спрашивать моего отца... — Дуглас на миг омрачился, а затем его лицо приобрело решительное выражение. Он приблизился к Конану и заговорил очень тихо и очень твердо: — Конан, я хотел просить тебя об одной вещи: Будь моим спутником, когда я покину замок.

— Ты хочешь уйти? — киммериец, казалось, не верил собственным ушам.

— Тише! Да, я давно уже мечтаю об этом. Но я слишком мало знаю об окружающем мире — я не так глуп и понимаю, что опасно пускаться в путь без опытного товарища. Мне хочется повидать те края, о которых рассказывает Гэлант. Я

не могу усидеть на месте. Меня гложет беспокойство!

— Гэлант, вероятнее всего, не участвовал ни в каких особых приключениях, — предупредил Дуглас Конан. — Все, что он рассказывает, он услышал от разных врагов, которых подбирал на рыночных площадях или в тавернах, где те готовы были набрехать с три короба за приличное угождение. Изредка ему доводилось встречать настоящих сказителей, готовых поделиться с ним своими сокровищами, но чаще всего он довольствуется сплетнями и болтовней. Лишь его певческий дар преобразует пустословие глупцов в истинные песни. Не обольщайся, Дуглас. В мире за стенами твоего удивительного замка не так уж много вещей, достойных внимания истинно благородного человека.

— И все же я хотел бы убедиться в этом на собственном опыте, — повторил Дуглас. — Умоляю тебя, помоги мне!

— Ладно, — кивнул Конан. — Судя по всему, ты в любом случае улетишь из-под отцовского крыла — так лучше бы тебе сделать это под приглядом... Я уйду вместе с тобой.

— Завтра, — сказал Дуглас.

Конан еще раз взглянул в полные решимости глаза молодого графа.

— Согласен, — произнес киммериец. — Завтра.

* * *

— Мне он сразу не понравился, этот твой Конан! — бушевал граф Мак-Гроган.

Гэлант сидел перед ним, выпрямившись в кресле, и молча слушал излияния графа.

— Кто он такой? Ты ведь даже не знаешь его настоящего имени! — продолжал Мак-Гроган.

— Я думаю, что Конан — настоящее его имя, — спокойно отозвался Гэлант.

Мак-Гроган, бегавший по залу, остановился и резко повернулся на голос.

— А? Ты уверен?

— Какая разница... Да, я уверен. Полагаю, он гордится своим именем и происхождением. Во всяком случае, он сразу назывался Конаном из Киммерии и ни разу не дал мне повода заподозрить себя в обмане.

— У меня, возможно, есть враги... Тайные враги, о которых я даже не подозревал, пока благодушествовал в замке, — продолжал граф. Он запустил обе руки себе в волосы и сильно дернулся, а затем застонал от душевной муки. — Мой сын, мой сын! Они нанесли мне удар через моего сына! Я ездил на охоту, слушал песни, любовался произведениями искусства — и все это время некто невидимый ковал козни против меня! Они подослали ко мне этого Конана, чтобы он похитил...

— Остановись! — закричал Гэлант. — Остановись, иначе ты горько пожалеешь потом о словах, сказанных в запальчивости!

Мак-Гроган уселся и несколько минут молчал, угрюмо глядя себе под ноги. Затем он позвонил в колокольчик. Вшел слуга, такой же мрачный, как и его господин.

— Приведи сюда этого Коду, — велел граф.

Слуга поклонился и быстро направился к выходу. Гэлант встревожился не на шутку.

— Что ты намерен делать?

— То, что сделал бы на моем месте любой здравомыслящий отец, — отозвался граф. — Я хочу допросить того, кто остался у меня в замке. Я намерен рассматривать его как заложника, как пленного! Пусть он расскажет мне о замыслах своего господина. Думаю, мы услышим немало интересного...

— Возможно... — Гэлант вдруг почувствовал, что постепенно проникается уверенностью графа Мак-Грогана в том, что Дугласа похитили некие таинственные враги. — Возможно, ты прав. Самое главное — выяснить, кто твои недоброжелатели. Если они наняли Конана, чтобы втереться к тебе в доверие и подобраться к твоему сыну, то приятель нашего киммерийца должен об этом знать.

Кода был доставлен и явлен пред гневные очи графа. Пустынного гнома только что вытащили из постели — совсем недавно он крепко спал: глаза его глядели сонно и мутно, шерстка слиплась — ее еще не расчесывали. В пустыне в подобном уходе за шерстью не было никакой надобности, сухой климат и песок сами очищали волосы на мордочке и на всем теле Коды. Но в Аквилонии, где был гораздо более сырой климат, шерсть то и дело сваливалась, так что без особых гребней и щеток она приобретала весьма плачевный вид.

Кода моргал и очевидно ничего не понимал в происходящем.

Граф наклонился к нему:

— Где твой приятель киммериец?

— Какой приятель? — Кода заморгал. — Конан? Вероятно, где-то в замке...

— Он ушел! — заревел граф. — Он похитил моего сына и скрылся!

— Не может быть! — взвизгнул Кода, мгновенно пробудившись от состояния блаженной полуудремы. — Он бросил меня одного в руках врагов? Как он мог?

И Кода оглушительно зарыдал.

Граф, несколько растерянный таким бурным проявлением чувств со стороны гнома, замолчал. Но затем новые подозрения охватили его, он нахмурил брови и прикусил губу. Гэлант с тревогой наблюдал за ним. Таким он графа Мак-Грогана никогда еще не видел.

Сказитель не без оснований опасался того, что граф, ничего не добившись от Коды, перенесет основную тяжесть своих обвинений на самого Странника. Ведь это Гэлант Странник и никто другой привел в замок Конана! А вдруг они все состоят в заговоре?..

Кода заговорил, задыхаясь и всхлипывая:

— Они сговаривались между собой... Твой сын и мой Конан. Мол, уйдем из замка, повидаем мир.

— Киммериец подбивал моего мальчика скрываться от отца? Говори! — Граф схватил Коду за плечи, принял трясти. Уши Коды мотались.

— Отпусти его! — вмешался Гэлант. — Он не вымолвит ни слова, пока ты его мучаешь.

— Да я прикажу пытать его, чтобы развязать ему язык! — рявкнул граф, однако Коду отпустил.

Обиженно потирая плечи, гном проворчал:

— Не нужно кричать и набрасываться. Я и так скажу. Это твой сын. Все он! Это он подговорил моего Конана, ясно тебе? — Кода перешел в атаку. Он подскакивал, размахивал кулаками и гневно тряс ушами. — Твой Дуглас. Он якобы мечтал уйти. Весь мир повидать! Тьфу! Было бы на что смотреть! Я, говорит, тут скучаю. Замок ему не нравится. Стены, лабиринты, скалы, верноподданные кругом — тоска. Охота на оленей, красивые гобелены — скука смертная. Думаешь, это я так считаю? Это твой сын так считает!

— Мой сын не мог произнести все эти ужасные слова! — Мак-Гроган медленно качал головой, не веря услышанному. Он был смертельно бледен, в его глазах дрожали слезы. — Нет, он находился под властью чьих-то чар... — Граф поднял голову и устремил на Коду пронзительный взор. — Это твое колдовство, не так ли?

— Я вообще не умею насыщать чары, — возмутился Кода. — За кого ты меня принимаешь? За пошлого колдуна? Я только и умею, что читать мысли... Но обычно этого не делаю. Потому что мне не нравятся мысли людей. У вас отвратительные мысли!

— И о чем я думаю? — криво улыбнулся граф.

— О разной ерунде, — Кода махнул лап-

кой. — О том, что Гэлант привел к тебе киммерийца — возможно, с какой-то тайной целью. О том, что Конан наверняка действовал заодно с твоими врагами. О том, что твои враги... Ого! — Кода с любопытством уставился на графа. — Ты ведь знаешь своих врагов, Мак-Гроган... Это они убили твою жену, мать Дугласа!

— Молчи! — вскрикнул граф. — Вижу, ты действительно умеешь заглядывать в самые тайные уголки моих мыслей. Опасное умение. Пожалуй, я прикажу пытать тебя, чтобы ты рассказал мне побольше о моих врагах...

— Нет! — заверещал Кода. — Ну что вы за существа, люди! Чуть что — сразу пытать!.. Да я тебе и так все расскажу. Все без утайки. В подробностях и с разговорами. Кто что сказал, кто куда посмотрел, кто в какое место запустил лапу... Ты знаешь, например, что твой дворецкий ворует на кухне сладости?

— Дворецкий? — Граф сдвинул брови. — При чем тут дворецкий?

— Это я так, к слову... Он сладкоежка. Вот тебе тайна, которую следовало бы раскрыть. Возможно, если твои враги послуят ему несколько пудов липких сладостей из Хоршемиша, он откроет им ворота замка и впустит их сюда с кинжалами и отравленным вином...

— О чём он болтает? — Граф перевел взгляд на Гэланта. — Ты понимаешь хоть слово?

— Я думаю, — медленно произнес Гэлант, — что тебе следует рассказать мне все о смерти твоей жены. Я никогда не спрашивал тебя об

Азалии, боясь причинить тебе лишнюю боль, но сейчас, полагаю, время пришло...

* * *

Азалия была очаровательной девушкой — с длинными черными волосами и блестящими темными глазами. Она выросла в семье простых крестьян, но никогда не проявляла склонности к работе на земле. Родители баловали красавицу-дочь и никогда не заставляли ее заниматься неприятными делами. Она не пачкала руки, не гнула спину — только и забот у нее было, что радовать отца и мать.

Родители и дочь не имели между собой ни малейшего сходства. Поначалу это не бросалось в глаза, но когда девочке исполнилось четырнадцать, различие между теми, кто ее воспитал, и ею самой сделалось просто вопиющим. Низкорослые рыжеволосые крестьяне с грубыми ручищами явно не могли быть родными отцом и матерью этой красавицы с матовой бледной кожей.

Заговорили о том, что Азалия была подброшена к бедной хижине бездетных супружес. Те больше не могли отрицать правды; однако на отношениях, которые сложились между воспитателями и девушкой это никак не отразилось. Азалия продолжала величать их «матушкой» и «батюшкой», а те просто не чаяли в ней души.

Граф Мак-Гроган заметил эту девушку в лесу, где она бродила, напевая себе под нос. Одежда на ней была самая простая, чиненая во многих

местах, но красота девушки пленила графа. Он окликнул ее, и завязался разговор.

На следующий день граф посетил хижину ее родителей. Бедные крестьяне низко кланялись господину и предлагали ему любое угождение, какое только могли найти у себя в погребах, но граф лишь выпил немнога молока и попросил обоих сесть и поговорить с ним спокойно.

Женщина попросила дозволения уйти, а ее муж остался с графом. Он не решался сесть в присутствии своего господина, однако тот настоял, и оба устроились на бревне во дворе, среди домашней птицы, гуляющей между грядками.

Картина эта могла бы вызвать умиление у стороннего наблюдателя — да только никто не осмеливался подсматривать за господином графом. Уж коли нашлись у него причины так себя вести, стало быть, простому люду следует держаться скромненько, в сторонке.

Граф спросил:

— Откуда в вашем доме эта девочка?

— Господин уж наверное догадался, — отозвался крестьянин, — что Азалия нам не родная дочь, хотя боги нам свидетели — мы растили ее, как умели, и ни в чем ей не отказывали! Не знаю, кто принес ее к нашему порогу. Собственных деточек у нас не рождалось. Я бы, конечно, хотел сына — помощника, а боги прислали нам дочку... Пользы от нее, сами понимаете, господин, никакой, но она доставляет нам радость, а это важнее всякой пользы. Она появилась у нашего дома ночью. Моя жена говорит, будто раз-

разилась в тот день гроза, а я не припоминаю — давно это было! Младенец лежал в корзине, завернутый в одеяло.

— Вы сохранили корзину и одеяло? — быстро спросил граф.

Крестьянин развел руками.

— В них ничего особенного не было. Думаю, тот, кто доставил ребенка, позаботился о том, чтобы не оказалось никаких знаков, по которым можно было бы девочку опознать. Ни медальона, ни особых вышивок. На ней даже одежды не было. Только одеяло, перетянутое веревкой, и все. Вещи куплены на рынке в ближайшем городке, там таких полным-полно... Уж поверьте, господин, мы ли не искали примет!

Граф чуть опустил голову.

— Это и неважно, — молвил он спустя короткое время. — Расскажи мне еще об Азалии. Кто назвал ее так?

— Моя жена. Она сразу подумала, что девочка не из простых, вот и решила дать ей необычное имя. Чтобы не кликали нашу красавицу так, как кличут обычных деревенских девчонок.

— Почему твоя жена решила, будто девочка не из простых?

— Была бы из простых, ее бы не стали подбрасывать, — ответил крестьянин совершенно бесхитростно. — У нас все иначе, чем у господ. Если ребенок не нужен, найдут способ избавиться — утопят или закопают, а соседям скажут, будто младенчик помер. Никто ведь не удивится, если у крестьянки младенец померет! Знат-

ные — другое дело. Вы, люди древнего происхождения, свою кровь цените и бережете, вы не станете закапывать ее в землю. Нет, если ребенок не нужен знатной госпоже, она постарается сделать так, чтобы он все-таки сохранился и вырос...

— Ты умен, как я погляжу, и рассуждаешь достойно, — проговорил граф. — Я дам тебе в награду кошелек с золотыми монетами. Купи себе всего, что пожелаешь, и обнови крышу на доме, а своей жене непременно подбери хорошей одежды. Она заслужила этого.

Крестьянин улыбнулся.

— Мне ли не знать, на каком сокровище я женат!

— Что касается вашей приемной дочери, то я хочу забрать ее в мой замок, — продолжал граф. — Отныне я буду заботиться о ее воспитании. Кто знает, может быть, я сумею подобрать для нее достойного мужа.

Крестьянин сделался белее снега.

— Вы желаете отобрать у нас Азалию? — пролепетал он.

— Что тут такого? — граф выглядел удивленным. — Разве ты не знал, что рано или поздно нечто подобное произойдет?

— Я надеялся... — крестьянин опустил голову. — Я молился всем богам, чтобы этого все-таки не случилось...

— Не хочешь ведь ты, чтобы Азалия стала женой какого-нибудь неотесанного крестьянского парня?

— Нет...

— Или ты собирался оставить ее незамужней? Ты подумал о том, что рано или поздно вы с женой умрете? Что тогда будет делать Азалия? Я видел ее руки — она не приучена к тяжелому труду... Чем она займется, оставшись одна?

— Ох, господин, вы разрываете мое сердце!

— Я прослежу за тем, чтобы вы с женой ни в чем не нуждались, — продолжал граф. — Видеться с Азалией вам будет запрещено. Хорошее дело — если она выйдет замуж за знатного человека, и вдруг он услышит, как его супруга называет отцом и матерью простых крестьян!

— Я понимаю. — Приемный отец Азалии встал и поцеловал руку своего господина. — Вы правы во всем, а мы с женой желаем Азалии только счастья.

— Как и я, — добавил граф, улыбаясь.

Он сдержал слово и обеспечил добрых крестьян всем, так что они ни в чем не нуждались. Азалия же ничуть не удивилась, когда ей сообщили, что отныне она переселяется в графский замок. Она как будто ждала этого. Девушка сердечно расцеловала людей, воспитавших ее, и ушла не оглядываясь легкой походкой, беспечная и счастливая, так что у ее приемных родителей слезы потекли из глаз: они-то знали, что больше не увидят свою красавицу-дочь!

Граф женился на Азалии, когда той исполнилось пятнадцать. Она очаровательно пела и грациозно танцевала. К рукоделиям она выказывала полное равнодушие, книг не читала, но

любила слушать сказителей и певцов, так что в замке их водилось множество. Гэлант тогда еще не был другом графа Мак-Грогана и потому не знал Азалию при жизни.

Когда родился Дуглас, радости графа не было предела. Он взял в деревне лучшую кормилицу, окружил младенца заботами, а к супруге стал относиться так, словно она — какая-нибудь небожительница, так крепко он ее любил и так благоговейно почтит.

Но она неожиданно начала дурнеть и скучать. Ее красота увядала с каждым днем. Граф начал бояться входить в комнату к Азалии, потому что когда бы это ни случилось, он замечал все новые и новые признаки увядания.

Мак-Гроган терялся в догадках. Как такое могло случиться?

Ведь Азалии не исполнилось еще и шестнадцати лет! Он знал, конечно, что женская красота эфемерна, что она исчезает очень рано, но надеялся не увидеть, как такое происходит с его возлюбленной женой. В конце концов, Азалия намного младше своего мужа! И он не обременяет ее никакими заботами, следит за тем, чтобы ей было весело, чтобы все ее прихоти исполнялись...

Почему же она чахнет прямо на глазах? Спросить ее об этом граф не решался — он боялся обидеть супругу.

Кроме того, он тайно распорядился прятать зеркала, чтобы Азалия не заметила происходящей с ней перемены.

Время от времени в замке — как бы между прочим — появлялись целители. Их задачей было осматривать младенца или лечить графа от какой-нибудь несуществующей хвори, однако настоящая цель их прибытия была, естественно, молодая графиня.

Все целители, как один, разводили руками — они ничего не понимали. Подобный случай встречался им впервые.

Но Азалия и без всяких зеркал знала о том, что с нею происходит, и простодушные ухищрения целителей не ускользали от ее внимания. Однажды она заговорила с мужем сама.

— Господин мой, — начала Азалия, — хоть я и не вижу больше моего отражения в полированных зеркалах, мое лицо неизменно отражается в ваших зрачках. Мои черты стали грубыми, щеки обвисли. Я гляжу на свои руки и не узнаю их. Даже у моей матушки никогда не было таких толстых, уродливых пальцев, хотя она всю жизнь только и знала, что работала с мотыгой да лопатой, ходила за скотиной и помогала мужу пахать землю.

Это был первый раз, когда Азалия показала мужу, что помнит своих приемных родителей. Она упомянула о них так естественно и с такой любовью, что у графа сжалось сердце.

— Если ты хочешь, любимая, мы можем навестить их, — предложил он. — Признаюсь, мое требование — чтобы ты никогда больше не виделась с ними — было слишком жестоким. Я чеснчур много думал о своей чести и почти не за-

думывался о том, что собственная честь имеется и у простолюдинов...

Граф был растроган. Он тотчас велел седлать лошадей и готовить платье для госпожи графини. Они выехали из замка и вскоре уже были в деревне.

Но приемных родителей Азалии там не оказалось. Хижина, где выросла девушка, стояла наполовину развалившаяся — никто не решился занять ее или хотя бы позаимствовать оттуда какие-либо вещи. Все, конечно, знали, кому теперь родня эти простолюдины, и не посмели бы переступить порог их дома, даже брошенного. Соседи рассказывали, будто, получив от графского управляющего большие деньги, оба супруга остались свое прежнее жилье и отправились в другие края.

— Но где мне искать их? — спрашивал граф то одного, то другого крестьянина.

Все дружно качали головами. Никому не было известно о намерениях родителей Азалии. Да и для чего было выяснить подобные вещи? Господин граф ведь четко высказал свое пожелание — более двух лет назад: госпожа графиня не должна видеться с людьми, которые заменили ей родителей.

— Я горько сожалею о том, что сделал, — признался граф.

Крестьяне вполне сочувствовали ему, но это ничуть не помогало делу.

Тогда Азалия тихо обратилась к мужу.

— Господин мой, позвольте мне продолжить

поиски — а сами возвращайтесь домой, — попросила она.

Граф — сам не зная как — дал согласие...

* * *

— Больше я не видел ее, — заключил он.

— Это все? — удивился Гэлант Странник. Мак-Гроган пожал плечами.

— Боюсь, что так. Разумеется, когда она не вернулась — ни через день, ни через месяц, — я отправил большой отряд на поиски. Мои люди рыскали повсюду, расспрашивали всех прохожих, странников, купцов, попрошайек и крестьян, общаривали каждую лачугу из тех, что иногда встречаются в безлюдных местах. Им было велено подбирать любую вещицу, которая хоть как-то могла бы указывать на пропавшую графиню. Увы, поиски ни к чему не привели.

Тогда я выехал сам. Мне казалось, что любящее сердце приведет меня к Азалии. Я отсутствовал больше года — она исчезла. Не нашел я и тех людей, что вырастили мою жену. И тогда я смирился.

Я больше не женился. Мне казалось это слишком жестоким. Если бы, к примеру, я позволил себе привязаться к какой-нибудь женщине, ввел бы ее в свой дом, на свое ложе... Она бы родила мне новых детей... И тут — я не оставлял надежды никогда, за все эти годы, — внезапно вернулась бы моя Азалия! Что бы она сказала

ла, если бы увидела, что я не ждал ее, что ее место занято?

— По-моему, ты слишком много значения придаешь той давней истории, друг мой, — сказал Гэлант. — Азалия сама оставила тебя. Если бы она вернулась, как ты говоришь, и увидела, что ее место занято, она поняла бы тебя. В конце концов, она исчезла почти двадцать лет назад! Ты вправе был счесть ее умершней...

— А как быть с новой женой? — горько произнес граф. — Я ведь думал и о ее чувствах. Каково было бы ей узнать, что все эти годы ее супруг втайне не переставал любить женщину, которая давно оставила его? И вдруг встретить соперницу лицом к лицу — и быть побежденной ею!

— В твоей власти было бы не позволить Азалии «победить», как ты выражаяешься, — Гэлант вздохнул. — Впрочем, что говорить о том, чего не случилось! Теперь я лучше понимаю тебя. Понимаю твое нежелание устраивать в замке пышные приемы, твое стремление жить уединенно, довольствуясь простыми развлечениями, которые здесь возможны, — вроде охоты или беседы со старым приятелем... Надо сказать, что ты никогда не производил впечатления человека, сломленного тайным горем.

— У меня есть тайна и есть печаль, — кивнул граф, — но горя нет; потому что в глубине души я убежден в том, что Азалия до сих пор жива. Я не переставал ждать ее...

— Но какое отношение все это имеет к исчезновению твоего сына?

Гэлант вернулся к болезненной теме.

Мак-Гроган встал и стремительно зашагал по комнате. Его волосы резко взлетали над лбом, когда он встряхивал головой.

— Мой сын! Неужто ты не понял, сказитель? Я рассказал тебе о его матери почти все, что знал сам! Дуглас — не только мое дитя, в его жилах течет кровь Азалии... Кто знает, какова эта кровь на самом деле? Она была не из простых, в этом сходились решительно все. Да и кто бы мог подумать иначе, увидев ее изысканную красоту... пока эта красота не начала увядать. Но и умирающая красота моей жены сохраняла странную изысканность, какая иногда встречается у мертвых цветков, сорванных осенним ветром.

— Ты опасаешься, что Дуглас унаследовал от матери это свойство? — осведомился сказитель. — Быть может, юноша заметил первые признаки угасания своей красоты?

Граф с покаянным видом кивнул.

— Я должен был обращать на него больше внимания. А я был занят охотой, развлечениями...

— Да еще и я приехал, мой друг, — подхватил сказитель. — Не упрекай себя. Я внимательно рассмотрел Дугласа в первые же часы нашего появления в замке. Он красив и свеж — и никаких примет скорого увядания. Поверь мне, сейчас я говорю тебе чистую правду. Как, впрочем, и всегда.

Граф стиснул пальцы и хрустнул ими.

— Итак, остается лишь одно наиболее вероятное предположение: к исчезновению моего маль-

чика имеют отношение какие-то тайные враги. Быть может, те самые, что некогда похитили Азалию.

— Ты уверен в том, что Азалия была похищена?

— Но ведь она исчезла!

— Не исключено, что она исчезла добровольно.

— Зная, как я люблю ее? Как я страдаю без нее? Немыслимо!

— Милый мой друг, — медленно проговорил сказитель. Он замолчал, собираясь с духом, ибо намеревался высказать исключительно странную мысль. — А ты уверен в том, что Азалия была целиком и полностью человеком?

Мак-Гроган удивленно уставился на Гэланта.

— Кем же, по-твоему, она могла быть? Гарпийей или русалкой? Я видел ее полностью обнаженной, я проводил с ней дни и ночи — неужто ты думаешь, я не заметил бы признаков нечеловеческой природы?

Гэлант промолчал. И снова вернулся к исчезновению Дугласа.

— В любом случае, ты должен радоваться тому, что с твоим сыном отправился Конан. Кем бы ни оказалась в конце концов твоя жена, какая бы кровь ни текла в жилах Дугласа — Конан из Киммерии способен одолеть любое чудовище. Я совершенно в этом убежден.

* * *

Конан и молодой граф ехали по долине, которая постепенно расширялась и превращалась в

плодородную равнину. Крестьянские работы на этих землях уже начались, повсюду путников встречали мирные картины. Люди в деревнях не знали, кто этот молодой всадник в богатой одежде и кто его рослый спутник с внимательным взглядом и беспечной улыбкой; однако повсюду путешественники встречали хороший прием.

Они ночевали в придорожных тавернах и пили там густое пиво, а отменный обед обходился им в сущие гроши. Конан не упускал при этом случая провести время с какой-нибудь местной красавицей.

Дуглас не без зависти смотрел, как липнут к киммерийцу девушки, в то время как к нему самому они неизменно относились весьмадержанно.

Конан во всем полагался на свое чутье: коль скоро варварские инстинкты его молчали, не предупреждая об опасности, киммериец не считал для себя зазорным развлекаться и пить вовсю. Он не скучал по обществу Пустынного Коды. Маленькая нечисть со своими вечными причиваниями и нытьем изрядно его утомила, и теперь Конан наслаждался свободой: впервые за минувший год он получил возможность заботиться только о самом себе.

Разумеется, у него имеется спутник, молодой граф Дуглас. Но Дуглас — такой же человек, как и сам Конан, к тому же из местной знати. Уж как-нибудь этот юноша сообразит, что ему делать в таверне, где полно выпивки, хорошо прожаренного мяса и говорчих красоток.

Так рассуждал Конан, отправляясь спать на сеновал вместе с пухленькой аквилонской девушкой. Под мышкой у киммерийца удобно устроился кувшин с пивом и огромный каравай хлеба.

Он не удосужился спросить имя своей подруги, да и та не слишком интересовалась личностью нового приятеля. Не успел Конан распустить завязки на блузке девушки, как до его слуха донесся пронзительный женский вопль. Конан замер, прислушиваясь.

— Что это? — шепнула девушка. Она явно была испугана.

— Понятия не имею. — Конан пожал плечами и вновь занялся завязками. — Кто стягивал твои шнурки? — недовольно осведомился он.

— Моя мать.

— Вероятно, твоя мать — бывалый моряк, если она так ловко вертит морские узлы, — пошутил киммериец.

Женский крик повторился.

Конан опустил руки.

— И часто у вас так? — спросил он у девушки.

Она была бледна и очевидно перепугана до смерти.

— Поверь мне, я никогда прежде не слышала, чтобы так кричали...

И впрямь, что-то нечеловеческое звучало в вопле женщины. Конан глубоко вздохнул.

— Нигде покоя нет, даже в Аквилонии, где уже несколько лет не ведутся войны... Пойду взгляну — кто это там надрывается. Сиди здесь

и жди меня. Я скоро вернусь и мы продолжим наше увлекательное занятие. Можешь пока выпить и закусить. Хлеб в этой таверне пекут отменный.

И киммериец легко спрыгнул с сеновала. Девушка видела, как он бежит по двору, передвигаясь легко и беззвучно, точно дикая кошка. Она покачала головой и потянулась за кувшином.

Конан сразу понравился ей — как понравился он и дюжине других местных девиц. Он почти не болтал, много ел и пил и время от времени поглядывал на девушек лукавыми синими глазами. Женщины угадывали в Конане главное для себя: с любой случайной подругой киммериец неизменно был ласков. Да с таким всякая пойдет!

Другое дело — тот задумчивый юноша, что явился вместе с киммерием. И собою хороши, и щедр, и вроде как знатного происхождения, судя по манерам, а что-то в нем таилось неприятное. И девушки старались не встречаться с ним глазами, чтобы Дуглас не принял мимолетный взгляд за приглашение познакомиться.

Та женщина больше не кричала. Воцарилась тишина. Луна медленно плыла в темном небе, ярко освещая двор, хозяйственные постройки, крышу таверны. Дымок, сочащийся из трубы, был полон серебристого лунного света.

Когда Конан добрался до конюшен, откуда, как ему показалось, и доносился крик, его взору предстала странная картина. Лошади хрюпали и жались к перегородкам стойла. С ноздрей их капала пена, глаза бешено вращались в орбитах.

Пробираясь среди лошадей, Конан гладил их по мордам, бормотал им слова утешения. Киммериец умел обходиться с животными — они часто понимали его и слушались почти без понуканий. Но сейчас Конану пришлось приложить немало усилий, чтобы успокоить их. Ему требовалось пройти среди растревоженных коней, чтобы добраться до того, что он успел разглядеть от самого входа в конюшню: посреди помещения на груде старой соломы лежало человеческое тело.

Конан почти не сомневался в том, что сейчас увидит тело юного Дугласа. Сердце киммерийца сжалось от дурных предчувствий. Как он мог не уловить странностей, сопровождающих молодого графа на пути! Дуглас жаловался ему на свои любовные неудачи, однако Конан счел все эти разговоры обычным мальчишеским нытьем. Подумаешь — женщины его не любят! Все приходит со временем, с опытом. Какой красотке охота возиться с неумелым юнцом, который даже не знает, как доставить женщине удовольствие? Не всякая предпочтет выбрать для себя роль «мамочки», большинству хочется получить от партнера наслаждение в обмен на те радости, что дарят любовные объятия.

Следовало быть более внимательным. Конан готов был проклясть себя за глупость.

Наконец он очутился возле тела и склонился над ним. И едва сдержал крик облегчения. Перед киммерийцем лежал не граф Дуглас — это была какая-то незнакомая женщина, не слиш-

ком молодая и прямо скажем не красивая. Конан наклонился и коснулся рукой ее шеи. Он ощутил влагу и когда поднес ладонь к глазам, увидел кровь. Женщина была мертва. Кто-то нанес ей глубокую рану в затылок.

— Кром! — прошептал Конан. — Здесь орудует какой-то демон...

Он быстро вышел наружу, оставив женщину лежать там, где она была. Незачем поднимать панику раньше времени. Сперва следует отыскать графа Дугласа. Вероятно, им нужно уезжать отсюда как можно скорее.

Конан побежал назад, на сеновал, чтобы предупредить свою подружку. Он снова пересек двор, стараясь держаться в тени, чтобы его не заметили случайные наблюдатели.

На сеновале было тихо. Конан огляделся по сторонам. Никого и ничего. Ни девушки, ни припасов. Киммериец несколько раз прошел взад и вперед, пока наконец под горой сена не наткнулся на тело — еще теплое.

Он вытащил труп наверх. Девушка была мертва и на ее шее сзади имелась точно такая же глубокая рана.

Конан до крови закусил губу. В чем провинилось перед богами это юное существо, готовое дарить любовь и радость мужчине? Он почти не знал ее, но понимал, какой простодушной и милой она была. Им предстояло провести отличную ночь, угощаясь между любовными ласками и засыпая на короткий срок, чтобы, проснувшись

вшись, вновь предаваться любви... И ничего этого никогда не случится. Девушка мертва.

Конан спустился вниз, в общий зал, откуда давно ушли все посетители. Дугласа там тоже не было. Вероятнее всего, он просто спит у себя в комнате. Один.

Конан нашел комнатушку, которую юный граф снял для себя. Тронул дверь — та оказалась не запертой. Заглянул внутрь. Дуглас лежал на тюфяке и крепко спал. Лунный свет лежал на его лице, в углах рта затаились тени. Спящий юноша, похожий на мраморное надгробие, был исключительно красив.

Конан покачал головой. Странно, что он не пользуется симпатией женщин.

Внезапно одна мысль пришла киммерийцу в голову. Там, в конюшне, Конан почему-то не сомневался в том, что убили именно юного Дугласа. Почему? С чего он взял?

Почему он вообще связывал в своих мыслях ту женщину и Дугласа?

Ответ пришел в тот же миг. В комнате, где спал граф, стоял совершенно особенный запах — запах помадки, которой Дуглас смазывал свои светлые волосы, когда укладывал их волнами надо лбом и вокруг щек. И именно такой аромат задержался в конюшне — чуткое обоняние варвара уловило его даже сквозь резкий запах лошадиного пота.

Дуглас был в конюшне! Он находился поблизости, когда произошло несчастье. Вероятно, ви-

дел убийцу. Или — Конан не исключал такой возможности, — сам являлся этим убийцей.

Он еще раз посмотрел на лицо спящего и покачал головой. Убийца? Слишком уж безмятежно он спит. Человек не может просто так убить двух беззащитных женщин. И где та длинная игла, которую он вонзил им в затылок?

Как бы там ни было, а разбудить Дугласа следуют. И Конан потряс его за плечо:

— Проснись! Дуглас, случилась беда, проснись!

Граф открыл глаза и улыбнулся, встретившись взглядом со своим телохранителем.

— Уже утро? Мы уезжаем?

— Еще ночь, Дуглас. В таверне убили двух женщин.

Дуглас рывком сел на тюфяке, потер лицо руками и глубоко вздохнул.

— Давно их убили? — спросил он.

Конан удивился этому вопросу. Добро бы он еще поинтересовался — кто эти женщины и почему киммериец разбудил своего спутника подобным известием... Но — «давно ли их убили»?

— Когда я нашел вторую жертву, она была еще теплой, — сказал Конан.

— Ты полагаешь, нам лучше уехать отсюда немедленно? — спросил Дуглас.

— Я полагаю, нам лучше не спать, когда кругом творятся такие дела. Может быть, и впрямь стоило бы уехать, да только тогда нас сочтут причастными к преступлению и устроят пого-

ню, — сказал киммериец. — Возьми оружие. Спустился вниз и будем ждать развития событий.

Оба молодых человека взяли мечи и выбрались в общий зал. Там по-прежнему было тихо. Странно, что никто не услышал криков первой жертвы, подумал Конан. Однако он тотчас одернул себя. Вероятно, те, чей слух потревожили эти вопли, предположили, будто женщина кричит от удовольствия. К тому же она почти сразу замолчала.

Ночь миновала незаметно. Рассвет не принес с собой никаких новостей. Вскоре проснулись стряпуха и хозяин таверны, оба начали ходить взад-вперед. Стряпуха сразу скрылась в кухне, а хозяин бросился к молодым людям:

— Почему вы оставили комнату? Вас не устроила постель? Может быть, вас тревожили насекомые? Клянусь, я слежу за тем, чтобы тюфяки проветривали и окуривали дымом...

Дуглас молча смотрел на свои руки, явно не желая поднимать глаз или вступать в разговоры, а Конан сказал:

— Сядь, почтенный. Ты не слышал ночью никаких воплей?

Хозяин уселся, озадаченный.

— Иногда случается, люди кричат, но если они не зовут на помощь, я предпочитаю не обращать на это внимания. Иные очень сердятся, если им помешать. Вы понимаете, что я имею в виду...

Да, все обстояло именно так, как предполагал Конан. Крик несчастной женщины никого здесь не смущил.

— У тебя в конюшне убитая женщина, а на сеновале — вторая, — объявил он хозяину без обиняков. — И тот, кто это сделал, убил их очень странным способом. А главное — непонятно зачем. Разве что он получает таким образом удовольствие...

Затем киммериец выложил на стол кошелек с дюжиной серебряных монет.

— Мы уезжаем немедленно. Не говори, что мы скрылись и ничего тебе не рассказали. Вот плата за постой и за вчерашний ужин. Мы направляемся дальше на север, к горам. Если я тебе понадоблюсь, ты сумеешь меня найти.

Хозяин взял деньги и с подавленным видом уставился на киммерийца.

— Что же мне делать? — проговорил он растерянно. — Если то, что ты рассказал мне сейчас, — правда, то Бааван вновь выползла из своей берлоги и начала охоту на живую кровь!

Дуглас встал и направился к выходу. Конан мельком проводил его глазами, а затем повернулся к хозяину.

— Расскажи об этой Бааван, — велел он. — Вероятно, нам еще предстоит встретить эту тварь.

— Она — самая жуткая и кровожадная гадина, какую только исторгала из себя преисподняя, — понизив голос, ответил хозяин. — Предания о ней ходили в здешних краях много веков, но их считали обычными сказками. Рассказнями, которыми пугают детей и забавляют девиц долгими зимними вечерами. Никто не верил всерьез

в то, что Бааван может рано или поздно объявиться во плоти.

И вдруг это произошло. Не так далеко отсюда, в соседней деревне, жили двое крестьян, муж и жена, оба немолодые. Они были не из местных. Говорят, прибыли сюда из долины той же дорогой, которой пришли и вы с тем молодым господином, — хозяин махнул рукой в сторону лестницы, по которой поднялся Дуглас. — Никто толком ничего о них не знал. Просто муж и жена, без детей. У них было много денег. Они купили себе дом и землю и начали хозяйничать. Соседи их недолюбливали, но этому не следует придавать слишком много значения. Как ты знаешь, люди вообще недолюбливают чужаков, даже если эти чужаки и прибыли всего-навсего из соседней долины. Завистники у них тоже водились, этого не отнимешь, но, опять-таки, завидовать чужому благосостоянию — одно, а убивать того, кому позавидовал, — совершенно другое...

— Так тех двоих убили? — спросил Конан.

Хозяин кивнул.

— Это случилось года через два после того, как они приехали. Никто ничего не видел. Просто в один прекрасный день обоих обнаружили мертвыми.

— Глубокая рана на затылке, нанесенная длинной иглой? — быстро спросил Конан.

Хозяин с печальным видом кивнул.

— Именно так. И тогда возобновились разговоры о Бааван. Это ее излюбленный способ убивать. Так повествовалось во всех легендах о ней.

Люди боялись выходить из домов с наступлением темноты. Запирали на засовы ворота, закладывали ставни. Сидели, спрятавшись за стенами своих домов, и дрожали. Но время шло и, как ты понимаешь, людям надоело бояться. Тем более что убийства больше не повторялись. Бааван не возвращалась.

Постепенно мы поверили в то, что она ушла — или впала в спячку, как считали некоторые. Конечно, мы понимали, что она может опять пробудиться и вновь напасть на кого-то из нас, но так уж устроен человек: в одних случаях трусливый, в других он безрассуден и предпочитает не обращать внимания на возможную опасность.

— Ты прав, — кивнул Конан. — Полагаю, мне следует быть более осмотрительным.

— Берегись, — предупредил хозяин, — ты направляешься как раз в сторону той деревни, где Бааван объявилась впервые.

— Пóверь мне, я буду очень внимателен ко всему, что встречу на пути подозрительного, — заверил его Конан. — Если мне удастся напасть на след Бааван, я уничтожу чудовище и привезу сюда его голову, чтобы избавить здешних жителей от страха. К тому же у меня имеются собственные причины отомстить этой гадине, ведь она зарезала ту славную девчонку, с которой я хотел провести ночь!

* * *

Молодой Дуглас заставил Конана несколько раз повторить рассказ о Бааван.

И с каждым разом юный граф делался все более мрачным.

— У меня складывается такое ощущение, будто кое-что из рассказанного тобой я нынче ночью видел во сне, — признался он. — А некоторые вещи я и вовсе знал заранее — прежде, чем ты о них заговорил. Я не могу вспомнить, кто и когда рассказывал мне о них. Просто я знал их всегда — и никому этого не открывал.

Конан кивнул.

— Такое случается.

— Помнишь, я говорил тебе о том, что не могу больше сидеть взаперти в отцовском замке? — продолжал Дуглас. — Какая-то сила звала меня выйти наружу и увидеть великий мир. Но чем дальше я путешествую, тем более тесным кажется мне мир, который нас окружает. Как будто все предопределено здесь заранее. Как будто кем-то уже решено, что я не увижу ничего, кроме этих равнин и долин, кроме тех гор, что начинают подниматься на горизонте... А те волшебные страны, где живут черные люди, а сочная зелень растений сплетается в воздухе и цветы вырастают размером с большие блюда, — тех стран не существует вовсе...

— Они существуют и, если ты не будешь малодушничать, Дуглас, ты увидишь их, — заверил своего спутника Конан.

Однако Дуглас лишь безнадежно качал головой.

— Для меня нет никакой надежды. Я обречен ходить по короткой дороге, которую протоптали для меня другие...

— Вероятно, поэтому тебя и не любят женщины, — заявил Конан. — Какой охота проводить время с мужчиной, который только и делает, что жалуется на судьбу! Будь ты хромым и горбатым, больным или бедным, тебя еще можно было бы понять. Но ты — молодой красавец, ты знатен, у тебя богатый отец, рано или поздно ты сам сделаешься хозяином великолепного замка. Твое настроение попросту оскорбительно для тех, у кого нет и малой толики твоей удачи!

— В том-то и дело, что нет у меня никакой удачи! — воскликнул Дуглас и с отчаянием ударили себя кулаком по бедру. — Я не в силах объяснить этого даже тебе. Какое-то темное несчастье окутывает мою судьбу. Если бы я мог разрушить чары...

— Только не говори мне, что ты заколдован, — сказал Конан, которого неожиданно стали нервировать эти мутные намеки.

— Нет, это не колдовство... Я унаследовал мою судьбу вместе с кровью. Я ведь так и не узнал от отца, кем была моя мать!

— Неужели? Но как такое возможно? — Конан удивленно уставился на своего спутника.

Дуглас пожал плечами.

— В детстве многие вещи воспринимаются как должное. Если отец ничего не рассказывает о матери, стало быть, это правильно. Если тебя с самых ранних лет мучают кошмары — стало быть, такое бывает со всеми и нужно просто потерпеть, подождать, пока сон станет более спокойным... Я ведь только недавно вышел из воз-

растя, когда не задают вопросов. И так и не успел добиться, чтобы мне ответили на все, что меня интересует. Отчасти поэтому я и уехал.

Конан отметил про себя любопытную деталь. Юноша постоянно пытался найти объяснение своему стремлению покинуть отцовский замок. Как будто одного только желания повидать мир и поучаствовать в каком-нибудь приключении было недостаточно.

* * *

День за днем путники продвигались все ближе к горам. Торопиться им было некуда, считал Конан. Имело смысл внимательно осматриваться по сторонам и прислушиваться к разговорам местных крестьян и пастухов.

Признаков близости Бааван больше они не встречали. Кем бы ни было это чудовище, оно вновь затаилось. Конан начал уже не без разочарования думать о том, что оно может и вовсе не высунуться больше из норы, а это уничтожало всякую надежду обнаружить монстра и убить его.

Однако память о злодеяниях чудовища жила среди местного люда. И чем дальше на север продвигались двое путников, тем чаще слышали они о всяких чудесных и жутких тварях, обитающих по соседству с людьми. По мнению некоторых добросердечных и словоохотливых хозяек, все холмы и озера были здесь густо заселены волшебным народцем. Конан с молодым Дугла-

сом узнали множество историй о русалках и ведьмах, о лесной деве и карликах, что прячутся под опавшей листвой.

Ни Дуглас, ни Конан не задавали вопросов. Об этом они условились вскоре после того, как побывали в деревне, где почти двадцать лет назад погибли первые жертвы Бааван, пожилые супруги-крестьяне. Путешественники увидели пустырь, густо заросший сорной травой и колючим кустарником: дом погибших никто не решался ни купить, ни занять; оттуда даже не взяли вещей или строительного материала, и постепенно, с годами, все разрушилось и ушло под землю.

Вид этой бесплодной, угрюмой пустоты произвел на Дугласа поразительное впечатление. Юноша замкнулся в себе и молчал несколько дней. Казалось, он не в силах проронить ни слова. Конан не тормошил его, не заставлял выскакиваться. Такие вещи, как по собственному опыту знал киммериец, должны пройти у человека сами собой. И как правило так оно и происходит.

— Мы не будем наталкивать окружающих на мысль о Бааван, — предложил Конан, когда Дуглас наконец пришел в себя после увиденного на постоялом дворе, где погибли женщины, и в деревне. — Насколько я знаю простолюдинов, при виде господ, у которых в кошельке позвякивают монеты, эти милые поселяне готовы сообщить им что угодно, лишь бы разжиться денежкой. Спросишь их про Бааван — они, даже если в

жизни своей о таком чудище не слышали, — тотчас начнут рассказывать о Бааван, да еще со всякими подробностями! В изобретательности деревенским краснобаям не откажешь.

— А ты дурного мнения о крестьянах, — заметил Дуглас.

Конан поморщился.

— Конечно, я не так их презираю, как это делают кочевники, — сообщил киммериец. — А мне доводилось жить и среди кочевников, так что я знаю, о чем говорю. Для кочевых воинов оседлые крестьяне — это просто мясо, нечто вроде скота, который можно безнаказанно резать, если в том возникает надобность. Я — бродяга. Я для них иной раз — дикий зверь, на которого они устраивают охоту, а иной раз — напротив, легкая пожива, глупый господин с деньгами в поясе. Забавно смотреть, как они пытаются надуть меня и выманить у меня деньги!

— Но почему ты их презираешь? — настойчиво повторил Дуглас.

Конан задумался, а потом беспечно махнул рукой.

— Полагаю, из тебя со временем получится отличный господин для этих людей, — сказал киммериец. — Ни один землевладелец не презирает своих крестьян, потому что сделан из сходного теста. Я — другое дело, я никогда не буду так трястись за свою собственность, как это делают они. Для крестьянина наивысшей ценностью является его родимая корова, а для меня — моя свобода.

Дуглас медленно, задумчиво кивнул. Казалось, он еще не до конца решил, к какому из двух типов людей ему принадлежать.

Настроение молодого графа с каждым днем делалось все печальнее. Горы показались уже впереди, лиловая дымка застилала их, суровые их очертания постепенно заслоняли горизонт. Настал наконец день, когда Конан и его юный спутник очутился у самого их подножия. Со стесненным сердцем глядел Дуглас на каменные твердыни. Какое-то жуткое предчувствие зародилось и росло в его сердце, и юному графу стоило немало усилий отгонять скверные мысли и не показывать их Конану.

Конан же от души радовался. Он вырос в горах и разреженный воздух, которым наполнялись его легкие, был для него родным.

Люди, которых встречали теперь путешественники, выглядели иначе, нежели те, что обитали на равнине. Местные жители могли показаться совершенно нищими. Их крошечные хижины, сложенные из естественного булыжника и крытые хворостом и соломой, топились по-чernому. Скот — черноногие козы с тощим вымением и лохматые коренастые лошадки — пасся на склонах гор под вечной угрозой нападения голодных волков, и пастухи были людьми угрюмыми, сильными и всегда держались начеку.

Тем не менее ни одной жалобы на судьбу путешественники здесь не услышали. Для Конана в этом не было ничего удивительного. Горцы чрезвычайно ценили свободу, а то обстоятельство, что

они были очень бедны, делало их нежелательным объектом для возможного захватчика. Кроме того, все носили здесь оружие: и мужчины, и женщины, и даже дети. А вооруженный человек, как знал по себе Конан, всегда чувствует себя гораздо лучше, нежели безоружный.

Скоро закончились поселения, и перед путешественниками раскрылись безлюдные горные склоны.

— Может быть, остановимся? — предложил Конан.

Дуглас покачал головой.

— Нет, я не увидел еще всего, ради чего пустился в этот путь...

— Ты имеешь в виду Бааван? — спросил Конан. Юноша кивнул.

— Если я стану господином этих людей, мне лучше прикончить чудовище, которое их убивает. Это свяжет нас — они будут повиноваться мне с радостью, как повинуются сейчас моему отцу.

— Не смею возражать тебе, — сказал Конан. — Ты совершенно прав. Позволь мне немногого помочь тебе!

— Я должен сделать это один, — возразил юноша.

— Если ты погибнешь, от тебя немного будет толку для твоих будущих подданных, — указал ему Конан.

— Но если я не сумею одолеть монстра в одиночку, то я не буду им нужен, ни живой, ни мертвый, — твердо проговорил юноша.

Они проехали еще некоторое время в молчании, а затем Конан указал рукой на темное пятно, появившееся на склоне, среди редколесья:

— Мне кажется, я вижу там хижину. Заночуем в ней. Негоже оставаться под открытым небом — ночью может пойти дождь.

Дуглас передернул плечом, как бы желая сказать, что находит постыдным опасаться какого-то там дождя, однако возражать Конану не стал, и вскоре они действительно приблизились к бедной хижине. Хозяин ее был дома — им оказался пастух такой жалкой наружности, что впопыхах заплакать: он был низкорослым, с нависшими над глазами густыми бровями, со спутанными жесткими, как конская грива, черными волосами. Ноги его были чрезмерно коротки и кривы, руки — напротив, длинны и мускулисты. Дуглас никогда не видел людей столь отталкивающих.

Тем не менее пастух проявил гостеприимство и после нескольких минут разговора стало очевидно, что нрав его совершенно не соответствует внешности. Это был добрый и умный человек. Он предложил молодым путешественникам разделить с ним трапезу, состоявшую из кислого молока и жесткого хлеба прошлогодней выпечки (в здешних краях умели хранить хлеб по полгода: он становился твердым, как камень, и перед едой его размачивали в молоке или в воде).

Отдавая должное этой скучной трапезе, Конан заговорил с пастухом о его житъе.

— Отчего ты устроился здесь один?

— Моя работа — пасти стадо, — отвечал пас-

тух. — Но не круглый год, а только летом. Зимой наш хозяин предпочитает отгонять своих овец на другие пастбища, по ту сторону гор, где нет снега.

— Как же ты живешь здесь без людей? — удивился Дуглас.

Пастух прищурился.

— Мне не слишком-то весело бывает с людьми. Сами видите, молодые господа, до чего я уродлив. Мальчишки бросаются в меня камнями, женщины отворачиваются или закрывают лица фартуками, а молодые ребята, вроде вас, свистят мне вслед. Нет уж, наедине с ветром да этими камнями мне веселее. Кроме того, я занимаюсь одним интересным и опасным делом...

Он понизил голос и проговорил так, словно намеревался напугать малых детей, что пришли послушать страшную сказку в темном сарае:

— Я высматриваю Бааван!

— Ты уверен в том, что она существует?

— Нет никаких сомнений! — твердо ответил пастух. — Мне даже доводилось несколько раз видеть ее, правда, издалека.

— Как она выглядит? — взволнованно спросил Дуглас.

— Похожа на старуху с растрепанными волосами, но... что-то в ней есть нечеловеческое, жуткое. Силюэт вроде бы как у старой женщины с жилистыми руками и квадратными плечами, а вот двигается она совершенно по-кошачьи. Влизи-то я ее не видел, благодарю покорно.

— Ты догадался, как она убивает свои жертвы? — этот вопрос задал Конан.

Пастух, сильно двигая челюстями, прожевал свой кусок черствого хлеба, а после медленно покачал головой.

— Говорю же, видел ее пару раз издали... Да и убивала она, по слухам, очень давно.

— Нет, злодеяние повторилось...

И Конан рассказал пастуху о том, что случилось на постоялом дворе. Тот слушал с возрастающим удивлением.

— Неужели она забирается так далеко? Не могу поверить! Все, что я успел о ней узнать, говорит о том, что она избегает появляться там, где много народа. Она предпочитает нападать на одиночек. Завлекает путников или подбирается к тем, кто живет на отшибе...

— И все-таки это произошло, — настаивал Конан.

— Возможно, существует несколько Бааван, — сказал пастух и тяжко задумался.

Наутро путники вновь отправились в дорогу. Пастух проводил их до еле различимой козьей тропы и еще раз повторил свое предупреждение:

— Будьте очень внимательны: если Бааван напала на людей на постоялом дворе, то тем более она не остановится, завидев путешественников поблизости от своего логова.

— Благодарю тебя, — от души произнес Конан.

Дуглас кивнул с немного рассеянным видом.

Огромный черный ворон, невесть откуда взявшийся, опустился на можжевеловый куст и

громко закаркал, как будто насмехаясь над молодыми людьми. Тень недоброго предчувствия вновь, уже в который раз, омрачила сердце Дугласа, а Конан рявкнул: «Кром!» и метнулся в ворону камушек, подобранный на тропе. Птица тяжело поднялась и отлетела на несколько шагов, однако ее хриплый голос преследовал их еще долгое время.

* * *

От хижины пастуха тропа некоторое время вела вверх, а затем начала опускаться и вывела путников в узкую долину, зажатую между двух изъеденных ветрами и непогодой скал. Солнечные лучи почти не достигали ее дна, она была сумрачной и прохладной, точно погреб. По самому дну долины бежал быстрый горный ручей. Вода бурлила на перекатах и громко пела. Вдоль потока вилась тропинка, каменистая, но довольно ровная.

Дуглас ехал, опустив голову и внимательно прислушиваясь к цоканию копыт своего коня по камням — он точно хотел услышать некое пророчество в этом звуке.

Расставшись с пастухом, юноша все время думал о Бааван. Впервые жуткое чудище обрело в его мыслях какой-то более-менее определенный образ. Растрепанная старуха, угловатая, но передвигающаяся по земле с кошачьей грацией... И где-то здесь поблизости — ее логово, место, где она отдыхает прежде чем выйти на свою жуткую охоту.

Конан тоже прислушивался, но по другой причине. Он не был так уж впечатлен рассказом доброго пастуха. Каким бы жутким ни был монстр, на всякого найдется управа. Добрый меч никогда не подводил киммерийца, и Конан не видел повода сомневаться в этом и теперь.

Нет, если что и тревожило Конана, так это тишина. Ничего, кроме шума бурлящей воды, не нарушало безмолвия долины. Ни птицы, ни другой живой твари здесь не водилось, и даже ветер смолкал, когда по ошибке залетал сюда. Нехорошее место. Следует больше доверять инстинктам, а сейчас варварские инстинкты Конана просто вопили о приближающейся опасности. Бааван могла выскочить перед ними в любой момент.

Неожиданно он услышал, как хлопают крылья большой птицы, и увидел над головой ворона. Безмолвно ворон пролетел над путниками, заложил круг и исчез за горами. Конан невольно улыбнулся. Пожалуй, он слишком поддался первому впечатлению! Одна-единственная птица сумела разрушить наваждение, которое охватило киммерийца в «мертвой» долине, как он назвал про себя безмолвное место, где оказались они с Дугласом.

Дорога вилась и вилась, повторяя все капризные изгибы ручейка, а затем вдруг сделала круговой поворот — и за поворотом путники увидели девушку в ярко-зеленом платье.

Она была очень молода и исключительно хороша собой. Пышные волосы падали на ее плечи.

чи, широко расставленные глаза смотрели ясно и весело. Но самым удивительным в ее облике показалась Конану одежда незнакомки. Немыслимым выглядело здесь это платье, пышное, из дорогой зеленой ткани, расшитое богатыми золотыми цветами и алыми побегами. Ни единого пятнышка грязи не было на нем. Создавалось впечатление, будто девушка находилась не в горах, далеко от человеческого жилья, а где-нибудь в графском замке, где за ее туалетом следит целая армия служанок.

Дуглас застыл перед нею, очарованный. Он не сводил с незнакомки глаз, румянец то выступал на бледных щеках юноши, то пропадал бесследно. Глаза его горели — он буквально пожирал красавицу взглядом.

Она чуть улыбнулась ему, лукаво и ласково. Ни одна женщина никогда не смотрела так на Дугласа — все они сторонились его, как будто видели в нем некий тайный изъян, непостижимый для самого молодого графа. А эта незнакомка сразу же приняла его — и сразу дала ему понять, что он для нее желанен.

Конан внимательно наблюдал за обоими. Несколько раз ему удавалось перехватить взгляд девушки в зелёном, и с каждым разом эта единственная красавица нравилась ему все меньше. Глаза ее были холодны, а в глубине зрачков Конан явственно различал угрозу. Она не хотела, чтобы при ее свидании с Дугласом присутствовал посторонний. Она явилась сюда именно за молодым графом.

Но Конан уперся и дал себе слово никуда не уходить, покуда он не выяснит, кто эта незнакомка и каковы ее цели.

— Здравствуй, доблестный воин! — проговорила красавица, обращаясь к Дугласу.

Молодой человек немедленно залился краской.

— Я не могу еще назвать себя воином, тем более — доблестным, — пробормотал он. — Мое имя Дуглас, я графский сын и путешествую по здешним горам, чтобы повидать мир, которым мне когда-нибудь предстоит править...

— Рада это слышать, потому что когда-нибудь я сделаюсь твоей подданной, — сказала девушка. — Меня зовут Мерлина — мой дом находится здесь неподалеку...

Она снова метнула взгляд в сторону Конана и чуть изогнула брови, как бы желая сказать ему: «Ты хотел знать, почему моя одежда выглядит столь безупречно? Ну так знай: я живу поблизости отсюда — вот тебе достойное объяснение...». И этот взгляд как ничто другое дал Конану понять, что девушка лжет.

— Мои предки — из древнего рода пиктов, которые некогда перебрались сюда и обосновались на склонах здешних гор, — продолжала девушка. — Впрочем, я унаследовала от них только клочок земли, на котором стоит наш дом. Это очень старый дом, огромный, точно дворец, и выстроен он из бревен, насквозь пропитанных смолой. Такие бревна не разрушаются ни за сто, ни за триста, ни за пятьсот лет, — а согласно семейному преданию, наш дом был возведен на

этой земле семьсот лет назад. За столетия в нем накопилось немало богатств.

— Чем же ты занимаешься в этой глухи, Мерлина? — спросил Дуглас.

— В моем доме всего довольно — я по целым дням брожу из комнаты в комнату и рассматриваю мои драгоценности, — ответила Мерлина.

«Странный способ проводить время, — подумал Конан. — Бродить из комнаты в комнату и рассматривать всякие блестящие безделушки! Интересно однако бы узнать, что она кушает, эта изысканная дама? Вряд ли она питается одними только впечатлениями от собственного барахла, которое досталось ей от предков-пиктов!»

Если образ жизни Мерлины и показался Конану странным, то еще более удивительным стала реакция на услышанное Дугласа. Юный граф ничуть не удивился, когда Мерлина объявила о любимом своем времяпрепровождении.

— Я тоже предпочитаю безмолвие и созерцание, — подхватил он с каким-то лихорадочным восторгом. — Мне кажется, я ощущаю родство наших душ, Мерлина! Как бы я хотел увидеть твой дом и прикоснуться к вещам, которые тебе дороги!

— Это наилучший способ познакомиться ближе, не так ли? — улыбнулась ему Мерлина.

А Конан спросил напрямую:

— У тебя есть родня, красавица?

— Хочешь знать, есть ли у меня братья, которые снимут с тебя шкуру, если ты решишь меня обидеть? — Мерлина метнула в него очередной

злой взгляд. — Нет, таких братьев у меня нет. Но я рассчитываю на благородство мужчин, с которыми свела меня судьба сегодня...

— Ты права! — пылко объявил Дуглас. — Ни один волос не упадет с твоей головы, Мерлина, так что можешь не опасаться...

— О, я ничего не опасаюсь! — сказала девушка с очаровательной улыбкой. — Напротив, пусть мои враги опасаются меня.

— У тебя есть враги? — Дуглас насторожился.

— Как и у всех.

— Назови их имена, — попросил юный граф.

Она замялась. Пока она молчала, Конан вмешался в разговор:

— Кто тебя кормит, прекрасная Мерлина?

Вопрос прозвучал неожиданно — и совершенно неуместно: он как будто нарочно разрушал атмосферу рыцарского романа, в которую Мерлина погрузила Дугласа.

— Я достаточно самостоятельна для того, чтобы есть без посторонней помощи, — сказала начальник Мерлина,

Конан наморщил нос.

— Не притворяйся дурочкой, милая. Я хочу знать, есть ли у тебя крестьяне, которые на тебя работают.

— Вообще-то... Я не хотела говорить об этом, но раз уж ты настаиваешь... — Мерлина вздохнула. — Есть две семьи карликов, из тех, что обитают под опавшими листьями. Они исстари доставляли провизию нашей семье.

— Чем же они тебя радуют — плесенью? — продолжал расспросы Конан.

Дуглас вдруг понял, что ненавидит киммерийца с его назойливостью, ехидством и полным пренебрежением к хорошим манерам. Молодой граф хотел было наброситься на своего спутника, однако Мерлина остановила его легким движением руки.

— Я дам ответ тебе, недоверчивый воин, потому что понимаю, отчего ты беспокоишься. Должно быть, Дуглас — твой господин, и ты поручился головой за его безопасность?

— Дуглас мне не господин, хотя я действительно предпочел бы видеть его живым и невредимым, — проворчал Конан. Попытка Мерлины вывести киммерийца из себя провалилась.

Девушка сказала:

— Я предпочитаю лакомиться тем, что порождают грибницы, а кроме того мне приносят мелкую дичь и ягоды... Ты доволен ответом?

Конан пожал плечами неопределенно.

Дуглас сказал:

— Садись ко мне в седло, Мерлина. Я хочу поехать вместе с тобой в твой дом.

Конан тронул коня, но Дуглас повернулся в седле и сказал своему спутнику:

— Я не хочу, чтобы ты следовал за мной. Твоя служба у меня окончена, Конан. Ты больше мне не нужен. Я нашел то, что искал. Наконец-то я обрел то, ради чего покинул отцовский замок!

— Надеюсь, Дуглас, что когда-нибудь ты вернешься к отцу, — сказал Конан, не делая ни ма-

лейшей попытки возражать или преследовать Дугласа и его новую подругу.

* * *

Теперь Дуглас остался наедине с юной девушкой. Она странно волновала его — не так, как, случалось, будоражили молодую кровь хорошеные пылкие служанки. Нет, то было глубинное волнение, какое возникает только в тех случаях, если человек встречает свою истинную возлюбленную.

Дуглас понимал это. Он молчал, боясь малейшим неосторожным словом расплескать то огромное чувство, что переполняло его душу до краев.

Дорога все вилась и вилась по дну ущелья, и конца ей не было видно. Но Дугласа это не смущало. Он и не хотел, чтобы их путь заканчивался.

Мерлина вдруг сказала:

— Ты боишься Бааван?

— Наверное, — отозвался Дуглас, явно не думая о том, что говорит. — Меня она больше не занимает.

— Но ведь ты собирался убить ее! — настаивала девушка.

Дуглас не спросил, откуда она это знает. Вероятно, все молодые воины, появляющиеся в здешних краях, рано или поздно приходят к идее о необходимости убить Бааван. Так что же

удивительного в том, что подобное желание выказывает Дуглас?

— Я не знаю, хочу ли я ее убивать, — рассеянно ответил Дуглас. — Мне это сейчас стало безразлично. Если мне встретится чудовище, я, вероятно, вступлю в сражение с ним. Но рыскать по безлюдным горам и редким лесам в поисках приключений мне больше не хочется. Я предпочел бы заснуть в твоих объятиях, Мерлина, и никогда не просыпаться...

— Остановимся, — предложила она.

Они спешались и легли, обнявшись, на камни. Ручей пел оглушительно, в вышине пролетали далекие птицы и еле заметные облачка то и дело прикрывали солнце. Мерлина гладила Дугласа по лицу, что-то напевая. Затем она вдруг спросила:

— Ты любишь меня?

— Всем сердцем, — ответил он не задумываясь.

— Я могу взять тебя туда, где живут мои грибницы, — проговорила она. — Я кормлю их живыми людьми. Ты не должен бояться, потому что прежде чем ты умрешь, ты испытаешь величайшее наслаждение в своей жизни. Я буду ласкать тебя, и последние минуты покажутся тебе вечностью. Они и будут вечностью, а потом... Потом я буду питаться тобой, и ты станешь мною — ты войдешь в мою плоть, мы будем нераздельны...

Она говорила и говорила, а Дуглас засыпал, убаюканный ее ласками и тихим голосом. Очень медленно они проваливались под землю, и каме-

нистая почва готова была сомкнуться над их головами.

Дуглас засмеялся и провел кончиками пальцев по щеке Мерлины. Сквозь полуодрему он пробормотал одно женское имя — единственное женское имя, которое произносил с любовью:

— Азалия...

Внезапно что-то изменилось. Стало холодно, исчезли тепло и блаженная сонливость. Дуглас почувствовал, что лежит на сырых камнях, а по ущелью гуляет ветер.

Он подскочил. Мерлина рядом не было. Напротив него, на другом берегу мелкого ручья, сидела отвратительного вида старуха со свисающими космами спутанных волос. А издалека слышался стук копыт, который приближался с каждым мгновением.

Дуглас выпрямился и закричал:

— Конан! Сюда!

Киммериец показался из-за поворота. Солнечный луч сверкнул на его обнаженном мече.

Старуха вскочила на ноги и зашипела.

— Остановись! — хриплым вороным голосом прокричала она. — Остановись, киммериец, и выслушай меня, иначе ты никогда не узнаешь правды!

Конан замедлил бег своего коня, а затем и во все остановился, однако меча не опустил. Дуглас тяжело дыша поднялся на ноги.

— Она околдовала меня, — проговорил он чуть виновато.

— Не время разбираться, кто прав, а кто ошибся! — оборвал его Конан и вновь обратил

суро́вый взор синих глаз к старухе. — Кто ты та-
кая?

— Твой спутник назвал меня по имени — Азалия. Теперь я поняла, почему меня так влекло к нему: ведь он мой сын, — сказала женщина.

Дугласа охватила дрожь отвращения. Он отказывался верить в то, что ужасная ведьма — его родная мать. Та, по которой всю жизнь так горько убивался его отец. Та, чей портрет висит в замке, — та, из-за кого у Дугласа не было ни красивой веселой мачехи, ни кучи братьев и сестер...

— Этого не может быть! — вскрикнул молодой человек.

Старуха захохотала.

— Тем не менее, Дуглас Мак-Гроган, это именно так! Твой отец взял меня от моих приемных родителей. Никто не знал, кто произвел меня на свет. Мне пришлось уйти в эти горы, чтобы выяснить обстоятельства моего рождения. Ты хочешь услышать мою историю, сын?

Дуглас молчал. Крупные слезы катились по его лицу.

Старуха безжалостно продолжала:

— Бааван. Так называется наше племя. Мы за-
рождаемся под землей, в грибницах, и народы
карликов служат нам рабами. Наши дети форми-
руются почвой, плесенью и таинственными сила-
ми почвы. Когда настает срок явиться на свет но-
вому отпрыску, Бааван, карлики извлекают из
грибницы младенца, очень похожего на обычного
человеческого ребеночка, и подбрасывают его ка-
ким-нибудь бездетным супругам. До поры мы

очень красивы и мало отличаемся от людей, раз-
ве что особенной статью и благородством. Но с
наступлением зрелости мы начинаем приобретать
новые черты. Люди считают нас уродливыми.

Я не сразу поняла, кто я такая. Многие годы
я жила, думая, что я — человек. Большинство
Бааван уже в раннем детстве становятся злыми
и жестокими — с точки зрения людей, разумеет-
ся. Меня же испортило добре отношение моих
приемных родителей — и, главное, страстная
любовь моего мужа. И все-таки я начала превра-
щаться в одну из нашего племени.

Я стала дурнеть — так это выглядело в глазах
графа Мак-Грогана. Однажды во сне ко мне при-
шла истина. Я увидела в видении все: и грибни-
цу, которая меня породила, и карликов, которые
мне служили... Я поняла мое предназначение.

И сделала то, что должна сделать любая Баа-
ван, когда она вырастает и решает уйти от лю-
дей. Я должна была найти и убить моих прием-
ных родителей. Выпить их кровь. Это давало
мне силы.

Но те, кто вырастил меня, ушли из старой
деревни. Пришлось потратить немало времени
на то, чтобы их отыскать. У меня была длинная
игла, которую я вонзила им в затылок. Они
умерли легко, во сне. Таково было единственное
милосердие, которым я отплатила им за всю ту
любовь и заботу, что они дарили мне на протя-
жении многих лет.

Десять лет после убийства моих приемных
родителей я проспала в грибнице. Это были bla-

жennые годы! Я грезила и видела чудесные сны, и те, кто забредал в мои горы и срывал грибы, выросшие здесь, погружался в мир моих волшебных сновидений. Я побывала в таинственных и прекрасных местах, мне подчинялись духи и колдуны, я повелевала стихиями...

Не нашлось бы на земле такого чуда, которое не было бы в моей власти! Упоительные сны, ча-
рующие сны...

А затем я пробудилась и увидела, что вокруг меня — тьма, и грибница моя голодала. Я вышла наружу и отправилась на поиски пищи. Я убила несколько путников на дороге, это позво-
лило мне провести еще несколько времени в по-
кое и блаженном ничегонеделании.

Именно тогда, кажется, я начала думать о своем сыне. Довольно странно, что у меня рождался сын — как будто я была самой обыкно-
венной жёнщиной, из тех, что рожают столь не-
приятным и болезненным способом. Мы, Бааван, размножаемся иначе: мы зарождаемся сами
внутри нашей грибницы. А умираем мы тоже по-другому, не так, как люди: мы растворяемся в почве. Просто в один прекрасный момент старая Бааван не очнется от волшебной спячки и навсегда уйдет в свои сны, которые будут становиться все бледнее и бледнее, пока не исчезнут вовсе.

Но я родила сына так, как это делают люди. Вот что не давало мне покоя. Означает ли это, что я — не вполне Бааван? И каков мой сын? Что из моего наследия перешло к нему? Я дума-

ла о нем днем и ночью, я посыпала ему сновиде-
ния и мысли, и в конце концов мне удалось по-
звать его в дорогу.

Я готовилась встретить его. Я должна была быть сильной и потому я пробралась на тот по-
стоялый двор. Я заглянула в комнату Дугласа и прикоснулась к нему, к его волосам. Должно быть, я пропиталась его запахами...

Здесь Бааван остановилась и посмотрела пря-
мо в глаза Конана.

— Я недооценила тебя, варвар. Ты учゅял этот запах. Ведь я была там, в общей комнате таверны, когда ты велел Дугласу подняться с постели и сидеть в ожидании рассвета с оружием в руках... Я видела, как раздуваются твои ноздри. Ты знал, что с Мак-Гроганом происходит что-то не-
ладное!

— Да, — не стал отпираться Конан. — Но я не говорил ему ничего, потому что не был уверен. Точнее, я готов был поклясться в том, что Дуглас не убивал тех женщин!

— Запах тебя смущал, — с удовольствием по-
вторила Бааван.

— Ты знала, что я твой сын, и все же попыта-
лась соблазнить меня? — удивленно произнес Дуглас. Его мало беспокоило возможное обвине-
ние в убийстве. Все его помыслы были заняты матерью.

— Я хотела, чтобы ты вместе со мной ушел в грибницу, — объяснила Бааван. — Способ, кото-
рым я намеревалась добиться желаемого, безраз-
личен. Главное — чтобы мы были вместе. У нас,

у Бааван, нет пола. Мы едины, как едины все грибы, все листья на дереве. Твоей матерью мог стать любой корень из тех, что медленно шевеляться под толщей влажной почвы.

— Ты чудовище! — медленно выговорил Дуглас.

— Нет, я не чудовище — я лишь следую собственной природе, — сказала Бааван. — Раздели со мной мою участь, сын! Не отказывайся от меня!

— Я никогда не стану Бааван! — резко ответил Дуглас. — Уходи! Уйди под землю и больше не показывайся на поверхности, ибо клянусь — я сделаю все, чтобы уничтожить тебя.

— Ты не можешь ненавидеть собственную мать, — проговорила Бааван нерешительно.

Дуглас молча стиснул зубы. Конан поднял меч и ступил в ледяную воду потока.

Бааван закричала пронзительным, нестесимым для человеческого слуха голосом и взвилась в воздух. Конан отразил первый удар ее длинных когтей, в которых мелькала игла, больше похожая на узкий кинжал, — орудие, которым Бааван убивала свои жертвы.

Желая поразить чудище, Конан нанес сильный рубящий удар сбоку. Бааван легко увернулась и в свою очередь задела Конана когтями по плечу. Боли он не почувствовал, такими острыми оказались эти когти, однако кровь обильно потекла из разверстой раны. Бааван облизнулась длинным синеватым языком, и ноздри ее расширились: вид и запах теплой крови возбуждал ее.

Дуглас дрожал всем телом, наблюдая за этим жутким поединком. Он не мог не думать о том,

что монстр в развеивающихся серых тряпках, с мотающимися свалявшимися волосами, — чудище, кружившее в воздухе вокруг Конана, — та самая прекрасная Азалия, супруга графа Мак-Грогана, родная мать Дугласа.

Но вместе с тем юноша ощущал полную чуждость Бааван собственной природе. Дуглас понимал, что он — человек до мозга костей. Только человек. Не больше, но и не меньше.

Должно быть, любовь графа Мак-Грогана замедлила развитие Бааван. Та, которая родила своему мужу сына, была женщиной. Монстром она сделалась потом.

Конан снова нанес удар, на сей раз слева. Ему удалось зацепить бок Бааван, и она разразилась новыми воплями, высокими и невыносимо резкими, точно ножом водили по стеклу. Кровь из ее раны лилась густая, коричневая, с отвратительным запахом — так воняет болотная жижа.

Конан упал на землю. Бааван приготовилась к последнему решающему броску. Она понимала: если ей не удастся прикончить настырного киммерийца прямо сейчас, силы ее иссякнут — и тогда он, возможно, одолеет.

Варвар, похоже, был при последнем издохании. Что ж, тем лучше! С торжествующим криком она бросилась вниз, растопырив когти... и со всего маху налетела на выставленный вверх меч. Конан вскинул руку с мечом в самый последний момент.

Добрая холодная сталь пронзила Бааван насквозь и вышла из ее тела в области лопаток.

Поток грязной крови хлынул на Конана, обжигая его, точно кислота. Тяжелое тело Бааван рухнуло на киммерийца и прижало его к каменистой почве. Конан тщетно пытался выбраться. Умирающая Бааван содрогалась в корчах прямо на нем. Ее глаза вращались в орбитах, рот раскрывался в зевках, и Конана окатывало зловонным дыханием ее утробы. Длинные клыки, желтоватые, в комках зеленой слизи, пытались дотянуться до горла врага, но лишь слабо лязгали.

Дуглас бросился через ручей и с усилием откинул тело своей матери с поверженного киммерийца. Не произнеся ни слова, Конан перекатился по земле и упал в ручей. Ледяная вода смывала с него ядовитую кровь Бааван, студила разгоряченную кожу. Конан громко стонал и проклинал грязную ведьму, нимало не стесняясь тем, что поблизости находится ее сын.

Наконец киммериец выбрался на берег, встряхиваясь, точно крупная собака. Дуглас стоял над трупом своей матери и рассматривал ее.

— Какая она отвратительная, — прошептал он наконец. — Она похожа на старый гриб, если его раздавить.

— Весьма точное определение, — согласился Конан. — Но если ты меня послушаешься, то я дам тебе один добрый совет.

Дуглас вскинул на киммерийца взгляд.

— Как я могу не послушать твоего совета, Конан, если ты спас меня от участи, которая гораздо хуже смерти?

Конан усмехнулся.

— Многих людей доводилось мне спасать — и далеко не все из них даже снисходили до того, чтобы быть благодарными...

Дуглас изогнул брови — очень похоже на то, как делала это «девица Мерлина».

Конан сказал:

— В таком случае, запомни мои слова, молодой граф Мак-Гроган. Никогда не думай о своей матери как об этой гадкой, похожей на раздавленный гриб старухе. Она — Азалия, красавица, беззаботно любившая своего отца. Она любила его так, что предпочла уйти, скрываясь с его глаз прежде, чем с ней произойдут необратимые перемены, в которых бедная женщина не была виновата. Помни о ней лишь это. Красота и любовь. Все прочее не имеет к тебе никакого отношения.

Дуглас крепко сжал руку киммерийца.

— Я благодарен тебе, Конан, и твой совет сберегу у самого сердца!

* * *

Они закопали тело старухи в русле ручья, надеясь на то, что бегучая вода смоет ядовитые споры и не позволит им стать основанием новой грибницы.

Но где-то под землей сохранялась та древняя грибница, которая некогда истorgia из себя младенца, похожего на ребенка людей. И Конан решил, что непременно вернется и покончит со всем вредоносным родом Бааван.

Однако сперва ему требовалось доставить домой юного графа Дугласа. И спутники пустились в обратную дорогу.

Они, как и прежде, не спешили, и все-таки путь к дому оказался гораздо короче, нежели путь из дома. Это открытие радостно удивило Дугласа. Он утратил свою всегдашнюю меланхолию, как будто все случившееся совершенно исцелило его. И встречные женщины перестали от него отворачиваться, напротив — все они бросали ему веселые взгляды и провожали улыбками.

Граф Мак-Гроган не верил собственным глазам, когда ему доложили о возвращении сына. Дуглас вернулся совершенно другим человеком. Он больше не грезил о несбыточном, но радовался жизни и всему, что могли предложить ему великолепный замок и любящие поданные его отца.

Когда встретил своего друга-«верзилу» восторгами и плаксивыми излияниями: он все время порывался рассказать о том, как скверно с ним обходились без Конана и какие ужасные испытания пришлось претерпеть несчастному пустынному гному. Конан почти не слушал его: в мыслях он снова находился в горах. Он твердо намеревался вернуться, найти доброго пастуха и с ним вместе отыскать грибницу, чтобы выжечь ее. Сейчас новая затея занимала киммерийца куда больше, чем все остальное.

Гэлант, впрочем, проявил настойчивость в расспросах и добился своего: он вытянул из Конана множество подробностей касательно недав-

него путешествия и всего, что имело отношение к природе и обычаям Бааван. Для этого ему пришлось изрядно подпоить киммерийца, да и сам он выпил тоже немало. К финалу разговора языки у обоих заплетались, хотя головы оставались ясными и детали рассказа сходились между собой: и Конан, и Гэлант в этом отношении были профессионалами.

— В конце концов, — заключил Конан, когда длинное повествование о гибели Бааван было закончено, — разве не стоило отправиться в опасное путешествие и встретиться лицом к лицу с чудовищем, чтобы понять, что ты — всего лишь человек. Не меньше, но и не больше?

И Гэлант, усмехаясь, призвал слугу, чтобы записать эти слова в свою книгу.

— Я всегда говорил, Конан, что из тебя получился бы превосходный сказитель, — объявил Странник.

Киммериец поморщился.

— Во-первых, ты никогда этого не говорил, Гэлант, — сказал он, — а во-вторых, я предпочитаю зарабатывать себе на жизнь совершенно другим способом.

Чудовище Боссонских топей

сказал ему:

— Конан!

Это его так зовут — Конан. Он мой спутник с довольно давних времен. С тех самых пор, как я снизошел до дружбы с ним, а случилось это больше года назад, когда одно лишь мое вмешательство спасло его от мести яростных кочевников пустыни, которых он имел глупость разозлить. Впрочем, у него имелось на сей счет совершенно свое мнение, и здесь не место оспаривать все те глупости, которые он рассказывает об обстоятельствах нашей встречи.

Итак, я, существо высшего порядка, решился обратиться к нему с небольшим возвнанием и потому произнес как можно более убедительным тоном:

— Конан! Люди — создания грубые и толстокожие, им такая погода, может, и нипочем. Но лично я как существо высшего порядка выносить ее не в состоянии.

Разумеется, он отмолчался. Не снизошел до препирательств — что ж, он верзила и потому в своем праве. Тщательно скрывая обиду, я зарылся в свой плащ и надвинул капюшон на глаза. Если от дождя никак нельзя укрыться, то, по крайней мере, можно на него не смотреть.

А он все шел и шел себе. И я за ним плелся, непонятно зачем. Мне следовало бы остаться в замке графа Мак-Грогана, где ко мне относились с такой любовью и с таким необъятным пониманием. Но вот потащился вслед за ним. Возможно, потому, что взялся беречь этого человека. У нас не принято взять на себя ответственность за какую-нибудь слабую личность, вроде этого Конана, а потом бросить на произвол судьбы. У нас, у пустынных гномов, принято заботиться о друзьях до смерти. Жаль, конечно, что в моем случае это будет моя смерть, а не чья-нибудь еще, ну тут уж, как говорится, судьба. Я слишком горд, чтобы просить пощады.

Бесконечная тропинка липла к ногам, а по краям ее качалась высокая крапива, из которой высовывались всякие сучья и коряги. Над нами шумели деревья и завывал ветер.

Я сказал ему в спину, по возможности сдержанно:

— Я Пустынный Код. Я не люблю, когда сырь.

Время от времени приходится напоминать ему об этом, потому что таким, как Конан, любая погода нипочем. Им хоть душные джунгли, хоть заснеженные горы лишь бы кругом роились

демоны, из-под земли хватали мертвые руки, а в воздухе воняло опасностью. Вот тогда им жизнь, а все прочее рассматривается ими как медленное умирание.

Вообще-то он не урод. Не такой, во всяком случае, урод, как прочие люди. Взять хоть этого Дугласа Мак-Грогана, с которым он пускался в последнюю свою авантюру. Дуглас отвратительная белокожая образина с лысым лицом и белесыми патлами. У Конана хоть волосы черные. Ростом он крепко повыше меня, глаза у него хоть и маленькие по меркам пустынных гномов (у нас они на пол-лица, а у наиболее выдающихся красавцев на три четверти физиономии), но довольно выразительные. Запросто могут в дрожь вогнать, причем не только меня, но и некоторых людей тоже, я сам видел. Они у Конана ярко-сияние, холодные.

Скитаясь по жарким странам, он так загорел, что сделался смуглым, и все равно очевидна его принадлежность к белой расе. Но сам он ничего не имеет против других рас. Я, например, точно знаю, что среди чернокожих у него полно друзей. Он только пиктов ненавидит, но это потому, что он киммериец. Киммерийцам на роду написано ненавидеть пиктов. Без этого они считают себя неполноценными. Унаследованная от предков ненависть к пиктам для них так же естественна, как выкрики «Кром!» по любому поводу.

Кром — это их киммерийский бог. Не слишком приятный бог, прямо скажем, но хоть под ногами у людей не путается.

Его именем Конан и клянется, и призывает себе в помощь высшие силы (хотя на самом деле полагается лишь на одного себя), и даже ругается. Например: Кром! Опять ты, Кода, утащил куда-то мои сапоги! Я тебе сто раз говорил, что они несъедобные!

В тот день он был страшно злой. Пробормотал что-то насчет распустившейся нечисти, избавленной донельзя, и я сообразил, что он имеет в виду меня. Я очень обиделся и даже решился было заплакать, но он ведь шел впереди слез моих все равно бы не увидел.

Я Пустынный Кода, это нечто вроде гнома, если кому-то непонятно. Я обитаю в безводной пустыне и терпеть не могу сырости. А эти Боссонские топи, куда нас с ним занесло, представляют собой отвратительное мокре место, к тому же сплошь заросшее ядовитой крапивой выше человеческого роста. Людей здесь мало, потому что такие жуткие условия жизни даже людям не по зубам. Они отсюда постепенно уносят ноги. А те, что остаются, вырождаются и вымирают, в чем лично я не вижу ничего удивительного.

Я его попросил:

— Объясни, что мы тут делаем. Почему мы не отправимся куда-нибудь в хорошие края, где сухо и растут приятные деревья, а не эта ядовитая пакость?

Он сказал, что мы как раз направляемся в порт. В такое место, где можно найти корабль и отплыть в те самые милые моему сердцу горячие края.

Я повторил свой вопрос более внятно:

— Я хочу, чтобы мы шли туда, где тепло. А ты тащишь меня все дальше и дальше в закатные страны и при том уверяешь, будто мы приближаемся к цели. Но как мы можем приближаться к цели, если планомерно удаляемся от нее?

Он сказал, что я непроходимо глуп и что невозможно сесть на корабль, не добравшись до морского берега. Я обиделся и не разговаривал с ним довольно долго, чего он, кажется, не заметил по своему обыкновению.

Что мне оставалось делать? Если собрать несколько пустынных гномов, таких, чтобы они были в силах да еще и в хорошем настроении, то мы вполне можем поднять небольшой смерч. Устроить пустынную бурю, накидать песка, сдвинуть с места барханы. Однако один-единственный павший духом мокрый пустынный гном не в состоянии вызвать даже крохотного ветерка. Не говоря уж о том, что о песках приходилось только мечтать. Поэтому я молча ковылял за ним, как за путеводной звездой, если только бывают такие чумазые и неприятные путеводные звезды.

Я тихонько ныл, но он плевать на это хотел, я понимал это по его равнодушной спине. Холодный дождь поливал нас обоих с неиссякаемым упорством, деревья раскачивались в вышине.

Поперек скользкой глинистой тропинки лежали палки. Они так и норовили уцепить нас за ноги. Я несколько раз споткнулся и, наконец, полетел носом в грязь. Это было не столько бо-

льно, сколько обидно. Я даже не стал подниматься, так и остался лежать в луже, безмолвно глотая слезы.

А он, оказывается, слушал, как я шлепаю сзади, хотя и не подавал виду, потому что как только я упал, он сразу обернулся. Постоял, посмотрел со стороны, как я реву, потом понял, видно, что вставать я не собираюсь, и подсел рядом на корточки. Я уставился на него в надежде, что он все-таки возьмет меня на руки, и нос у меня задрожал от сильных переживаний.

Он погладил меня по голове и сказал:

— Бедняга. Даже уши посинели.

Тут я зарыдал уже в голос, и он, подумав, взвалил меня себе на шею. Я вцепился в него и сразу затих. Он потащил меня дальше. По его мнению, дороги на то и существуют, чтобы выводить куда-нибудь. А мне почему-то казалось, что здесь ни к чему хорошему эти дороги привести не могут.

Через полчаса деревья расступились, и показалась поляна. Здесь дорога обрывалась внезапно и окончательно, словно желая показать нам всем, что свое дело она сделала, а прочее ничуть ее не касается. Если кому-то охота топать дальше — пусть топает на свой страх и риск, а она, дорога, умывает руки. Или ноги. Что там умывают в таких случаях безответственные дороги?

Дальше начинался сплошной лес — грозный, шумный, неприступный. Несколько пустых домов безмолвно мокли под дождем. Когда-то здесь была деревня, но люди оставили ее лет пя-

тьдесят назад. Вероятно, их изгнало отсюда какое-нибудь чудовище. Или они сами превратились в чудовища и уползли в болота догнивать свой век. Я ничему бы не удивился.

Мы увидели несколько развалившихся каменных изгородей и заросли одичавшей малины. Ягод на ветках висело очень много, и все они раскисли от влаги. Малину я люблю, она сладкая, а среди нечиисти полно сладкоежек, и я не исключение. Но эту малину даже мне есть почему-то не захотелось. Конан же вообще не обратил на нее внимания. Он озирался по сторонам.

То, что деревня брошена, и брошена уже давно, становилось ясно с первого взгляда. Черные дома, стоявшие крыльцо к крыльцу в одну линию, начинали уходить в землю, хотя в целом они были на удивление крепкими и могли простоять здесь не один год. Ничего удивительного, если учесть, что бревна здесь пропитаны смолой — еще одна отвратительная особенность здешней природы: в таких лесах я начинаю задыхаться.

Только у одного из домов провалилась крыша, и из дыры торчали бревна. Жуткая картина. Когда ветер рвет шатры кочевников или под ураганами и дождями разметывает хижины из пальмовых листьев, зрелище все-таки не настолько кошмарное. Во всяком случае, нет ощущения, будто поблизости бродят неупокоенные духи. А здесь можно ожидать чего угодно. И мне ужасно не нравилось думать о том, что или кого мы можем повстречать.

Неожиданно я насторожился: мне показалось, будто я вижу, как в окне последнего из домов мелькнул тусклый свет. Я подергал Конана за волосы и, наклонившись, проговорил ему в ухо:

— Ты заметил?

Он сказал, что давно уже заметил — всяко раньше, чем я, — и намерен выяснить, что там такое происходит. Я-то полагал, что мы немедленно удалимся из этого нехорошего места, по дальше от возможных неприятностей, но спорить с Конаном на подобные темы очень сложно. Обычно он ужасно упрям.

Конан спустил меня на землю и поднялся по ступенькам на крыльцо. Я никогда не завидовал людям. Безрассудство у них в крови. Спрашивается, почему им до всего есть дело? К примеру этот самый последний дом в пустой деревне, где уже давным-давно никто не живет. С чего это здесь горит свет, если люди отсюда ушли? Я хоть и принадлежу к существам высшего порядка, но не до такой же степени, чтобы тягаться с вампирами и прочей дрянью, которая имеет привычку вить гнезда в подобных местах.

— Уйдем отсюда, — сказал я жалобно. — Не нарывайся на неприятности, Конан.

Он тут же постучал в дверь. Как бы в ответ на мое предостережение. Ему никто не ответил, и я было обрадовался.

— Нет здесь никого, — сказал я. — Видишь сам. Пошли отсюда.

Но он тихонько приоткрыл дверь, и на крыльцо тут же высунулся остроухий пес. Морда у

пса была исключительно веселая, и весь он был такой молодой и дурашливый. Конан позволил псу обнюхать свои руки, после чего животное совершенно растаяло и начало ластиться и подпрыгивать, норовя лизнуть его в физиономию. Я вытаращил на пса свои круглые глаза, чтобы проверить поймет ли неразумный зверь, с кем имеет дело. Пес что-то там понял. Во всяком случае, перестал скакать, рискуя уронить меня на пол и растоптать своими ужасными лапами. Он опустил хвост и уплелся в глубину дома. Конан вошел за ним.

Притолока была настолько низкой, что моему киммерийцу пришлось сильно нагнуть голову, чтобы не посадить себе шишку на лоб. Я шмыгнул следом, и мы оказались в просторных и совершенно темных сенях. На бревенчатых стенах угадывались разнообразные предметы сложного крестьянского обихода, а также большое количество пауков. Я их шкурой чувствую.

Конан остановился посреди помещения и громко поздоровался. Как мне показалось — наугад, потому что в первую минуту я никого не увидел. Масляный светильник стоял на окне, и от него было больше копоти и чада, чем настоящего света.

Затем мое зрение начало привыкать к полу-мраку, и я рассмотрел двоих, устроившихся на груде рваного тряпья в углу.

Во-первых, имелся бродяга, вроде нас. Шляются по всему миру такие вот неприкаянные личности, обвешанные оружием с головы до

ног, в поисках с кем бы подраться, кого бы пограбить.

Размеренный труд на земле или в какой-нибудь путевичной мастерской вызывает у них отвращение, и оно, в общем-то, вполне закономерно, если вдуматься: работаешь, работаешь, ковыряешься в земле, света белого не видишь, а потом явился такой вот искатель легкой поживы — и ограбил. Какой, спрашивается, смысл в честном труде? Лучше уж самому отправиться в странствия. Я так это понимаю.

Я попробовал прочитать его мысли, чтобы не тратить времени на выяснения, кто он такой да что здесь делает, но натолкнулся на преграду. Я успел услышать только обрывок, вроде «нелегкая принесла», после чего все мгновенно стихло. Перестать думать он не мог, такое никому не под силу. Значит, он почувствовал, как я залез к нему под черепушку, насторожился и принял меры.

Ай-ай-ай. Стало быть, не простой это искатель приключений, а с начинкой. Нечто вроде пирога: сверху подгоревшая корочка, а внутри сочное мясо. Тут вся хитрость в том, чтобы добиться до сути, не поддавшись на обман внешнего вида.

Я присмотрелся к бродяге повнимательнее. Бог он, что ли... С богами нам уже приходилось встречаться. И ничего, между прочим, одолели. Я давал Конану ценнейшие советы, и он поступал согласно моим рекомендациям, так что в конце концов все в наших отношениях с богами сложилось наилучшим образом.

И если я пойму, что за божество мы повстречали в заброшенном доме, и подберу к нему ключ, а Конан все сделает так, как я присоветую, то...

Да нет, этот тип не может быть богом. Больно уж гнусный вид у него. Скорее, какой-нибудь захудалый великан, потому что для порядочного великана ростом он явно не вышел. Великанов я, как нетрудно догадаться, очень не люблю: они слишком большие и как следствие — чересчур о себе мнят. А я хоть и крошка, с их точки зрения, но стою гораздо большего.

А во-вторых, там была девушка. Такой невинный стебелек, сероглазенький, с жалобным ротиком. Еще одна коварная видимость с начинкой. У нее, правда, мысли были самые обыденные — насчет ужина.

Вот с ними-то Конан и поздоровался. Меня, естественно, представить новым знакомцам забыл, так что мне пришлось позаботиться об этом самостоятельно.

Я вышел вперед и сказал:

— Я Пустынный Кода. Здесь очень сырь, я не привык. А это Конан. Он тоже мокрый, как собака. Он устал еще сильнее, потому что нес меня на руках. Хотя он привык. Он человек.

(Потом, кстати, оказалось, что из нас четырех в этой хибаре только один Конан и был человеком в полном смысле слова.)

Выслушав мою речь, девушка поднялась, наклонилась надо мной и ласково взяла за подбородок.

— Ух, какие глазищи, — проговорила она дуршливым тоном, обращаясь к своему приятелю. — Посмотри, Гrimnir. Ну разве он не прелест? Пустынный Кода! Никогда таких не встречала. Лапушка.

Честно говоря, я оскорбился. Да будь мы где-нибудь в Каше, Хоршемише или даже в Туране, любая девица при виде такого, как я, умчалась бы в ужасе куда глаза глядят и потом неделю ходила бы обвешанная колокольчиками, дабы отогнать мое зловредное влияние. А здесь — никакого почтения.

— Я Пустынный Кода, — прохрипел я своим самым низким, зловещим голосом. — Я насыщаю бедствия и ураганы, я источник зла и коварства...

Девица, улыбаясь, перевела взгляд на Конана, и я чуть не помер от злости, увидев, что и он улыбается с самым дурацким видом. А еще друг называется. Прошел со мной через столько испытаний — и вот, нате: насмеивается.

— Вы, наверное, голодны, — продолжала девушка. — Мы поделимся с вами хлебом и лепешками из лебеды. Очень вкусно, если горячие. Я сама пекла.

— Чей это дом? — поинтересовался Конан.

— Мой.

Девушка повернулась к окну и взяла с крышки узенького сундука, что невидимо притулился возле окна, две треснувших глиняных кружки. Одну из них совершенно явно лепил пьяный гончар, такой кривобокой и пузатой она была; вторая же оказалась тощей, а щербинки на ее

краях торчали, точно оскаленные зубы. Ядовито-зеленая ящерица, пробужденная от дремы, шмыгнула с сундука и быстро пробежала по полу, исчезнув в какой-то щели.

Девушка сняла корзинку, свисавшую на веревке с потолочной балки, вытащила оттуда лепешки неприятного темно-серого и коричневатого оттенков.

Из кувшина она налила нам прокисшего молока, выдала по куску хлеба и уселилась вновь на тряпье, наблюдая, как мы угощаемся. Конан скроил ужаснейшую рожу, однако от еды не отказался. Мне кажется, он и вонючего крокодила бы съел, если бы ему предложили. На редкость прожорливый тип. Впрочем, обо мне он думает то же самое.

Странно, размышлял я, поглощая лепешку, такая эта девица — если отвлечься от ее манер и глупых мыслей — хорошенская, а живет в обратительной дыре, где пахнет кислятиной и перепревшим сеном:

Дождь, как будто надумав что-то новенькое, внезапно переменил направление и косо забаранил прямо в окна. Ящерица высунула нос из щели, недовольно шевельнула длинным хвостом и опять замерла.

От наших с Конаном мокрых плащей начал распространяться едкий запах псины. Я страдал от вони. Конану, разумеется, подобные мелочи нипочем. Он насытился и начал благодушествовать. И девчонка эта ему крепко понравилась. Вероятно, он считал ее человеком. А я к концу

трапезы готов был поклясться, что она — кто угодно, только не человек. Таилось в ней нечто неподобное. Возможно, даже опасное. И следовало отнестись к сией особе с сугубой осторожностью. Что я и намеревался посоветовать Конану. Нечего зваться с кикиморами, не разведав наперед все их намерения.

— Я Эрриэз, — произнесла девушка, и я насторожился. Мне показалось, что она прочитала мои мысли. — А это Гrimnir, странствующий воин.

Конан также назвал свое имя и сообщил этим двоим, что он тоже странствующий воин.

В темном углу невидимо зашуршала мышь или еще одна ящерица, я не разглядел. Лампа на подоконнике коптила отчаянно, распространяя дым и тьму. Гиблое здесь место. Хоть я сам и стихийное явление, но нелюди не люблю. А эти двое в доме были нелюдями. И они прямо-таки вцепились в моего Конана, я это видел. Им что-то нужно от него.

Мы жевали и пили молча и очень громко глотали в полной тишине. Тишина эта была удручающей. К тому же ящерица действовала мне на нервы. Наконец, я не выдержал и потребовал, чтобы меня уложили спать. Я промок, устал, продрог, измучен процессом жевания. Конан попросил разрешения устроить меня на сеновале, поскольку я могу упасть, когда буду карабкаться по лестнице. Все-таки он не так уж бессердечен — для человека. Время от времени вспоминает о том, что я боюсь высоты. Сам-то он

ничего не боится, и когда-нибудь это погубит нас обоих.

Мы вышли в темные сени. Здесь дождь стучал намного громче, чем в комнате, и было побольше воздуха.

— Конан, — сказал я шепотом, — уйдем отсюда. Здесь плохое место.

Он хмыкнул.

— Здесь что-то затевается, — сказал он. — Не верю я, чтобы эта девица здесь жила. И Гримнир, странствующий воин, неспроста рядом с ней объявился. Неужели тебе не интересно, чего они хотят на самом деле?

Я сказал, что совершенно не интересно. Мои мечты Конану известны. Я хочу отправиться в такие земли, где сухо и тепло.

Конан потрогал мои уши, обнаружил, что они полыхают от жара, и, кажется, испугался, что я заболел. А я не заболел, я просто очень рассердился:

— Нелюдь эта Эрриэз, — сказал я. — И Гримнир тоже не человек, Конан. В самом лучшем случае — великан, только маленький. Недокормленный, наверное. А такие — самые злые из всех. Надо уносить отсюда ноги, пока не поздно. Они втравят тебя в поганое дело. У них и замысел уже наготове. Послушал бы ты меня хоть раз в жизни.

Конечно, спорить с ним бесполезно. Я даже думаю, что Гримнир, или как его там, уже успел ему что-то внушить. Нелюди на подобные штуки горазды.

Конан пощекотал меня за ухом и сопроводил на чердак, где велел спать и ни о чем не думать. И ушел.

Я долго валялся на прелом сене, стараясь поменьше его нюхать, и слушал дождь, который к вечеру поутих и теперь деликатно бродил по крыше. Беда была в том, что я ничего не мог здесь натворить. Землетрясения здесь невозможны. Ни чума, ни холера, ни оспа мне не помогут: нет ни большой скученности населения, ни жаркого климата, ни чужеземных кораблей — ну просто ничего. Я без всего этого как без рук. Что еще бывает? Ураган? Исключено. Пыльная буря? Ой, мама, мамочка, какая еще пыльная буря...

Мерзкая мокрая капля, просочившись сквозь крышу, стукнула меня по носу. Я даже подскочил. Наводнение! Я сосредоточился, пытаясь найти ближайшую реку и разлить ее. Река ответила мне из-под болота. Я напрягся и весь вспотел от усилий. Вода начала подниматься. Мне нужен был бурный поток, смывающий все на своем пути. Но я добился лишь того, что болото стало непроходимым, а низины наполнились лужами. И все.

И тогда я тихо, жалобно заплакал. Я всего лишь Пустынный Код, маленькая нечисть, и теперь, когда мой единственный друг попал в лапы этих двух коварных личностей, я остаюсь на земле совершенно один. Пожалуй, мне не стоит на ней оставаться. Я начал перебирать в мыслях различные способы самоубийства и незаметно для себя погрузился в спокойный сон.

Глава вторая

Ссора с Гrimниром

Под утро я почувствовал, что Конан вернулся на сеновал и спит где-то рядом. Я не слышал, когда он пришел, но теперь, в темноте, сквозь шелест притихшего дождя, я отчетливо различал его дыхание.

Я осторожно сел, чтобы не разбудить его. Интересно, что такого наплели ему эти двое? Я приложил ухо к полу и прислушался.

Мне показалось, что внизу не спят. Кто-то осторожно ходил, чем-то звякал, негромко переговаривался.

Мне стало нехорошо: я понимал, что нужно спуститься вниз и как следует поговорить с ними, но я до смерти боюсь лестниц. Таких шатких деревянных лесенок, по которым забираются на чердак. Особенно если несколько ступенек у них ввиду их полной ненадежности обмотаны тряпками и кое-как привязаны. За ушами у меня выступил пот, когда я решился на этот подвиг.

Оказавшись внизу, я перевел дыхание, чтобы успокоиться и чтобы эти двое не подумали, что я могу чего-то испугаться.

Они действительно еще не спали. Или уже не спали? За окном сквозь морось сочился тусклый свет, который с большой натяжкой можно было считать утренним. Гrimнир стоял возле печки, огромный и неуклюжий, а Эрриэз сидела в углу и созерцала паутину на потолке. Пес-дурак раз-

валился у порога. Услышав мои шаги, он приоткрыл один глаз и лениво стукнул по полу хвостом. Я с достоинством перешагнул через него. Он даже не шевельнулся. Они прервали свою беседу и дружно уставились на меня.

Гrimнир противно усмехнулся и произнес:

— Надо же, какая настырная маленькая нечисть...

А девчонка, наоборот, улыбнулась по-доброму и предложила мне позавтракать. У нее, оказывается, водятся сухари и сладкие ягоды в сиропе.

Во имя Сета, я вдруг ужасно захотел сладких ягод в сиропе. Даже во рту пересохло. В конце концов, врагов следует разорять. Наносить им ущерб где только возможно. Поэтому я кивнул, по возможности сдержанно.

Она сразу засуетилась и начала готовить для меня горячую сладкую воду и разыскивать по углам заросшие липким мхом и паутиной кувшины. Когда я увидел очередной замшелый сосуд, я чуть было не пожалел о своей уступчивости.

Эрриэз обтерла кувшин подолом своей полосатой юбки и протянула ее Гrimниру. Тот извлек из ножен тесак таких размеров, что мне остро захотелось очутиться где-нибудь в Зыбучих Песках на берегах озера Вилайет (есть там такое гиблое местечко) или еще подальше. Не переставая ухмыляться самым гнусным образом, Гrimнир снял с кувшина восковую пробку. Там оказались слипшиеся сладкие ягоды, как и обещала Эрриэз. Почти совершенно такое же ла-

комство мне доводилось пробовать в Аренджу — давно это было...

Я принял угощаться вовсю, засовывая в широкое горло кувшина сразу всю горсть и облизывая ладонь и пальцы. А они смотрели на меня и думали, наверное, отныне облапошить меня им ничего не стоит — достаточно лишь угостить сладеньким. Ха-ха. Не на такого напали.

Потом я прополоскал пальцы в своей чашке с теплой водицей и сообщил девице, что это единственное применение, которое я вижу для подобного пойла. Кикимора покраснела, а Гrimнир заржал.

Я сказал:

— Вот у нас понимают толк в напитках, поскольку там, где воды мало, она ценится на вес золота — и оттого вкусная. А вы здесь все какие-то стукнутые. Ничего толком не умеете. Разве можно пить эдакую муть?

Гrimнир хрюкнул. Если бы можно было представить себе огромного драчливого борова с пышными седыми усами, то я сравнил бы с ним этого Гrimнира.

Очень похоже.

Эрриэз поманила меня пальцем, и я присел рядом с ней на тряпки.

— Между прочим, я вовсе не кикимора, — шепнула она в мое огромное ухо, которое тут же налилось багровой краской.

Вот негодяйка, она все-таки прочитала мои мысли. Но ведь и я не лыком шит и кое-что из того, что мелькало в ее русенькой головке, уло-

вил. Ничего лестного для себя я там не обнаружил, но на такую благодать я и не рассчитывал. Чтобы позлить ее, я подумал про нее пару гадостей.

Гrimнир откровенно хохотал, демонстрируя все свои квадратные желтые зубы. Я подумал кое-что и о нем. Я забыл сказать, что этот урод был еще и одноглазым. Второй глаз скрывала черная повязка, что никак не могло его украсить. Я ужасно разозлился при мысли о том, что Конан разговаривал с ним и, по своей обычной наивности, наверняка принял все его разглагольствования за чистую монету. Я пробурчал:

— Что вы там натрепали моему Конану? Он же полный дурак, как и все люди, он верит всем подряд.

— Ладно, Кода, ты доказал нам свою преданность Конану, — пробасил Гrimнир. — А теперь успокойся. Мы считаем тебя достойным пустынным гномом.

— Я не собирался вам тут ничего доказывать, — буркнул я. — Конан, в отличие от вас, просто человек. Он доверчивый и глупый. Что вы ему сказали?

«Вот ведь привязался, чучело лупоглазое,» — подумал Гrimнир — как я подозреваю, нарочно. А Эрриэз пожала плечами и отвернулась, глядя в подслеповатое окно. Что она там разглядела — ума не приложу. Сплошная серая муть.

Я подошел к окну и стал от скуки тыкать пальцем в ящерицу, которая опять сидела на сундуке. Ящерица терпела мои приставания до пос-

леднего, прикидываясь сучком, а потом все-таки не выдержала и скользнула в невидимую щель между бревнами. Тогда мне стало совсем скучно.

Я подозревал, что девица и этот негодяй обменивались взглядами за моей спиной, но ловить их на этом мне не хотелось. Хорошо, что мы с Конаном уйдем сегодня отсюда навсегда.

Мне вообще все здесь не нравилось. Здешние края совершенно не похожи на мою иссушеннную солнцем родину, и этим они плохи в первую очередь. И во вторую, и в третью тоже. А Конан родился где-то поблизости, если ему верить. Ему еще повезло, что он родился человеком, а не деревом, к примеру. Дереву при всем желании не уйти с того места, где его угораздило вырасти.

Мы прошли эту землю пешком вдоль и попрек, и всюду нас встречало одно и то же: пустые деревни, разрушенные храмы, осыпавшиеся колодцы. Что-то душит здесь людей, заставляет их тосковать, метаться и, в конце концов, покидать свои дома. Вода безвкусная, дождь холодный и не приносящий радости, болота гибкие, а ягоды в лесах водянистые. И все это, вроде бы, не такие уж жуткие вещи. Скажем, в Хоршемише случается и похуже, особенно после набегов кочевников, но как задумаешься, так поневоле становится тоскливо. Закатные страны на то и закатные, что все здесь закатывается и клонится к упадку — такова моя теория. Кстати, Гэлант Странник, известный сказитель, это подтверждает.

Гrimnir что-то непрерывно бубнил себе под нос, ковыряя толстым пальцем побелку на печи,

а Эрриэз беспокойно шевелилась и не сводила с него глаз — больных, тревожных и каких-то очень преданных, что ли. Я даже подумал на миг, не жена ли она ему часом, но тут же отмел эту мысль как вполне идиотскую. Он, конечно, бродяга, этот странствующий воин-великан, но такая замарашка, как Эрриэз, ему все равно не пара.

Эрриэз взяла с полки нож и снова принялась шарить в корзинке, подвешенной к потолочной балке. Хозяйничать собралась.

За окном тем временем заметно посветлело — то ли дождь поутих, то ли действительно рассвело.

Эрриэз вытащила из корзины рыбу, завернутую в пахучую крапиву, и лениво вышла из дома, прищемив напоследок дверью свою полосатую черно-красную юбку с белой грязной каймой по подолу.

— Странная она какая-то, — сказал я Гrimnиру. (Надо же о чем-то разговаривать?)

Его разбойничья физиономия вдруг стала мечтательной.

— До чего же ты все-таки глупенький, малыш, — произнес он, глядя куда-то в закопченный потолок.

Я сразу ощетинился, и шерсть на моем загривке поднялась от негодования.

— Я тебе не малыш, — прошипел я, сверкая в полумраке глазами. — Сам пигмей-переросток. Я Пустынный Код.

— Глупый, как всякая нечисть, — невозмутимо гнул свое Гrimnir все с той же дурацкой за-

думчивостью на усатой морде. — Эрриэз — это чудо. А ты не видишь.

— Маленькая неряха, — не то мысленно, не то вслух отрезал я.

— Эрриэз такая, как эта земля, — отозвался Гrimнир. — Не лучше и не хуже. Этим-то она и хороша, Кода.

— Она ведь нелюдь, — высказался я.
Гrimнир не ответил.

Что-то подсказывало мне, что не стоит с ним связываться, но ведь Пустынные Коды очень упрямы, и я заявил решительным тоном:

— Вот Конан проснется, и мы отсюда уйдем. На это Гrimнир сказал:

— Возможно.

И ухмыльнулся самым отвратительным образом, что окончательно вывело меня из себя.

— Я полагаю, — произнес я возможно более веско, — что мы не станем спрашивать твоего разрешения, Гrimнир.

Гrimнир повертел своей лохматой башкой.

— Ты действительно так предан этому человеку, Кода?

— Да уж, с вами его не брошу, — вызывающе ответил я.

— Ведь он может сунуться туда, где опасно... а, Кода?

Это была уже наглость. Я почувствовал, что уши мои краснеют. Я, конечно, большой трус, у меня это в крови — а кто когда видел, чтобы нечесть была храброй? — но Конана я никогда еще не бросал, а он, кстати, частенько ввязывался в

совершенно нелепые истории. И скажу без лишней скромности: не будь рядом меня, он бы не спасся.

— Если Конан сумется туда, где опасно, — произнес я четко, чтобы эта дубина уяснила себе раз и навсегда, какие вопросы задавать не стоит, — то найдется друг, который не даст ему пропасть. И это будешь не ты, смею тебя заверить.

Гrimнир подцепил меня своим корявым пальцем за завязки плаща и подтащил к себе, разглядывая с бесцеремонным любопытством.

— Не пойму, — сказал он задумчиво, словно обращаясь сам к себе, — договор он с тобой подписал, что ли? Как ты попал к нему в услужение? Он, вроде, не колдун. Обыкновенный бродяга, звезд с неба не хватает.

— Это ты звезд с неба не хватаешь, — прошипел я, подыхая от злости. — Я Пустынный Кода. Пустынные Коды никому не служат. Но это не значит, что у них нет чувств.

Моя тирада так поразила Гrimнира, что он меня выпустил, и я стрелой вылетел из дома. Наскочив в темных сенях на предательски упавшее жестяное ведро, я еще раз торжественно поклялся нагадить этому Гrimниру при первой же возможности.

Все мои надежды на то, что посветление за окном означает конец дождя, рухнули. Это был всего-навсего рассвет.

Я вышел на высокое крыльцо и огляделся. Напротив крыльца имелся небольшой запущен-

ный огород, заросший хреном и лебедой и отгороженный символическим заборчиком из неоструганного тонкого ствола сосенки, положенного на чурбачки. Я увидел там также три куста приземистых ягодных куста.

Босая, с торчащими косичками цвета льна, Эрриэз чистила под дождем рыбу. Рыбья чешуя летела из-под ножа, светлая, как капли дождя, прямо на полосатую юбку девушки.

Я сел на крыльце и стал смотреть, как она управляетя с рыбой. Странно было думать о том, что вокруг нас нет ни одной живой души. Только угрюмые леса с заросшими тропками и гибельные болота, бескрайние, как моя родная пустыня, но куда более коварные. И что толку от того, что я наделен кое-какими способностями? У себя дома я мог бы развернуться в полную силу. А здесь, на самом краю обитаемых миров, мне только и оставалось, что бездумно плестись за человеком, который когда-то спас мою жизнь, и время от времени следить за тем, чтобы он не угробил свою.

Эрриэз заметила, наконец, мое присутствие, подняла на меня глаза и улыбнулась. Эдакая растрепанная невинность.

— Твой хозяин спит, Кода?

И эта туда же.

— Он мне не хозяин, — проворчал я, чувствуя, что опять выхожу из себя. — Я Пустынный Кода.

Она вздохнула.

— Да Кода ты, Кода, кто спорит...

— Когда он проснется, мы уйдем, — объявил я.

— И я с вами, — подхватила Эрриэз, усердно налегая на нож, чтобы отрезать рыбине голову.

Я чуть с крыльца не упал.

А она невозмутимо добавила:

— Конан обещал взять меня с собой.

— Он не мог тебе обещать, — возмутился я. — Он не мог ничего тебе обещать, не посоветовавшись со мной.

— Он сказал, что попросит тебя, и ты согласишься.

Я так разозлился — не передать.

— Если ОН попросит, — сказал я мрачно, — то я, конечно, не стану возражать. Но запомни, Эрриэз, один только намек на предательство с твоей стороны, и я скажу ему, кто ты такая.

Я правильно угадал ее слабое место. Она жалобно заморгала своими белыми ресницами, и нижняя губа у нее задрожала. Она здорово перепугалась, я видел.

— Ну и кто я, по-твоему, такая? — спросила она, старательно изображая спокойствие.

А мне и изображать не надо было.

— Нелюдь ты, — равнодушно сказал я. — А его ты об этом, конечно, в известность не поставила. Человеком прикидываешься. Ладно, прикидывайся, морочь ему голову. Но смотри, Эрриэз, я тебя предупредил. В случае чего я за себя не ручаюсь.

Она побледнела, и на ее лице стали заметны веснушки. Она смотрела на меня укоризненно, дождь поливал ее, смывая с исцарапанных, по-

крытых слабым загаром рук налившую рыбью чешую. Мне даже жаль ее стало на миг, но я заставил себя быть суровым для пользы дела и гордо поднялся на крыльцо, чтобы пройти в дом и разбудить Конана.

Глава третья На болоте

Болото было, по обыкновению всех болот, бескрайнее, безнадежное и бесконечно коварное. Конан сказал, что где-то здесь начинается местность, имеющая чудесное название «Боссонские топи».

Я передвигался следом за Конаном. Прыгая с кочки на кочку, каждую секунду ожидая трясины, из которой уже будет не выбраться, шарахаясь от черных деревьев, я невольно сожалел о лесе. Пусть там сырь, пусть ветки эти цепляются, пусть насекомые кусаются и путаются в шерсти, — но там хоть земля под ногами твердая. А не этот гамак, подвешенный над пропастью.

Я попытался выяснить, на какой глубине у этой пропасти дно. Оказалось, что дна вообще нет, но зато там торф. Торф — отличное топливо, сказал Конан. Меня это, понятное дело, ужасно вдохновило. Нет ничего лучше затяжного подземного пожара. Болото то стонало, то булькало, то сопело. Создавалось впечатление, будто мы топаем по шкуре гигантского сонного существа.

Эрриэз замыкала шествие. Я, кстати, так и не понял, зачем она с нами увязалась. Для такой

дохлой девчонки держалась она хорошо — не ныла, не отставала.

Интересовало меня и другое обстоятельство: Гrimнир почему-то с нами не пошел. Он вообще в тот день, когда мы уходили, не показался на глаза. То ли отсиживался где-то в глубине темного захламленного дома, то ли успел уйти раньше, пока все еще спали. Конан не выяснял, где находится великан. Вероятно, считал, что это для нас неважно.

Тяжелые сытые птицы шумно взлетали при нашем появлении, ломая ветки мертвых деревьев. Глупые они. Конан ловит их на простой крючок: они, не думая, хватают любую наживку и тут же попадаются. Я не очень люблю такое мясо, оно горькое, но в общем есть их можно.

Мы шли уже третий день, и я чрезвычайно устал, но говорить об этом не решался. Не хотел показывать свою слабость этой девице в полосатой юбке и допотопном чепчике с мятными кружевами, которая шлепала за моей спиной. Поэтому о замке графа Мак-Грогана, где меня так любили и баловали, я думал втихомолку. Несколько раз слезы наворачивались на мои глаза, однако я преодолевал слабость. Конан обещал, что рано или поздно мы доберемся до порта и сядем на корабль, который отвезет меня в пустыню. Такова была моя последняя надежда. И если она не сбудется, то вариантов у меня останется ровно два: умереть здесь — или вернуться к Мак-Грогану, где мне уготована необременительная роль всеобщего пущистого любимца.

Такой плохой дороги, как через это болото, у нас еще, кажется, никогда не было. Я никак не мог взять в толк, зачем Конану понадобилось создавать себе дополнительные трудности. Неужели нельзя было пройти в обход?

Я так и сказал ему, когда мы остановились на относительно сухом островке, чтобы передохнуть. Он сказал, что другой дороги нет и что за деревней Эрриэз чуть ли не до самого конца света тянутся бескрайние топи. Я почувствовал в его словах какой-то подвох, потому что он вдруг улыбнулся своей ослепительной, жизнерадостной улыбкой, щелкнул меня по лбу и начал обламывать ветки засохшего дерева, чтобы развести костер.

Где-то вдалеке завыли волки. Я вспомнил про пса, который обитал в деревне, и спросил Эрриэз, куда она дала свою собаку — неужто бросила на произвол судьбы.

В моем вопросе ей почудился подвох. Якобы я считаю ее бессердечной и способной бросить какое-либо живое существо на произвол судьбы. (На самом деле я действительно так считал).

Она махнула рукой в ту сторону, откуда доносился вой.

— Он ушел к своим, — пояснила девушка.

Я так и ахнул.

— Ты хочешь сказать, что это был волк?

Она засмеялась:

— А кто же еще!

— Но ведь он вилял хвостом!

— Такой уж это приветливый волк...

— Ты все врешь, — заявил я. — Волки дру-

гие. Они гораздо меньшие размерами, у них рыжеватая шерсть и длинный вытянутый хвост. А твой был крупный и серый.

Она не ответила, и я вдруг понял, что ничего она не врала — в закатных странах и волки не такие, как положено...

Я уныло подсел к костру, делая вид, будто принимаю участие в его разведении, а Эрриэз с деловым видом уже вынимала из своей холщовой сумки медный котелок и кое-какие припасы. Котелок был наш с Конаном, я лично украл его на рынке в одном городке на закат от Танасула. Почему-то мне стало вдруг обидно, что Конан доверил ей нести наши вещи. Когда я увидел, с каким самодовольным видом она вытряхивает в котелок мокрую солонину, я не сдержался.

— Ты ее уже один раз прожевала, — фыркнул я.

Она виновато покраснела. Я так и не понял, кто из нас двоих хуже — она, потому что упала в лужу и промочила припасы, или я, потому что постоянно ее дразню.

Но тут к нам подсел Конан, и мы с Эрриэз сразу перестали обмениваться убийственными взглядами. Он осторожно поджег сырой хворост, и через несколько минут у нас уже был очаг и собственное место на земле возле этого очага. Очень уютно, знаете ли, можно устроиться, если только удалось зажечь костер.

— Скажи, Эрриэз, — заговорил Конан, — давно ли ты живешь в здешних краях?

— Давно. — Она улыбнулась. — Всю жизнь.

— Ну, тогда это недавно, — засмеялся он.

Наивный человек, он полагает, что ей лет шестнадцать. Если бы она не была кикиморой, или кто она там, я бы тоже так решил. А ей лет двести, никак не меньше. По глазам вижу. Хотя для кикиморы это, конечно, не возраст.

— Ты устала? — спросил он осторожно.

Она качнула головой.

— Не беспокойся, — сказала она. — Я выносливая.

— Да кто о тебе беспокоится-то? — не выдержал я.

Конан посмотрел в мою сторону — удивленно, как мне показалось. Я передернул плечами и отвернулся, кутаясь в свой плащ. Не понимает человек простых вещей — не надо. Кому от этого хуже?

— Может быть, ты зря пошла с нами, Эрриэз? — снова заговорил Конан.

Мне очень не понравилась интонация, с которой он произносил ее имя, и я счел нужным вмешаться:

— Увязалась за нами, ты хочешь сказать.

Но они не обратили на меня внимания. Эрриэз смущенно потрогала свою косичку.

— Ты знаешь, — сказала она, — я просто не могла уже оставаться дома. Все вокруг разбежались или умерли. В доме, который выходит окнами в мой сад, поселился дух. Не знаю, кто он, но столько от него тоски, когда он выбирается наружу и бродит целыми ночами — как будто ищет кого-то...

Она рассказывала тихим, прерывающимся голосом, и я видел, что она не врет. Кикиморам

тоже бывает страшно. А эта, в общем-то, вполне симпатичная и вроде бы не злая. Хотя кто ее знает. Некоторые только тогда и хороши, когда их жизнь прижмет, а как повалит удача, так опять делаются ходячим ужасом.

— Не знаю, что с нами случилось, — снова заговорила Эрриэз. — Если бы на нас обрушилась какая-нибудь катастрофа, потоп или чума, люди решили бы, что на них гневаются боги, и достойно приняли бы свою судьбу. Но все происходит исподполь, незаметно. Сначала кое-кто просто начал уезжать отсюда, посмотреть мир, заработать денег. Разве это так уж плохо? Никто и не обращал внимания, что возвращаются далеко не все. И постепенно начали пустеть деревни и города... Конан, — тут она робко заглянула ему в глаза, — если бы ты знал, как здесь душно...

Конан мрачно теребил пальцами мох. Я знал, о чем он думает. Он предпочитает встречаться с какими-нибудь демонами или, к примеру, с враждебно настроенным отрядом вооруженных до зубов монстров. Угроза, которой нельзя посмотреть в лицо и плонуть в глаза, его угнетает. Конану требуется некто, кому можно перерезать горло, — это всегда бодрит истинных киммерийцев, как он сам признавался.

— Да, — тяжело произнес Конан наконец. — Странно все это. И странно, что ты не можешь мне сказать, кто твой враг...

Мы немного помолчали, наблюдая за тем, как затухает наш костерок. Эрриэз сидела, съежившись, маленькая, несчастная и очень одинокая.

Конан смотрел на нее, грустно улыбаясь, и глаза у него стали теплые.

— Я встал и начал забрасывать угли сырьим мхом.

— Оставь, он и так погаснет.

— Там торф, — сказал я. — Ты же сам говорил, что торф — отличное топливо. Если он загорится, то будет тлеть веками. А здесь и без того хватает стихийных бедствий.

— Кода у нас знаток по части стихийных бедствий, — сказал Конан, обращаясь к Эрриэз и словно извиняясь перед ней за меня.

Я решил проглотить оскорбительный намек. Никто другой не остался бы в живых, осмелься он на подобное.

Конан быстро собрал вещи, и мы снова побрали по болоту. После отдыха первые несколько шагов даются труднее, зато потом намного легче. И снова потянулись черные деревья, раскормленные дуры-птицы, булькающие лужи.

Вдруг Конан остановился. Мы с Эрриэз подошли к нему и тоже замерли. А Конан присел на корточки перед лужей, на поверхности которой плавала радужная пленка.

— Что ты там увидел? — спросил я недовольно.

Эрриэз тоже присела рядом и вытянула шею, пытаясь разглядеть из-за плеча Конана то, что привлекло его внимание. Я понял, что эти двое увлеклись находкой и у меня есть время отдохнуть. Но сесть было решительно некуда, разве что на шею моему другу, а для такой выходки я еще не окончательно озверел. Поэтому я остался

стоять и тоже, как последний болван, вылупился на эту лужу.

Лужа забулькала. Очень мило с ее стороны, подумал я, сейчас оттуда высунется какая-нибудь болотная гадость. Я с ними не знаком, но подозреваю, что самый матерый и свирепый Пустынный Кода покажется сущим ягненком перед тварями, способными жить в такой мерзости, как это болото.

Из лужи показались розовые округлые губы и большие мутные глаза. Потом плавник. Мощные жабры лениво шевелились, и от них кругами расходилась по воде зеленая муть.

— Рыба, — удивленно сказал Конан. Он потянулся за ножом. — Сейчас мы ее за жабры и в котелок, а, Эрриэз?

Эрриэз отчаянно замотала головой.

— Ты что, — в ужасе спросила она, — сможешь СЪЕСТЬ ее после того, как она так доверчиво посмотрела тебе в глаза?

Конан уставился на девчонку с таким искренним недоумением, что я прыснул. Я-то знал, что Конан начисто лишен сентиментальных чувств. Если он голоден, он убивает и ест. По-моему, это разумно. Он же делает это не ради своего удовольствия.

Но Эрриэз пришла в ужас. Она вцепилась в его руку и стала умолять, чтобы он не трогал это первобытное чудовище, которое глазело на нас из недр болота и бессмысленно шевелило жабрами.

— Ладно, хорошо, — удивленно согласился

Конан. — Интересно, как она тут живет, эта тварь? Рыбы же не водятся в болоте.

— Может быть, это водяной? — предположил я. — Или болотный дух. Родственник... гм... одной нашей знакомой...

Эрриэз метнула на меня яростный взгляд. Уловив в ее мыслях отчетливое желание утопить болтливое порождение пустыни в болоте при первой же возможности, я замолчал, справедливо предположив, что «болтливым порождением пустыни» могу быть только я.

Но Конан не обратил внимания на мой намек. Он тихонько присвистнул, как будто встреча с нечистью могла быть для него чем-то неожиданным.

И тут рыба сложила свои прозрачные серовато-розовые губы в трубочку и свистнула в ответ. Конан чуть в лужу не свалился.

— Ничего себе, — сказал он и свистнул снова.

Рыба высунулась из воды почти до половины и лихо выдала ответную трель, после чего вяло шлепнулась назад. Конан захохотал.

— Здорово! — крикнул он. — А мне это нравится.

И он просвистел начало кабацкой песенки. Рыба воспроизвела ее в точности. Эрриэз, видя, что животному больше не угрожает опасность быть съеденным, бледно улыбнулась.

— Я узнала ее, — заявила она. — Это Свистящая Рыба. В древности их водилось здесь много, а теперь, похоже, только эта и осталась. Ее зовут Лагуста.

— А кто ее так назвал? — поинтересовался я. — Я к тому, что странное имя для рыбы — Лагуста.

— Персонально эту рыбку никто не называл, — пояснила Эрриэз. — Это их родовое имя. Я думаю, мы первые и последние люди, которые ее встретили.

Я иронически посмотрел на Эрриэз, когда она произнесла слово «люди», но вовремя спохватилась. Ведь утопит же, как пить дать.

— Давайте возьмем ее с собой, — предложил Конан. — Славная какая рыбешка Лагуста. Я бы учил ее хорошим песенкам, и по вечерам она услаждала бы наш слух.

Под «хорошими песенками», как я понимаю, Конан подразумевал разные кабацкие напевы, от фривольных до псевдо-воинственных.

— Лагуста наверняка погибнет в неволе, — твердо произнесла Эрриэз. — Полагаю, что ее родичи именно так и были истреблены. Люди пытались приручить Лагуст, держали их дома в кадках и бассейнах, но из этого ничего не вышло. Бедные животные погибали от тоски.

— Жаль, — искренне сказал Конан. — Мы могли бы хорошо продать ее за Черной рекой и без особых трудностей найти себе место на корабле. Но если это невозможно... — Он вздохнул. — Что ж, прощай, Лагуста.

Он провел пальцем по носу скользкой твари, и я готов поручиться, что она зажмурилась от удовольствия.

Глава четвертая Наконец на суше

На четвертый день пути мы добрались до края болота. Увидев нормальные, не искривленные и не иссушенные деревья, я так обрадовался, что даже не вспомнил, до чего же я ненавижу лес. В конце концов, плохо все, что не пустыня, но лес все-таки менее плох, чем болото.

Мы побрали по тому, что давным-давно являлось дорогой. Сейчас это была еле различимая среди густой зелени просека, заплетенная ветвями. Удивительное дело, ведь не лианы же, не буйная южная растительность джунглей, а довольно чахлые кусты и невыразительные деревца, — и все же им удалось разрастись во все стороны и создать плотную непроходимость! Создавалось такое впечатление, что лес с отчаянной радостью пожирал последние следы человеческого пребывания, уничтожая самую память о дороге и людских селениях.

Мы вышли в путь рано, еще по росе, и через три часа я понял, что напрасно обрадовался солнышку. Оно начало припекать, и от травы пошел пар. Мне стало казаться, что кому-то взбрело в голову сварить нас прямо в одежде. Снять плащ не представлялось никакой возможности из-за разнообразных насекомых, которые чрезвычайно обрадовались приятному сюрпризу в виде трех сытных обедов. Не знаю, как выглядел я, но Конан напоминал ходячий оводовый смерч.

Я поскользнулся и растянулся на дорожке. Возле самых глаз в крошечной и очень уютной лужице я увидел головастиков. Эти маленькие нежные создания, черненькие и веселенькие. Лужица была вполне ими обжита, и я видел, как хорошо им у себя дома. Мне показалось, что я заглянул в чье-то окно, за занавеску, и увидел то, что видел всегда в таких случаях: мир, покой, горящую лампу, гудящий камин — словом, все, о чем ностальгически мечтают бродяги, пока они бродят и всего этого не имеют. Что случается с бродягами после обретения вышеназванных благ — другой разговор. Мы с Конаном пока что этих благ не обретали.

Конан остановился и обернулся ко мне. Он увидел, что я лежу и с самой завистливой мордой глазую на головастиков.

— Устал, Кода? — спросил он.

— Смотри, Конан, — ответил я, увиливая от прямого ответа. — Головастики. Может быть, они поющие?

Эрриэз за моей спиной подумала, что я ужасно хитрая бестия. Я в ответ подумал, что не ее это дело.

— Знаешь что, — сказал Конан. — Давай мне руку. Дорога пошла вверх, может быть, найдем деревню или луг и переждем там жару.

Я с благодарностью взял его за руку, и он потащил меня за собой. Мы шли теперь по рассохшейся корявой дороге, бежавшей среди холмов. Вокруг был такой одухотворенный простор, что, будь я великим кешанским поэтом Фари, мой

взор увлажнился бы слезой. Но поскольку я был всего лишь Пустынным Кодой, я просто вертел головой и с любопытством глазел по сторонам.

Так продолжалось часа два, и я уже совсем было примирился с этими малоприятными северными землями, как вдруг мы вышли на очень странную поляну.

Полузаросшие травой, по обширному лугу вокруг одинокого дуба были разбросаны большие могильные камни. На всех надгробиях лежал отпечаток руки одного мастера — след несомненного родства. Камни, как и лежавшие под ними люди, были близки друг другу. Тщательно, немного неумело выбивал неведомый художник имена и заклинания, иногда добавляя что-нибудь доброе, ласковое, чтобы покойнику было не так одиноко. Имена были сплошь старинные, культовые, а из надписей, обозначавших возраст, явствовало, что лежат здесь одни старики.

— Странно, — сказал я, когда последнее обстоятельство было нами выяснено. — Впервые в жизни вижу такое кладбище.

Я уж подумал было, что на Боссонских топях такой обычай — отправлять старииков доживать свой век в отдельные поселения, где они могут спокойно на досуге справлять свои загробные ритуалы, поклоняться богам смерти, приносить особые жертвы... ну и умирать, конечно.

Однако Эрриэз печально произнесла:

— Здесь нет молодых, потому что молодые ушли. Они умирают вдали от родной земли...

Словом, все оказалось еще хуже, чем я предполагал.

В толстую кору дуба было воткнуто большое боевое копье, такое огромное, каких я никогда не видел. Старинное, вероятно. Сейчас и людей-то таких нет, чтобы сражаться подобной дубиной. Его даже поднять трудно, не то что бросить. Копье пригвождало к дубу изображение какого-то божества, сделанное из деревяшек, тряпок и соломы. Божество было одноглазое, довольно свирепое и на вид ужасно несимпатичное. Чем-то оно напоминало Гrimнира. На месте бога, которого тут пытались изобразить, я бы обиделся.

И все-таки, думал я, не может быть, чтобы здесь все повымирали просто от климата. Должен существовать некий артефакт, некий талисман, который охраняет эту землю. Совершенно примитивная магия, которая почему-то всегда безотказно действует — как, впрочем, все примитивное. Неизвестно, как этот заветный артефакт выглядит и где находится, но я нутром чуял, что угадал правильно. Во всяком случае, лично мне неизвестна другая возможность довести страну до полного истощения. Здесь явно поработало злое колдовство. Медленное и терпеливое.

И что самое подлое — для того, чтобы сотворить подобные чары, ничего особенного не требуется. Для того, кто хоть немного соображает в элементарной магии, такое колдовство не представляет ни малейшего труда. Берется этот са-

мый артефакт — рисунок, скульптура, одеяние божества и так далее, — и в зависимости от того, каких результатов хочешь добиться, начинаешь над ним измываться. Можно окунуть в расплавленный воск, или утопить, или плюнуть на него от души. Даже заклинаний никаких не нужно.

Все-таки хорошо, что Конан не умеет читать чужие мысли. Потому что если киммериец про знает про украденный и оскверненный артефакт, он из шкуры вон вылезет, но добудет волшебный предмет и освободит его от заклятия. Любит Конан всякие безнадежные предприятия.

Я заметил, что он вопросительно смотрит на меня, и с решительным видом отвернулся по глязеть на пришипленного бога.

— Тебя что-то насторожило, Кода? — спросил Конан.

Я покачал головой, не поворачиваясь. Большинство людей не разбирается в мимике пустынных гномов, но Конан слишком давно меня знает.

— Здесь поблизости еще одна деревня, — сообщила Эрриэз. — Когда-то ее построили потомки разбойников, но с годами все измельчало — в том числе и люди. Думаю, теперь там тоже никого не осталось...

Через сотню полетов стрелы дорога (вернее, то, что от нее осталось) вывела нас на заливной луг. Некошеная трава закрывала меня с головой, а Конану была почти по локоть. Она сплеталась и путалась в ногах, и мы с трудом прорыдались сквозь нее. От травы шел влажный пар, и мош-

ка, поднятая нашими шагами, летала густыми тучами.

Я пытался найти хоть какой-нибудь ветер, чтобы пригнать его сюда и разогнать полчища кровососущих, но тщетно: приличного ветра не было нигде, а тот, что я все-таки разыскал, был так далеко, что сюда бы просто не долетел.

Эрриэз, как и я, выглядела не лучшим образом, губы у нее пересохли, а вода, которую они с Конаном хлебнули из грязной лужи, никак не могла утолить их жажду. Не так надо пить, чтобы напиться: в этом вопросе следует учиться у кочевников. Подозреваю, они тоже знали это и все же не удержались. Трудно удержаться, когда видишь воду, я понимаю.

Мне-то что, я Пустынный Кода, у меня уши подолгу сохраняют запасы влаги, и этим я похож на многие пустынные растения, которые отращивают мясистые листья. Каждый приспособливается, как умеет. Только люди вообще не умеют приспособливаться, и для меня до сих пор загадка — как это они ухитряются выжить.

Мы начали спускаться с холма и тотчас увидели впереди деревню.

Она была пуста. Это мы сразу поняли. Но все равно подошли ближе — куда еще было идти? На просторном лугу стояли семь домов, черных, хмурых, с высаженными окнами. Над ними полыхало злое солнце — не щедрое, как в Черных Королевствах, к примеру, а какое-то ядовитое.

Неожиданно Конан тронул меня за плечо.

Я обернулся. Крыша одного из домов слегка

дынилась. И вдруг, в одно мгновение, огонь вырвался наружу и закричал, разеваясь в небе. Откуда-то взялся верховой ветер, и огонь прыгнул на соседнюю крышу. Остальные дома стояли в стороне и потому не занялись.

Мы сбились в кучу, глазея на пожар. Дома горели в полном безмолвии и одиночестве, и никто поблизости не оплакивал погибающее имущество и не мчался с водой. Никто, кроме нас, даже не узнал о несчастье. И такая безысходность чувствовалась в этом пожаре, вспыхнувшем в брошеной, забытой, никому не нужной деревне, что сердце у меня поневоле сжалось. Попадись мне тот негодяй, который украл и околовал артефакт, — кажется, я порвал бы его голыми руками!

Я прижался к Эрриэз и потихоньку высыпался в подол ее полосатой юбки.

Мы спустились в ложбинку и обнаружили там мелкую речушку, бежавшую по разноцветным камешкам. Довольно долгое время мы провели в воде, но и сюда долетали белые клочья пепла. Наконец, Конан забрался на крутой бережок и крикнул, что дома догорели. Тогда мы вернулись в деревню.

Пять уцелевших домов стояли перед нами. Мы могли занять любой из них и жить, сколько вздумается, нас никто бы не прогнал. Но было в них что-то жуткое, что делало невозможной даже мысль о том, чтобы поселиться здесь надолго.

Потом я понял: отсюда ушли домовые духи. А это еще хуже, чем если бы отсюда просто выехали люди. Если даже нечисть решила, что мес-

то дурное, то человеку делать тут совершенно нечего.

Я так и сказал.

— Мы не собираемся здесь жить, — заверил меня Конан. — Мы переночуем, а завтра на первой заре уйдем.

Мы осторожно поднялись на высокое крыльцо, стараясь ступать как можно тише. Тишина стояла первозданная.

Дом был разгромлен, словно люди, покидая его, торопились. Добротная старинная мебель валялась перевернутая, сундуки стояли с распахнутыми крышками. Но печь была еще цела, и на полке стояли глиняные горшки, на стене висели всякие приспособления для кулинарии, которые живо напомнили мне орудия пыток, бывшие в широком употреблении в моем родном Хоршемише.

На окне Эрриэз увидела деревянный ларец, обтянутый темным коленкором и выложенный медными пластинами. Она раскрыла его, но ларец был пуст. Под треснувшим зеркалом лежали клочки ткани и затупленные иглы из рыбьих костей. Потом мы нашли под столом детскую колыбель, сплетенную из прутьев.

Мы поднялись на чердак. Лестница была построена капитально, так что даже мне не пришлось делать над собой усилие, чтобы забраться по ней. Странно, но еще сохранилось и не вполне сгнило сено, а в углу я нашел шерсть и гребень для нее. Я с подозрением покосился на Эрриэз.

Если она все же кикимора, то не выдержит —

вцепится в кудель. Для ихней сестры первое дело — пряжа и прочи бабы радости.

Но Эрриэз осталась к клокам шерсти равнодушной, и я просто терялся в догадках. Значит, она не кикимора? Но и не человек, это ведь ясно. Тогда кто?

«Не угадаешь, дурак», — услышал я у себя в голове ее злорадный голос.

«Сама ты дура», — подумал я в ответ.

И тут я нашел в клочках шерсти нечто такое, из-за чего сразу забыл все наши склоки и раздоры.

Я увидел мертвого домового духа. Он был совсем крошечный, ссохшийся, седенький, заросший волосenkами и словно запутавшийся в шерсти и нитках. Глазки у него были пустые, бесцветные, без зрачков. Он до самой смерти так и не закрыл их, все смотрел куда-то в потолок. И рот у него был полуоткрыт. Во рту поблескивал зуб. Он был легкий, как веретено. Я не хотел, чтобы Конан или Эрриэз увидели его, и потому осторожно прикрыл трупик клочком сена.

— Я хочу есть, — заявил я очень громко. — Эрриэз, слышишь?

Она не успела ничего заподозрить, потому что Конан тоже шумно потребовал пищи, и мы втроем спустились с чердака. На душе у меня было прескверно.

Эрриэз принялась шарить по полкам и довольно скоро обнаружила плетеную корзину, в которой сохранилось немного муки. Девушка ловко замесила тесто в старенькой глиняной плошке. Прядка желтых волос все время падала ей на

глаза, и она мотала головой, отбрасывая ее. Мы с Конаном сидели на неудобной горбатой крышки сундука и восхищенно наблюдали за ней. Если девицей не восхищаться, она вообще работать не будет, вот мы и старались изо всех сил.

Эрриэз вдруг подняла глаза:

— А представляете, сколько вкусных вещей готовилось когда-то в этой плошке?

Я как раз думал об этом и потому, когда Эрриэз произнесла мои мысли вслух, встретился с нею глазами и предупреждающе нахмурился.

Глава пятая Маленькая храбрая Эрриэз

Следующие два дня я все время возвращался мыслями к тому, что увидел в заброшенной деревне и на старом кладбище. Кому это, кстати, пришла в голову умная мысль насадить бога на копье? Жуткие людоеды здешние жители, честное слово.

Я размышлял, сопоставлял увиденное с тем, что некогда слышал от Гэланта или других встреченных мною людей. Иногда я чересчур увлекался раздумьями, и потому шаг мой утратил размеренность.

Когда я цеплялся ногами за сучья и падал в канавы, Конан ругался и угрожал бросить меня умирать одного на дороге, если я по глупости своей переломаю себе ноги. Впрочем, я ему не верил.

Мы так и шли: Конан впереди, я за ним, а сзади — Эрриэз. Создавалось впечатление, что мы движемся куда-то вполне целеустремленно, но я-то понимал, что мы топаем наугад, и неизвестно еще, во что все это выльется. А девица с нами увязалась, я думаю, все же неспроста.

Я предполагал, что ее надоумил Гrimнир — не знаю уж, кто он такой. И, что самое хитрое: ее отправил с нами, а сам сгинул неизвестно куда. Тайком исчез.

Конан шёл и шел по лесной дорожке своим ровным шагом, словно он никогда не уставал. Я знал, что он так и будет идти, ни разу не споткнувшись, пока внезапно не остановится и не объявит, что неплохо бы и отдохнуть. И тогда можно падать на обочину и ждать, пока он соберет костер и найдет воду для похлебки.

По обочинам опять возникла трясина, причем, еще более гиблая, чем несколько дней назад. Нас окружало теперь целое море сплошной черно-коричневой жижи с маслянистыми лужами, которое то и дело бугрилось и булькало. Такое хоть кому испоганит настроение, а я вообще легко поддаюсь внушениям и потому приуныл.

И к тому же у меня возникло... ну, предчувствие, что ли. Не скажу, что определенно стало труднее дышать, но что-то вокруг нас неуловимо изменилось. Словно бы в воздухе разлилось недоброжелательство. Словно кому-то очень не хотелось, чтобы мы тут шли. Хотя мы вели себя примерно и тихо, веток зря не ломали, живность без особой надобности не убивали.

Я не хотел, чтобы Конан о чем-нибудь таком догадывался. Незачем, тревожить его раньше времени. Поэтому я решил вслух ничего не говорить, а вместо этого подумал, обращаясь непосредственно к Эрриэз:

«Эй, ты... кто ты там... Это твоя работа?»

Она не ответила.

Я мысленно заорал:

«Эрриэз! К тебе же обращаются, кикимора болотная!»

Я почувствовал злобный взгляд у себя на затылке. Прямо в ухо мне прошипел ее змеиный голос:

«Заткнись, лопоухий!»

«Ты чувствуешь, как что-то давит на нас, Эрриэз?» — подумал я и порадовался своей выдержанке. Вежливый я все-таки, когда в этом возникает острая необходимость.

Она не успела ничего ответить, потому что неожиданно Конан остановился. Поскольку я давно чуял недоброе и испугался ужасно, то сразу же подбежал и сунулся к нему под мышку. Эрриэз тоже подошла и прижалась к нему с другого бока. Липучка несчастная. Он положил руку мне на плечо.

— Смотрите, — произнес он вполголоса.

Прямо перед нами лежала непроходимая полоса. Справа и слева приветливо булькала трясина — только и ждала, когда мы шагнем с дороги в сторону. Бревна, положенные поперек болота, были густо утыканы ржавыми шипами, высотой примерно в полтора-два дюйма, очень острыми и,

что весьма возможно, ядовитыми. Это безобразие тянулось ярдов на двадцать. Дальше дорога шла в гору, и трясина заканчивалась.

— А ведь кто-то очень не хочет, чтобы мы шли дальше, а? — произнес Конан, и по его голосу я понял, что он страшно доволен. Просто счастлив. На него это похоже.

— Нашел, чем радоваться, — буркнул я. — Надо поворачивать. Зря мы вообще ввязались в это дело.

— Мы еще никуда не ввязались, — возразил он. — Но скоро ввязнемся. Что ты там говорил про какой-то артефакт?

Так и есть. Из моего бормотания под нос он каким-то образом выловил самое главное. Дурацкая привычка думать вслух! Я даже не помню, чтобы упоминал об этих опасных вещах, когда жаловался на жизнь, а он, оказывается, прислушивался и даже нечто понял.

— Конан, — сказал я, высвобождаясь из-под его руки. — Вот объясни мне, почему ты слушаешь мысли, которые вовсе не для тебя предназначены?

— Я случайно, — сказал он. — Ты же не предупредил меня, чтоб я не слушал, верно?

Он, конечно, был прав, хотя неплохо бы самому соображать, а не ждать моих предупреждений. Я решил больше не трогать опасную тему.

— Судя по этому мощному заграждению, не-приступному даже для боевых верблюдов... — начал я.

— Здесь не водятся никакие верблюды, — укоризненно встряла Эрриэз.

— Девице вообще неприлично рассуждать о боевых верблюдах, — отрезал я. — Девице прилично рассуждать только о домашнем хозяйстве.

Поставив ее таким образом на место, я замолчал.

— Ну так что? — не выдержал Конан. — Начал — так заканчивай. Что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что это препятствие является косвенным доказательством того, что мы на верном пути. Если мы ищем неприятностей, разумеется, — поспешил добавил я. — По мне так самым верным путем будет путь назад.

— Никогда, — объявил Конан. — Я назад не пойду, не надейся.

Я мрачно покосился на него. Я имел с ним дело без малого два года и за этот срок успел уже твердо усвоить: спорить с киммерийцем бесполезно.

Поэтому я задумался. Налицо факт: Конан, который решил пройтись по смертоносным шипам, чего бы это ему ни стоило. Налицо также другой факт: полная невозможность это сделать. Нужен помощник, который владел бы достаточно результативной магией.

Эрриэз... Вряд ли она что-то умеет. Кикиморы или русалки в подобных ситуациях бесполезны. Да и не захочет она раскрывать свою истинную природу. Для Конана она по-прежнему просто девочка, беззащитная и очень хорошенечкая. Вон как он на нее смотрит. Я тоже стал смотреть на Эрриэз, чтобы она не воображала,

что он на нее смотрит просто так. Пусть думает, что мы оба смотрим на нее с надеждой.

Но она, оказывается, даже не замечала нас. Она побледнела и с отрешенным видом повернулась к этим шипам спиной.

— Что с тобой? — Конан очень удивился и хотел было взять ее за руку, но я остановил его.

Она сложила ладони под подбородком, словно собирая в одно целое все то немногое, что называется на земле «Эрриэз». Потом медленно развелла ладони, отдавая это целое окружающему миру. Губы ее были плотно сжаты, но я уловил еле слышный шепот — то ли ветер прошелестел, то ли ее мысли, которые она не могла удержать в тайне. Это было странное заклинание, вроде детской считалочки:

Эрриэз — раз,
Эрриэз — два,
Эрриэз — палая листва...

Пузыри в трясине надувались и вспыхивали радужными разводами, словно чьи-то глаза, которые следили за нами с возрастающим неудовольствием. Вырастая до размеров моего кулака, глаза эти лопались и тут же вздувались снова, уже в другом месте.

— ...Эрриэз — палая листва... — повторил голос и почти беззвучно выдохнул или простонал: — ...а-а-а...

Она медленно осела на землю и откинулась назад, спиной на острые шипы. От рук, от белых косичек побежала зелень, и через мгновение все

эти колючки были закрыты плотным, в несколько дюймов, слоем густого мха, в котором покачивались тоненькие золотисто-коричневые цветочки.

Конан смотрел на все это широко распахнутыми глазами.

— Что это, Кода? — спросил он шепотом и вцепился в мою руку.

— Рот закрой, — деловито сказал я. — Ты еще не понял? До чего ты наивный, Конан, просто удивляюсь. Она дурачит тебя, прикидывается человеком, и тебе даже не приходит в голову заглянуть в ее мысли и вычитать там как по-писаному, что ей уже лет двести, что она нелюдь и многое что еще...

— Я не читаю чужих мыслей, — заявил он, помрачнев.

Только подслушиваешь, подумал я и, ступив на мох, для верности немного потоптался.

— Она превратилась, — сказал я. — Молодец девчонка! Тут мягко и шипы не прокалывают. Лучше всего не идти, а катиться, так давление меньшее.

Он все еще медлил.

— Не могу я, — признался он. — Боюсь сделать ей больно.

Стоя на мху, я не выдержал и заорал:

— Так выхода же другого нет! Она ведь нарочно это сделала, чтобы мы могли идти дальше...

По мху прокатился вздох, и Конан, наконец, решился. Придерживая меч, он опустился на кромку мха и быстро, как будто его запустили

хорошим пинком, перекатился на другую сторону ловушки. Я торжественно следовал за ним.

Да, молодец все-таки эта Эрриэз. Отбросила ложную гордость и показала, кто она есть. Ведь даже от фей может быть толк, если, конечно, фея постарается.

Мы выбрались на холм и почти сразу же нашли родничок. Вода в нем была необыкновенно вкусной, и я надеялся, что она не содержит в себе яда. Я уже нарисовал себе в мыслях приятную картину, как мы тут отдыхаем и прохлаждаемся в покое и уюте. Поэтому я, позабыв усталость, принялся помогать, распаковал вещи и принес немного веточек, пока Конан валил высохшее деревце.

Мох все еще лежал, и никакой Эрриэз не было в помине.

— Может быть, с ней что-то случилось? — спросил Конан, подвешивая котелок над огнем.

— Ты добр и потому не умен, — сказал я. — Она фея, говорят же тебе. Что с ней сделается?

Мне почему-то не понравилось, что он так о ней беспокоится. Но он меня не слушал. Встав на ноги, он обвел глазами лес и болото. Уже начало темнеть, так что в сумерках он сумел разглядеть совсем немного.

— Ты последи за огнем, а я сейчас приду, — заявил он и зашагал вниз, к трясине.

Из темной ложбинки донесся его крик:

— Эрриэз!

В голосе звучало столько тревоги, что я чуть не упал в костер.

За моей спиной что-то зашуршало. Я резко повернулся и сразу же вытаращил глаза — желтые, круглые. Они всегда производят сильное впечатление на незваных гостей. В закатных землях Пустынного Кода — весьма редкое явление, они все поначалу пугаются, потому что не знают, чего от меня можно ожидать.

Но это была Эрриэз. Грязная, вся в лохмотьях, еле живая от усталости и, по-моему, страшно смущенная.

— Явилась, — проворчал я, тоже почему-то чувствуя неловкость. И, встав во весь рост, крикнул, обращаясь к ложбинке: — Конан! Она здесь!

Он примчался почти в тот же миг, и физиономия у него была встревоженная. Еще меньше мне понравилось, как он схватил ее за руки и, слегка отстранив, принялся изучать взглядом ее многочисленные царапины.

— Эх, ты... — сказал он и ласково усадил ее на бревно возле нашего костра.

— Я чародейка, — тихонько созналась она. — Ты уж прости, Конан. Не хотела тебе говорить.

— Не надо ничего говорить, — сказал он. — На самом деле все это ерунда.

— Если хочешь знать, Эрриэз, — сказал я, — у Конана даже была одна знакомая богиня.

Я думал, что Эрриэз сразу поймет, что имеет дело с важными особами, и перестанет задирать нос, но она как будто не расслышала моих слов.

— Завтра я буду в полном порядке, — сказала она. — Шипы были здорово ядовитые, но для

мха неопасные. И для чародеек тоже. — Она слегка покраснела под разводами грязи. — А вот человеку смерть. Я потом еле содрала с себя отравленный мох... Ладно, это все мелочи. Главное — что мы прошли.

— Главное даже не это, — заверил ее Конан.

Его глаза сияли, и мне это ужасно не нравилось. Таким он становится, когда чует надвигающуюся опасность. В отличие от нормальных людей, Конан почему-то радуется, встречая на своем пути различные неприятности. Он уверяет, что это разнообразит его скучную монотонную жизнь.

— А что, по-твоему, главное, Конан? — спросил я.

Ответ превзошел все мои наихудшие предположения.

— Главное, Кода, что мы теперь точно знаем: кому-то не нравится, что мы идем этой дорогой. Значит, мы идем куда нужно.

— А... ты нашел себе занятие по душе? — горько произнес я. — Будешь спасать неизвестно кого от неизвестно чего. А я только Пустынный Кода. Я хочу нормально дожить до старости.

Он уже привык к тирадам подобного рода и перестал обращать на них внимание. Я это знал и ворчал больше для порядка. Чтобы он не очень расслаблялся.

Эрриэз задумчиво терла красочный кровоподтек на ноге пониже колена. Я догадался почему-то, что он возник на том месте, где я потоптался, доказывая Конану, что с девчонкой ничего не случится, если по ней немножко походить ногами.

Она заметила, как я смотрю на нее, и уши мои предательски покраснели. А она засмеялась, как будто увидела нечто очень приятное, и погладила меня по голове.

Глава шестая Стихийное бедствие

Я проснулся раньше всех. Конан развалился прямо на траве, положив под голову трухлявое бревно. Представляю, как это возмутило обитавших там козявок. Конан в состоянии спать где угодно и сколько угодно. По-моему, он даже умеет отсыпаться впрок. Утреннее солнышко еще не забралось под куст, избранный моим другом-человеком в качестве резиденции. По Конану сновали какие-то жуки, но подобные мелочи не могли разбудить этого упрямца. Эрриэз прикорнула, завернувшись в его плащ. Во сне она трогательно посапывала.

Болото осталось позади, и настроение у меня значительно улучшилось — я даже решил приготовить для всех завтрак. После ловушки с шипами дорога пошла вверх и вывела нас на берег лесной речки. Симпатичная такая черная речушка в густо заросших берегах, вся покрытая пятнами кувшинок. Чем-то она очень напоминала ленивого обожравшегося удава.

Я аккуратно сложил дрова, приготовленные с вечера Конаном, поджег их и повесил над огнем

котелок. Утро занималось свежее, чудное, но я заранее видел уже, что к полудню начнется духота.

Я стал варить кашу из толченой крупы. Каша — гадость, это вам любой Пустынный Код скажет. То ли дело сочные листья какбатула, который растет в Погибельных Зыбучих Песках. Что это такое — объяснять бесполезно, если вы не пробовали. Но когда очень хочется есть, томи каша пойдет, а с тех пор, как я связался с Конаном, я постоянно хочу есть.

Невидимый в ярком утреннем свете огонь потрескивал и обдавал сухим жаром мои колени, когда я присаживался рядом на корточки. Река беззвучно струилась внизу, а синие стрекозы проносились надо мной, прекрасные и чуткие, как стрелы.

Я позвал громким шепотом:

— Конан!

Он тут же проснулся, лениво похлопал ресницами и сел. Первым делом нашел глазами Эрриэз, а потом улыбнулся мне, приветливо и чуть-чуть виновато. За это я его моментально простил и сказал довольно грубо, чтобы он не воображал о себе лишнего:

— Между прочим, пока кое-кто спал, другой кое-кто позаботился обо всех остальных.

Конан легко встал, прошел мимо костра, сунул нос в котелок, где булькало, плавилось и неудержимо пригорало варево, а потом, как был, в одежде, рухнул с обрыва в воду. Я даже подскочил. Никогда не знаешь, чего от него ожидать в следующий миг.

Эрриэз беспокойно зашевелилась под плащом. Из-под обрыва донесся победный вопль Конана. Так орут жители пустыни, когда большой толпой гонят на смерть врага. Я уже привык к его отвратительным манерам, но Эрриэз, кажется, перепугалась. Бедняжка забыла о всякой осторожности, и на меня обрушился поток ее бесвязных мыслей, и в каждой бился страх.

— Не бойся ты, — снисходительно произнес я вслух, чтобы до нее скорее дошло. — Мой друг пошел принять освежающую ванну. Надо же когда-то привести себя в порядок. Не все могут жить растрепами, знаешь ли.

А вид у нее действительно был жалкий. К утру все ее синяки как следует проявились, и девчонка приобрела сходство с пятнистой гиеной. Несчастная такая, всклокоченная гиенка с испуганными глазами.

Конан вылез на берег, жутко довольный собой. Вода текла с него, как с водяного, с шеи свешивались склизкие водоросли — подцепил уже. Глаза так и сияли.

— А там, оказывается, ключи подводные бывают, — сообщил он и, заливая все вокруг, уселись возле костра.

Я и не заметил, как девчонка скрылась. Конан огляделся по сторонам и громко позвал ее:

— Эрриэз! Ты где? Эрриэз!

— Я здесь, — тихо откликнулась она неизвестно откуда. — Я... мох...

— Иди завтракать, мох, — пригласил Конан,

как ни в чем не бывало. Можно подумать, он встречает таких девиц ежедневно.

— Я некрасивая, — пропищала она жалобно. — И старая. Мне двести восемь лет.

Я не понял, откуда она появилась. Она просто встала с земли и сделала вид, что ничего особенного не произошло. Мало ли какие вещи по неосмотрительности случаются. Вот, нечаянно превратилась в мох.

«Кокетка противная», — сердито подумал я. Она в ответ только посмотрела на меня умоляюще.

Мы начали есть, сталкиваясь ложками в тесном котелке. Каша была с дымком, довольно вонючая. К тому же, из костра в нее насыпался пепел и даже какая-то обгоревшая веточка хрустнула на зубах.

Мы уже заканчивали нашу невкусную трапезу, когда кусты на берегу зашевелились, и оттуда высунулись морды.

Сначала одна.

Потом сразу десять.

От неожиданности Конан откусил кусок деревянной черпалки, которая в тот момент, к несчастью, оказалась у него во рту.

Морды были человеческие. Тупые, целеустремленные, с безмозглыми, горящими взорами. Все они были абсолютно одинаковые, как будто их одна мама родила и одна нянька воспитала.

Я не понял даже, люди это или все-таки не совсем люди. Может быть, и люди, только совершенно отупевшие от единственной мысли, которая засела в их кущих мозгах в качестве смысла

жизни: никого не пускать за реку. Не знаю уж, кто их так изуродовал.

Вид у них был жуткий, и я перетрусил. На моменде любой Пустынный Коду уже давно ударился бы в бегство, и то, что я все еще стоял и смотрел, как они лезут из кустов и выстраиваются на берегу, было уже само по себе героизмом.

Ни одной связной мысли от кустов не доносилось. «Убить... Убить...» Надоело даже слушать. А они все лезли и лезли. По-моему, там притаилась целая армия.

Конан вскочил, оттолкнул Эрриэз, которая исчезла под обрывом, и бросился к своему оружию. «Сопротивляться бесполезно, — вяло подумал я, — в любом случае они его прикончат. Он может быть богом войны, хоть самим Сетом, они его просто задавят численностью».

Их набежало уже около сотни. Кто знает, может быть, это были местные жители, подвергшиеся изменениям?

Может, их завербовал в банду злой волшебник? Или они не выдержали пыток и перешли на сторону неприятеля? Не исключено, что каждый из них по отдельности был в домашних условиях вполне приличным человеком. Но сейчас налицо имелась дикая орда, одержимая идеей перерезать нас.

На всякий случай я послал им несколько устраивающих сигналов. Я не очень надеялся на успех, но это, как ни странно, подействовало. Они не набросились на нас сразу, а замялись и принялись топтаться в десяти шагах от Конана. Я

понимал, что пауза долго длиться не может. Сейчас эти болотные шакалы очухаются.

И тогда, словно огромный храмовый колокол ударили у меня в ушах, и я понял, что настала пора.

Я Пустынный Кода, я дух зла, насилия и смерти. Это меня отгоняли бесстрашные обитатели крепости Аш-Шахба, ударяя в свой огромный колокол, стоящий на пьедестале из цельного камня посреди центральной городской площади. И тогда я отступался от Аш-Шахба, хохоча и завывая. Этот глубокий звон наполнял меня яростью и жаждой разрушения и, скрывшись в пустыне, я бесчинствовал вовсю. Впрочем, тогда я был подростком и страдал всеми комплексами переходного возраста...

Конан ждал нападения врагов. Я понимал, что он их не боится, но вряд ли это ему поможет.

Я выпрямился. Прислушался к миру. Огромный и больной, он лежал вокруг меня и чутко отзывался на мои призывы. «Хороший ты мой, — подумал я, словно обращался к загнанному коню. — Сейчас мы с тобой устроим тут стихийное бедствие».

Я позвал огонь. Воду. Камни. Неожиданно мне ответил песок. В миле от нас находился песчаный карьер. Дорогу они тут когда-то строили, что ли?

Я вскинул руки, собирая ветер, и деревья на холмах внезапно зашумели. Я послал его на карьер, за песком, и велел вернуться.

И он вернулся. Я свил его в смерч. Извиваясь, он стремительно несся к нам с холмов. Я засвил его так круто, что он почти не ронял песка.

— Конан! — крикнул я. — Ложись! Ложись лицом вниз! Прикрой голову!

Он все еще медлил, не решаясь опустить меч.

— Ложись! — заорал я в бешенстве.

Смерч обвился вокруг меня. Глаза мои засветились желтым светом, плащ взлетел над плечами, как драные крылья, шерсть встала дыбом. Я поднял руки и с силой выбросил их вперед, указывая на бандитов.

И вся ярость стихийного бедствия обрушилась на них. Песок забивался в глаза, в нос, в уши. Ветер швырял людей на деревья, тащил сквозь кусты, поднимал на высоту десяти-двенацати ярдов и отпускал.

Давно я так не веселился. Не то, чтобы мне доставляли особую радость чужие страдания. Просто люблю хорошую работу. Приятно было видеть, что я не разучился еще соединять силы природы, направляя их разрушительную мощь на врагов.

Все стихло так же внезапно, как и началось. На холме образовалась изрядная куча песка. Я буквально стер бандитов с лица земли. Несколько деревьев, вырванные с корнем, лежали на берегу. Я был очень доволен собой.

Конан продолжал лежать на траве, не шевелясь. Немного испугавшись, я подбежал к нему и потрогал его за плечо.

— Вставай, — сказал я. — Все кончено.

Он тяжело оперся локтями о землю и встяжал головой.

— Что это было, Кода? — спросил он сипло.

— Небольшое стихийное бедствие, — небрежным тоном бросил я. — Смерч.

— Кода, — сказал он, — а эти... которые хотят нас уничтожить... не знаю уж, кто они такие...

— Жалкие наемные убийцы, — вставил я.

— По-твоему, они жалкие? Мне так не показалось. Ты же видел этот смерч! — возразил он. — Кто его, по-твоему, на нас наслал?

Тут я обиделся:

— Во-первых, не на нас. А на них. А во-вторых... среди нас, между прочим, имеется дух насилия, разрушения и зла. За кого ты меня принимаешь, человек? — высокомерно произнес я, заворачиваясь в свой плащ. Уж очень я обозлился. — Я Пустынный Кода. Я могу, если хочешь знать, вызвать такой ураган, что от Боссонских топей не останется даже воспоминания. Все будет ровное, как сковородка. И присыпанное сверху песочком. Какой-то примитивный смерч вообще не стоит упоминаний.

Я, конечно, загнул, но он здорово меня разозлил. Ведь не первый же год меня знает, кажется, мог бы уже понять, что я вовсе не шучу, когда характеризую себя как прибежище зла и сеятеля стихийных бедствий.

Он сел. Взял меня обеими руками за уши и потерся носом о мою шерсть.

— Кода, — сказал он. — Я виноват. Ты настоящий герой, ты нас всех спас. Ты действительно великий злобный дух пустыни.

Я с достоинством высвободился.

— Это мне известно и без тебя, человек, — сказал я.

Из-под берега показалась Эрриэз — две торчащих косички, синяк под моргающим глазом. Я смерил ее взглядом. «Поняла, с кем имеешь дело?» — подумал я, не скрывая своего торжества.

Она, видимо, поняла. Потому что остаток дня я провалялся на травке, ковыряя щепочкой в зубах, а Эрриэз с Конаном, стоя по колено в ключевой воде, вдвоем оттирали котелок от подгоревшей каши.

* * *

Был уже поздний вечер. Мы решили провести на берегу черной речушки еще одну ночь и как следует отдохнуть после пережитых потрясений. В конце концов, торопиться нам было некуда.

Мы закончили дела, которые неизменно возникают в течение дня и которые Конан в минуты философских раздумий называет «хламом жизни», и теперь лениво развалились возле костерка. Жаркий свет костра заливал физиономию Конана, и я думал о том, что чертовски привязался к нему за эти годы и мне будет очень плохо и одиноко, когда его, наконец, убьют.

Неожиданно он насторожился. Сперва он замер, прислушиваясь к чему-то, потом поднялся на ноги и метнулся в кусты, росшие ярдах в пятнадцати от нашего лежбища.

Я ровным счетом ничего не слышал и теперь, привстав, изо всех сил вытягивал шею, пытаясь разглядеть, что же там происходит в темноте.

Наконец, до меня докатилась такая волна чужого страха, что меня чуть не стошило — уж на что я ко всему привычный!

Конан выволок из кустов белобрысую личность, у которой глаза на лоб лезли от ужаса, что придавало ею роже, и без того малопривлекательной, вид совершенно идиотский. Личность была выше Конана почти на целую голову и шире ровно в два раза. Я предположил, что это единственный, кто уцелел после моего стихийного бедствия.

Эрриэз встала, тревожно глядываясь в темные фигуры мужчин — Конана и его добычи.

— Сядь, — сказал я ей тоном бывалого рубаки. — Он его все равно сюда приволочет.

Я не ошибся. Белобрысый вскоре предстал перед нами. С ним можно было особенно не возиться. Я откинул капюшон, посмотрел на него своими круглыми светящимися в темноте глазами и подергал немногим носом — этого хватило. Я чуть не помер со смеху, когда он разинул рот, поспешно зажал его ладонями (каждая размером с лопату) и вытаращился на меня с диким ужасом.

Потом он шарахнулся в сторону и снова столкнулся с Конаном, который стоял на границе светового круга с мечом в руке, словно охраняя костер от ночного мрака.

Белобрысый заметался, теряя на ходу остатки своего (и без того не слишком мощного) рассудка. Наконец, выбрав из нас двоих человека, он бросился Конану в ноги.

Мой киммериец так растерялся, что я снова захочотал. Неожиданно Конан рявкнул на меня:

— Заткнись, Кода!

Я подавился.

Он отступил от громилы на шаг и еще более злобным голосом велел ему подниматься на ноги. Стоя на коленях, громила преданно мотал головой.

— Дурак, — со вздохом сказал Конан. Он обошел громилу по кривой и снова сел к костру. Пленник поспешил передвинуться так, чтобы стоять к нему лицом. Я заметил, что несмотря на свое сугубо мирное поведение, Конан все же держал меч наготове. Умница он у меня все-таки, подумал я растроганно.

Громила шумно вздохнул и помялся.

— Иди сюда, — негромко произнес Конан. Он уже успокоился и хотел кое-что выяснить.

— Не убивай меня, — пробубнил громила, не трогаясь с места.

Конан презрительно скривился.

— Кому ты нужен...

Громила осторожно подсел к костру, покосился на Эрриэз, которая глазела на него, по-детски приоткрыв рот, потом боязливо перевел взгляд на меня, и его передернуло. Надо же, какой чувствительный.

— Ты голодный? — спросил Конан.

Громила тупо уставился на него, словно не понимая, о чем его спрашивают. Конан вытащил из мешка кусок хлеба, немного подмокший, но вполне съедобный.

— Есть хочешь? — повторил он.

Громила осторожно потянулся к хлебу. Взял, подержал на весу и принял заталкивать в рот. Человек — ну что с него взять! Конан терпеливо ждал, пока он перестанет чавкать и, склонившись над мечом, лежавшим поперек его колен, к огню, смотрел, как корчится и догорает тонкая веточка. Мне показалось, что он был чем-то расстроен. Громила, наконец, расправился с хлебом. Не отводя глаз от огня, Конан заговорил с ним.

— Как тебя зовут?

Негодяя звали Хруотланд. Красивое имя. Осталось только сожалеть о том, что оно досталось полоумному убийце.

— Зачем вы напали на нас, Хруотланд? — спросил Конан так равнодушно, как будто речь шла о каких-то посторонних людях..

Хруотланд заморгал и снова приоткрыл рот. Отвечать он, судя по всему, не собирался. Конан машинально тронул свой меч. Этот жест не ускользнул от внимания громилы, который вытянул вперед руки, словно отстраняясь, и жалобно взывал:

— Не убивай меня, господин!

— Кром! — рявкнул Конан. — Где ты живешь?

— Местный, — с готовностью проговорил Хруотланд. — Мы все местные. Раньше по разным деревням жили, а теперь собрались в одну. Мало нас, жмемся поближе друг к другу...

— Зачем же вы на нас напали?

Белесые глазки Хруотланда бессмысленно замерли. Конан нахмурился, и неподвижное рыло этого тушицы снова ожило — от страха, надо полагать.

— Не знаю, господин, — произнес он с тяжелым вздохом. — Вы это... чужие. Да и нечистый с вами... — Он почему-то покосился при этих словах на Эрриэз, которая покраснела от негодования. — Девочка ваша тоже очень подозрительная. Кто вас знает, господин, — заключил он. — Мор, неурожай, то, се... Зачем рисковать, верно?

И он заискивающе улыбнулся. Вот ведь мерзость. Я вам тут устрою по полной программе — и мор, и неурожай. Все получите, голубчики, и в больших количествах.

Хруотланд замолчал, и я приметил, что он начинает косить глазами в темноту, помышляя о побеге. Но он боялся. Боялся человека, который не бил его, не ругал, не угрожал, а наоборот, угостил и предложил согреться у костра.

— Здесь есть какие-нибудь чародеи? — спросил Конан неожиданно.

Этот вопрос почему-то не вызвал у местного жителя приступа тупоумия.

— Был да помер, — ответил он с готовностью.

— Кто научил вас нападать на всех чужих?

— Не знаю, — тоскливо сказал Хруотланд. Я видел, что он и в самом деле не знает. — Вы ищете Чудовище, правда?

Он с надеждой уставился на Конана. Это была его первая попытка сделать самостоятельное умозаключение.

Конан сразу насторожился.

— В первый раз слышу о каком-то чудовище, — заявил он.

— Ну... Чудовище... — протянул Хруотланд.

Ему явно не хватало слов для того, чтобы выразить обуревавшие его чувства. — Змей, можно сказать... Удав! — выпалил он, вскинув прояснившиеся на мгновение глаза. Затем они снова помутнели, и он добавил упавшим голосом: — Ядовитый...

— Откуда оно взялось?

— Оттуда, — многозначительно прошептал Громила и замолчал, шевеля губами.

Конан вцепился в него мертвой хваткой. Наконец-то у зла появились и облик, и имя!

— Где оно, это ваше чудовище?

— Правильно идете, господин. Все прямо, прямо. За реку. Увидите.

Громила поднялся и втянул голову в плечи. Конан молчал угрожающе. Громила лихорадочно порыскал в своей памяти и выдавил:

— Вонючее оно...

Конан помолчал еще немного. Громила уже был готов пасть на колени, умоляя о пощаде. Наконец, Конан сказал:

— Убирайся отсюда... Смотреть на тебя противно.

Хрутланд не сразу осознал, что его отпускают на все четыре стороны, пока Конан не топнул ногой и не заорал на него, окончательно потеряв терпение:

— Убирайся, я сказал!

Громила шмыгнул носом и, пятясь, выбрался в темноту. Через секунду мы услышали топот — он удирал от нас со всех ног. Конан плюнул.

— Давайте спать, — предложил он и тут же начал устраиваться.

Я долго еще смотрел, как догорает костер. Спать мне совсем не хотелось. Эрриэз тоже долго не могла уснуть. «Ну вот, — подумал я специально для нее, — удав какой-то ядовитый выискался... Наконец-то мы нашли себе развлечение. Что скажешь?»

Эрриэз не ответила.

Глава седьмая Мы встречаем чародея

Прошел еще один день. Конан ни за что не хотел поворачивать назад. Кроме того, как я понимаю, его терзало любопытство. Ах, как это, право, интересно — угробиться, но перед смертью все же выяснить, кому и с какой стати не понравилось, что он решил прогуляться здесь в компании своих друзей?

Мой подвиг остался на берегу черной речки, и о нем никто уже не вспоминал. Мы шли втроем по бесконечной холмистой равнине. Ветер свистел у нас в ушах, тучи неслись, регулярно поливая нас дождем — жары как не бывало.

— Вон, впереди, видишь дерево? — сказал мне Конан.

Я видел дерево. На много миль вокруг тянулась равнина, когда-то распаханная, а теперь заросшая лебедой и ромашкой, и только одно дерево маячило впереди на холме. На него-то и указывал Конан.

— Вот там мы передохнем, — сказал он.

Я уныло кивнул. До отдыха, стало быть, не так уж близко, но с Конаном спорить не приходится. Даже Эрриэз идет молча, а мне, разметавшему в одиночку полчища врагов, вообще не пристало показывать свою слабость.

Я поплелся дальше. Когда конец пути виден, идти все-таки легче.

— Знаешь, Конан, — сказал я в порыве доброго чувства. — Ты хоть и профессиональный убийца, а все-таки хороший человек.

Не оборачиваясь ко мне, он подавился смехом. Я решил не обижаться. Привычка смеяться не вовремя — не самая худшая из его привычек.

Ромашки пахли оглушительно. У меня от них, по-моему, какое-то раздражение на ухе высокчило. Я отчаянно поскреб ухо пальцем. «Это у тебя от грязи», — злорадно подумала Эрриэз.

Я обернулся и посмотрел на нее в упор. Светлые жесткие волосы торчат, как перья, из-под мятого чепчика, нежно-лиловое пятно синяка расплывается по левой скуле, рубашка изодрана в клочья и вся в потеках пота...

— Ты бы хоть иголку с ниткой себе соорудила, — сказал я, не снисходя до обмена мыслями. — Оборванка. Стыдно рядом с таким пугалом в приличном обществе показаться.

— Ненавижу домашнее хозяйство, — ответила Эрриэз. — Пора бы уж это усвоить, Кода.

«А кто его любит?» — подумал я, пожал плечами и отвернулся. Эрриэз за моей спиной покраснела, но мне до этого дела нет. Пусть краснеет, если ей так хочется.

Я прикинул расстояние от нас до дерева — скоро ли обещанный привал. Получалось, что не очень скоро.

Когда мы поравнялись, наконец, с деревом и уже осматривались на ходу в поисках дров и кольев, поднялся ветер. Дерево зашумело. Деревья любят преувеличивать. Их чуть тронешь, а они уже шумят, пытаются произвести впечатления. Хотя в целом деревья, насколько я их знаю, не трусливы, от опасности не бегают. И не только потому, что не могут. Вот тут я могу хоть на что поспорить.

Так вот, наше дерево зашумело и, как мне показалось, запело на разные голоса. По стволу пробежала хроматическая гамма — от самых низких нот до самых высоких — и оборвалось яростным визгом. Ствол затрещал и начал раскрываться, как саркофаг, поставленный вертикально. Медленно разошлась кора, обнажилась полая сердцевина, и перед нами предстала высокая темная фигура.

Если судить по внешнему облику, это был человек, уже немолодой, очень крепкий, облаченный в темно-синий балахон, перетянутый четырьмя поясами, последний из которых, серебряный, сползал на бедра. Впрочем, какой из него человек? Разве человеку придет в голову спать стоя, да еще внутри дерева? Он стоял неподвижно, скрестив руки на рукояти большого меча, и глаза его были закрыты.

— Так вот чего нам не хватало, — пробормотал Конан.

Существо раскрыло глаза и тут же снова опустило веки. Но я почувствовал, что теперь оно наблюдает за нами, внимательно, с недобрым интересом.

Ветер снова зашумел в высоте. Существо вздохнуло и сделало шаг вперед. Потом еще один.

Бесцветный голос произнес:

— Ты Конан из Киммерии явился сюда незванным и творишь беззакония. Ты умрешь.

Существо протянуло руку и, не глядя, указало на моего Конана. Я похолодел. Кем бы оно ни было — чародеем, духом дерева, оборотнем — человеку против него не выстоять. Я даже присел от волнения и крикнул:

— Беги!

Конан сказал:

— Все в порядке.

Он даже не посмотрел на меня. Холодными синими глазами он разглядывал вылезшее из дерева чудище, которое было, с моей точки зрения, тем более жутким, что, за исключением некоторых неуловимых черт, очень напоминало человека.

«Убьет... Оно убьет его!» — в панике подумала Эрриэз.

«Без тебя тошно», — мысленно огрызнулся я.

Чародей поднял меч, и я услышал визг. Я обернулся. Эрриэз стояла, крепко скав зубы, но голос был ее. Никогда раньше не слышал, чтобы визжали про себя. «Хорошо, что Конан не умеет читать мыслей,» — подумал я, уже в который раз.

Киммериец обнажил меч. Сталь радостно вылетела из ножен, и над холмом зазвенела высокая певучая нота. Так звучал бы голос молодой девушки, если бы ей вздумалось запеть боевую песню какого-нибудь дикого племени, в которой и слов-то нет, один только яростный клич.

Песня утонула в лязге металла. Я бросился к Эрриэз, потому что вдруг понял, что стою слишком близко к сражающимся, и для меня это может плохо закончиться. Позабывши, таким образом, о себе, я стал переживать за Конана.

Синий чародей был выше его на целую голову, и меч его был длиннее, чем у моего друга. Конана такие мелочи не смущали. Но негодяй, который отсиживался в дубе, мог пустить в ход магию, а это было гораздо хуже.

— Эрриэз, — сказал я, — ты можешь что-нибудь сделать?

Ее нечесаные желтые перья взметнулись из-под чепчика, так резко она мотнула головой.

— Очень сильный защитный заговор. Не пройтись. Он заговорен от мужчины, женщины или ребенка, от всякой нечисти, от белой и черной руки...

Девушка вглядывалась в высокую фигуру с мечом, которая наступала, все время наступала, методически и хладнокровно пытаясь убить Конана. Больше это чудище, похоже, ничем в жизни не интересовалось.

Эрриэз, слегка щуря глаза, перечисляла наложенные на него заклятия, считывая их с чародея, как с листа бумаги.

— ..От живых и от мертвых, от порождений болот, рек и озер, и водных ключей из-под земли; от детей леса, луга и поля и человеческого жилья; от дикого отродья безводной пустыни...

Мы переглянулись. Эрриэз покраснела, как будто ляпнула что-то неприличное. Вечно меня называют «отродьем». Слов других нет, что ли? И все-таки приятное чувство шевельнулось во мне: я, стало быть, представляю опасность, если даже на Боссонских топях меня не забыли включить в заговор.

— Чему ты радуешься? — укоризненно сказала Эрриэз. — Тщеславный ты, Кода. Теперь и ты не сможешь помочь...

— Сила не только в магии, — проворчал я. — Магия — это как лук со стрелами. Лишь бы в руки попала, а там уж любой дурак сумеет выстрелить.

— А что у тебя есть, кроме магии? Без нее тыничто. Так, зверек, не лучше тушканчика.

За «тушканчика» она еще склоняется — в другом месте и в другое время. Пока же я ограничился тем, что посмотрел прямо в ее бесстыжие глаза и небрежно заметил:

— Кроме магии, дитя мое, существует еще ум.

Она уже собиралась сказать, что ум, может быть, где-то и существует, только не в моей лопоухой башке, но вместо этого вдруг вскрикнула:

— Он же ранен!

Медлить больше было нельзя. Я сказал:

— Ты слышала пение перед началом боя?

Она кивнула.

— Кто это пел?

— Меч Конана, Атвейг — таково ее имя. Это не мужчина, не женщина, не ребенок... Она не живая, но и не мертвая...

Как бы подтверждая мои слова, Конан неожиданно нанес чародею сильный удар и задел его, потому что раздался злобный крик.

— Думай о его мече, — торопливо сказал я. — Вложи свои силы в него. Попробуй, Эрриэз. Зови Атвейг, она должна откликнуться.

Она прикусила губу. Я видел, как девушка пытается слить свои силенки с полоской стали, мелькавшей в руках человека. Я так и не понял, удалось ей это, или же Конану не потребовалась посторонняя помощь, но чародей упал, заливавшись кровью, густой, бурого цвета.

Мы с Эрриэз подбежали к нему. Конан стоял над колдуном, расставив ноги, опустив меч к горлу побежденного. Волосы его слиплись от пота, а тонущие в тени глаза были неподвижны.

Чародей дышал с трудом и все время косил глаза на меч, приставленный к его горлу. Физиономия у него была гнусная — словно на уродливую рожу натянули чулок.

— Убери меч, — приказал он своему победителю гулким голосом, и я услышал отзвуки той самой хроматической гаммы, пробежавшей по дереву, когда оно отворялось.

Конан словно не рассыпал.

— Убери меч! — взвизгнул колдун.

— Я не собираюсь убивать тебя, — спокойно отозвался Конан, однако не шевельнулся.

— Это оружие может выйти из-под твоей власти, — сказал колдун. Он просто посинел от страха, и в глубине души я его понимал.

— Может быть, и мой меч и не захочет тебя убивать, — сказал Конан. — Ты знаешь, о чем я хочу спросить тебя?

Колдун немного помолчал. Глаза его опять съехались к переносице. Атвейг шевельнулась в руке Конана. Тогда колдун поспешно произнес:

— Спрашивай.

— Кто были те люди, что напали на нас у реки?

— А, это... — Мне показалось, что колдун вздохнул с облегчением. — Это местные жители. Те, что приспособились к новым условиям.

— Новые условия — твоих рук дело?

— Отчасти.

— Кто вы такие?

— Мы разные, — уклончиво сказал колдун.

— Вас много?

— Нет. Честное слово, нет.

— Что вам нужно?

— Сущий пустяк. Мы следим за тем, чтобы все оставалось, как есть.

Конан сделал вид, что теряет терпение. На самом деле — это я хорошо знал — он мог задавать вопросы часами, вытягивая нужные ему сведения по капле.

— Что такое Чудовище?

Колдун немного помолчал, потом пробормотал с тяжелым вздохом:

— Некто, посягнувший на артефакт, кото-

рый содержит в себе жизненные силы Боссонских топей...

По глупости и небрежности люди утратили священные руны, выбитые на клинке, который здесь именовали «Мечом Викланда». (Конан даже не поинтересовался, кто такой Викланд! Будь здесь Гэлант Странник, разговоров о Викланде и его мече хватило бы до самой ночи, но увы! Киммерийца занимают лишь те подробности, которые имеют непосредственное отношение к делу).

Спасти Боссонские топи от окончательного вырождения можно лишь одним способом: вернув волшебный меч. Чудовище Южных Окраин, гигантский змей, похитило вышеупомянутый клинок, обвилось вокруг него кольцами и неусыпно стережет. Никто в точности не знает, когда и по чьей вине это произошло. Хранители меча жили в лесном доме, где имелось небольшое святилище. Их нашли мертвыми среди пепелища. Охотник один нашел.

Конан спрашивал и спрашивал. Колдун отвечал кратко и неохотно, но удалось выяснить, например, такие существенные подробности: Меч Викланда является магической картой этой земли. На нем обозначены реки, деревни, леса и болота. Тело чудовища ядовито. Оно медленно душит страну, отравляет ее.

— Откуда оно взялось? — спросил Конан. — Кому служит?

— Оно жило здесь всегда, — злорадно сообщил колдун. — Люди были злы и жестоки друг к другу, и оно сумело вылезти на поверхность.

Вы сами выпустили его на свободу. Оно не служит никому. Зло самоценно и самодостаточно, оно развивается там, где люди готовы принимать его правила.

— Зачем местные жители напали на нас у реки?

— Они не ведали, что творят. Это я хочу помешать тебе идти твоей дорогой, потому что рано или поздно ты доберешься до Змея. Ты настойчивый.

Конан немного подумал.

— Почему же никто прежде не пытался убить его?

В нечеловеческом голосе, отвечавшем Конану, зазвучало торжество:

— Змей слишком велик для здешних людей. Они выродились прежде, чем успели это понять.

— А нечисть?

— Нечисть труслива, — злобно сказал колдун. — Убери же свой меч, Конан.

Конан отвел острие в сторону и поморщился, глядя на колдуна.

— Ладно, — сказал он. — Постарайся сделать так, чтобы мы с тобой больше не встречались.

Негодяй, валявшийся на окровавленной траве у ног моего друга, совершенно расслабился, когда до него дошло, что тот, по своей всегдашей глупости, решил оставить его в живых. Колдун перестал следить за собой, и я без труда прочел его мысли. Не такой уж это был могучий чародей, если задумал убить человека ударом в спину.

Я встретился глазами с Эрриэз и понял, что она тоже это слышала.

— Конан! — позвала она, тронув его за руку. Он посмотрел на нее словно издалека.

— Что тебе, Эрриэз?

Она указала растопыренными пальцами на колдуна, который беззвучно шевелил губами.

— Убей его!

Ровным голосом Конан ответил:

— Я не могу убить безоружного.

Я отчетливо различал заклинание на смерть и неудачу, которое бормотал побежденный маг.

— Это он-то безоружный? — возмутилась Эрриэз.

— Да, — сказал Конан.

Для него все, у кого в руках нет меча или, на худой конец, топора, абсолютно беззащитны.

И тогда Эрриэз поняла, что нужно делать. Она сжала кулаки; ее бледное личико, усталое и, боюсь, не слишком тщательно умытое, вспыхнуло; светлые глаза, не привыкшие видеть солнце каждый день, вдруг загорелись. Выдох пламени понесся от нее, и дерево ответило шелестом, чародей — стоном, а Конан — взглядом ей навстречу. Но Эрриэз смотрела не на них.

Она выкрикнула срывающимся голосом:

— Атвейг!

Меч в руке Конана пронзительно запел, и голос Эрриэз слился с голосом оружия. Впервые в жизни Атвейг вышла из-под власти своего владельца — может быть, потому, что отвечала любовью на его любовь и тоже знала о мыслях чародея...

Конан посмотрел на убитого. Рот колдуна раскрылся, глаза побелели, словно радужная оболочка растворилась. Конан молча выдернул меч

из его горла, вытер клинок о траву и тяжело опустился на землю.

Я осторожно подсёл к нему.

— Он ранил тебя, Конан?

Конан отмолчался. Он даже не взглянул в мою сторону. Мне почему-то показалось, что он сейчас никого не хочет видеть.

Глава восьмая Коварный Гrimнир

С тех пор, как мы разделились с колдуном, препятствия нам больше не встречались. Мы шли уже целый день, и никто не нападал на нас ни сверху, ни сбоку, ни снизу. Однако бдительности терять не следовало, и потому мы постоянно озирались по сторонам и прислушивались. Не то враги наши стали осторожнее, не то они струсили, поняв, что ни с какого боку нас не возьмешь, только никто не показывался. А может, они вообще иссыкли.

Так я размышлял, пока мы шли по хорошей лесной дороге.

Но не успел я подумать о том, что эти кровавые псы, учтя наш запах, поджали свои облезлые хвосты, как увидел свисающие с небес ноги. Собственно, свисали они, если приглядеться, не с небес, а с ветки, протянувшейся над дорогой. Две ноги в сапогах чудовищного размера. Они лениво покачивались. Потом на дереве кто-то завозился.

Мы сбились в кучу и задрали головы. Кто-то тяжелый лег животом на ветку и высунул к нам свою башку, открывая для обзора черную повязку через один глаз, усы и прочие достопримечательности физиономии Гrimнира.

— Привет, — басом проговорил он. — Доб拉-лисъ-таки. Боевые вы ребята, как я погляжу.

— Гrimнир, — удивленно сказал Конан. Я увидел, как мгновенно пропала вся его настороженность. Доверчивый он все-таки. — Как ты сюда попал?

С дерева донесся радостный гогот. Затем этот громила, страшно довольный собой и своими поступками, заявил:

— Тут имеется кружная дорога, по которой никто не ходит... Кроме меня.

Я просто вышел из себя, когда услыхал такое.

— И ты не мог нас предупредить? А если бы мы погибли?

— Я оплакал бы вас, — сообщило это чудо искренности. — Конан хороший воин. Я сожалел бы о его гибели.

Я даже подпрыгнул.

— Трус! — выкрикнул я. — Отсиживался за нашими спинами! Не мог даже помочь нам, когда мы тут сражались с полчищами! Проклятые злодеи лезли со всех сторон!.. А ты!..

Подскакивая внизу и всеми силами души желая вцепиться в плохо выбритое горло Гrimнира, я выкрикал самые черные проклятия. Я желал его верблюду переломать себе ноги, а ему самому сдохнуть от жажды возле ничейного ко-

лодца. Он свешивался с ветки и оглушительно хохотал.

И вдруг, выкатив свой единственный глаз, который вполне мог бы принадлежать какому-нибудь пьянице, — светлый, с красными прожилками — Гrimnir рявкнул:

— Не мог! Не мог я вам помочь!

От неожиданности я даже присел с полуоткрытым ртом. А потом завопил прямо в его усатую морду:

— Почему? Объясни тогда! Почему?

Гrimnir тоже заорал, сверкая крупными желтыми зубами:

— Потому! Тот, кто взялся за это дело, должен решить все для себя сам!

— За это дело еще никто не взялся! — крикнул я.

— Не уверен! — вопил Гrimnir. — Не уверен! А убить Чудовище может только человек! И никто иной! Понял ты, недоумок лупоглазый?

Взбешенный до полуобморочного состояния, я заорал:

— А имя данного героя должно начинаться на букву «К»! Иначе ничто не поможет! Да? И он непременно должен быть киммерийцем — и никак иначе! Да?

— Так ты киммериец? — удивленно проговорил Гrimnir, обращаясь к Конану. — А сам ни словом не обмолвился.

Конан смотрел на него без улыбки и молчал.

— Кстати, он не просто киммериец — он в душе очень мирный человек и ненавидит всякую войну, — сообщил я.

Гrimnir фыркнул. Я видел, что он мне не поверил.

— В любом случае, — заявил он, — твой друг — просто находка, маленький, преданный Кода. Ведь все местные жители трусливы, как распоследние цверги. От одного только слова «змей» они лезут под стол и заворачиваются в скатерть.

Гrimnir спрыгнул на землю. Мне показалось, что несчастное дерево вздохнуло с облегчением. Великан обтер о штаны испачканные в смоле руки и радостно ухмыльнулся.

— Я рад тебя видеть, Гrimnir, — сказал, наконец, Конан. — Прости за неуместный вопрос: ты сам разве не человек?

— Нет, разумеется, — беспечно откликнулся Гrimnir. — Ты разве еще не догадался?

— Я не занимаюсь разгадыванием чужих тайн, — сказал Конан. — Когда я слышу: «Это Гrimnir, странствующий воин», я, как правило, верю на слово.

Гrimnir ничуть не смущился.

— Я действительно странствующий воин. Но этим моя личность далеко не исчерпывается... Ну что, пошли?

Он затопал по лесной дороге, возглавив наш небольшой отряд. Мне совсем не хотелось идти за этим вероломным типом, но Конан принял его приглашение, не задумываясь, а бросать друга в трудную минуту, когда одной его храбрости мало и явно требуется еще немного ума — нет, такое не входит в мои привычки.

Я видел, что могучая магия, которой, несомненно, обладал этот Гrimнир, в данном случае ни при чем. Конан пошел за ним добровольно. По крайней мере, в этом Гrimнир вел себя честно. В случае чего напущу на него холеру, подумал я. Дождусь, чтоб он расслабился и перестал контролировать влияния извне, и напущу. Будет знать, как проявлять вероломство.

Гrimнир вывел нас к вырубке, посреди которой стояло нечто вроде избушки. Вырубка успела зарости сорными кустами и прочей жизнерадостной дрянью, вроде сочной травы в человеческий рост. Все эти поросли скрывали под собою пни и вывороченные корни, так что пройти по поляне и не переломать себе ноги могло считаться своего рода искусством.

Домик состоял из хлипких стен и крыши, которая протекала — это было заметно даже в сухую, ясную погоду. Имелась там огромная печь, зато труба отсутствовала, и поэтому бревна внутри этого чрезвычайно уютного жилища были покрыты копотью. Черные жирные пятна покрывали также солому, заменившую постель. Крохотное окошко залеплялось в случае непогоды маленьким ставнем.

— Прошу, — сказал Гrimнир, толкнув низенькую дверь.

Он стоял возле избы с таким видом, будто предлагал нам посетить один из дворцов Шадизара.

Конан нырнул в дом. Проходя вслед за ним мимо Гrimнира, я не удержался — посмотрел на него с подчеркнутым удивлением и покачал го-

ловой. Великан, разумеется, не обратил на это внимания.

В комнате водилось огромное количество комарья. Оно гнездилось в кустах неподалеку от дома. Представляю себе, как эти твари обрадовались нашему появлению. Ненавижу кровососущих. Во-первых, они забиваются в шерсть. А во-вторых, уши от укусов очень чешутся и распухают, что отнюдь не служит мне украшением.

Эрриэз уже разлеглась на соломе. Рожица у нее стала блаженная, словно она попала домой к папе с мамой.

Я подтолкнул ее в бок.

— Чему ты радуешься?

— Гrimнир здесь, — сказала она задумчиво. — Теперь все будет в порядке.

Как же, все будет в порядке. Не доверяю я существам, чей рост превосходит мой втрое. В два, ну — в два с половиной раза — еще куда ни шло, но выше — сигнал тревоги. Гrimнир наверняка так устроит, что Конана под конец авантюры ждет верная гибель, а плоды его победы загребет сам великан. Знаю я таких. Интересно, что Эрриэз в нем нашла? Возможно, Гrimнир вообще — тролль.

— Кто он такой? — спросил я. — Он тебе родня?

Она подавилась смешком, но промолчала. Надо же, какая таинственность.

— Ты хоть давно его знаешь?

— Давно, — нехотя сказала она. — Всю жизнь. Он могущественный. Отвяжись, Кода.

Я понял, что больше из нее ничего не вытя-

ну, развалился на грязной соломе и стал гонять комаров.

Конан принес дров. Они с Гrimниром завозились возле печки, переговариваясь на сугубо мирные темы. Я дремал, кусаемый комарами, под сладкую музыку домашних хлопот.

— В печке какой-то мусор, — сказал Конан. — Надо бы ее вычистить. А то будет здорово дымить.

— Не лезь голыми руками, — буркнул Гrimнир, — здесь должна быть кочерга.

Они долго гремели поленьями, а потом Конан вытащил кочергу и тут же уронил ее Гrimниру на ногу. Великан взывил и сделал попытку убить моего друга, но врезался своим могучим кулаком в печь, едва не разворотил ее, после чего заметно успокоился.

— Киммериец косорукий, — проворчал он. — Я бы тебе с удовольствием отрезал и руки, и ноги, и голову заодно, чтоб не мучился. Все вы годитесь только грабить мирных жителей.

— Вот это точно, — сказал Конан, хмыкнув.

Гrimнир дунул в печку, подняв тучу пыли, копоти и мусора, порылся в куче золы и извлеч несколько обгоревших пряжек. По поводу этой находки можно было строить самые различные предположения, но Конан не стал этим заниматься. Он поджег хворост, и из печки повалил едкий белый дым. Всю комнату заволокло. Потом огонь пришел в себя, расправился, и дым уполз в открытую дверь, расстилаясь по траве у порога. Комары, понятное дело, мгновенно исчезли.

— Все предусмотрено, — сказал по этому поводу Гrimнир и гулко закашлялся.

Глава девятая Чудовище

Накануне я нашел в закопченном доме целый бочонок меда и объелся. Наутро у меня начался жар. Лежа в углу, я слушал, как Гrimнир перегружается с Конаном, и каждое их слово болезненно резало мне слух. «Наверное, я смертельно заболел, — подумал я в ужасе, — а как же чудовище? Я ведь не допущу, чтобы мой человек отправился на подвиг без меня. В конце концов, я ведь тоже что-нибудь значу, верно?»

Все происходило именно так, как я и предполагал. Конан хотел, чтобы я остался дома с Гrimниром и Эриэз и никуда не ходил, а лежал бы на соломе и всячески берег себя. Но я протестовал, кричал о людской неблагодарности, мотал ушами, визжал, разбрызгивая слезы, и колотил его кулаками по груди.

В конце концов, это возымело действие. Конан взял меня за руки, сильно стиснул их и велел заткнуться. Когда у него делается такое лицо, то его лучше послушаться. Я сразу замолчал, и только слезы продолжали бежать из моих глаз. Конан выдержал паузу, потом отпустил мои руки и повернулся ко мне спиной. Я благодарно шмыгнул и поклялся про себя, что буду молчать всю дорогу и вообще стану очень сдержанным.

Гrimnir подошёл к нам.

— Конан, — начал он, — послушай.

Конан поднял голову и взглянул на него. Grimnir был выше его едва ли не на голову и намного шире в плечах: человекообразное создания размером приблизительно с небольшой дом.

— Эта гадина слепая, — сказал Grimnir, и мы поняли, что он говорит о змее. — Ни в коем случае нельзя прикасаться к нему руками. Он прозреет, как только человек дотронется до него. А если он прозреет, это, считай, верная гибель. И еще учти — он ядовитый, просто считается ядом.

Я видел, как синие глаза Конана потеплели — он был благодарен Grimniru. А великан хмурился, как будто сам на себя сердился.

— Я отдаю нашу землю в твои руки, — продолжал Grimnir. — Здесь будет так, как решишь ты. Запомни это. Будет так, как ты захочешь. Иди.

И мы отправились убивать Чудовище.

Я видел все сквозь жар, голова у меня гудела, земля вокруг качалась, и плавающие деревья никак не могли принять четкие очертания. Я пришел к выводу, что смерть близка, и стал равнодушен к своей судьбе.

Конан скользил между стволами, как тень. Я тихонько шагал следом. День был туманный, мгла скрадывала все звуки.

Конан остановился и поманил меня к себе поближе. Не раздумывая, я послушно подбежал к нему, хотя такая скорость передвижения да-

лась мне нелегко. Я встал рядом с ним и покосился на него сверху вниз, ожидая, что он похвалит меня за такое примерное поведение. Но он смотрел куда-то вперед.

Впереди, среди ярко-зеленых мхов, лежало оно. Чудовище Боссонских топей. Я сразу узнал его. Не догадаться было невозможно.

Болотце, которое оно облюбовало, было небольшим, но если у несчастья может быть центр, то выглядеть он должен именно так. Среди голых деревьев с пожухлыми листьями, среди клочьев гнилого тумана, ядовитым пятном светился неправдоподобно зеленых мох. Прямо из мха росли яркие, огромные цветы, и в них чудилось что-то зловещее.

А посреди болотца дрыхло Чудовище, такое же мясистое, как эта растительность. Огромный желто-черный змей с жирным, лоснящимся брюхом. Мы смотрели, как это брюхо трепещет, раздуваясь и опадая, как перекатывается что-то под кожей. Из-под крупных чешуй струился бесцветный яд, который придавал всему телу гада маслянистый оттенок.

Он почивал на мече. Мы осторожно обошли болотце кругом, разглядывая поле предстоящей битвы.

Меч Викланда меньше всего был похож на настоящее боевое оружие. Огромный — никому, даже Grimniru, что бы он там из себя ни строил — не удержать его. Это был широкий двуручный меч с одним только лезвием и тупым концом, как будто сталь просто обрубили но-

жом. Судя по форме, Меч Викланда был мечом палача.

— Хорошо, что оно слепое, — шепнул я. — Оттяпать ему башку — и бежать. А, Конан?

Теперь он стоял прямо перед головой сонного змея. Тупая морда, слепые спящие глазки, сухие губы, наползающие на клыки. Конан присел на корточки и заглянул змею прямо в морду. Меня охватило тревожное предчувствие. Сейчас этот упрямец сделает нечто ужасное.

— Ты знаешь, Кода, — сказал он задумчиво, — ведь если ему прямо здесь отрубить голову, то кровь, пожалуй, хлынет прямо на меч...

— Это тебя Гrimнир надоумил?

— Нет, при чем здесь Гrimнир... Ты знаешь, Кода, — повторил он, — ведь если эта дрянь затопит своей кровью меч, то, пожалуй, от Боссонских топей вообще ничего не останется...

— Ну и что ты предлагаешь?

— Его нужно отсюда сманиТЬ.

Теперь мне все было ясно. Вот почему убить Чудовище мог только человек. Никому, кроме человека, не пришло бы в голову думать не только о своей победе, но и о ее последствиях.

— Конан! — в ужасе просипел я. — Во имя Сета Кровожадного, что ты задумал, несчастный?

Но он больше не обращал на меня внимания. Он разглядывал змея, сидя перед ним на корточках. Не понимаю, как его не стошило. Словно в тумане я видел на фоне ядовитых цветов

его крепкую фигуру, загорелое лицо, его черные растрепанные волосы.

Змей что-то поччял. Он поднял слепую голову и беспокойно начал водить ею, то вправо, то влево. От ужаса я сел прямо в лужу.

— Ах ты, симпатяга, — сказал змею Конан. И, протянув руку, погладил его по раздувающимся ноздрям.

Белесые глазки медленно раскрылись, и я понял, что теперь оно видит. По жирному телу пробежала дрожь. Конан встал, держа в руке свой меч. Змей ударил по болоту, разбрызгивая воду. Над лесом поплыло зловоние.

Огромное тело с удивительной быстротой заскользило вперед, сползая с Меча Викланда. Конан помчался прочь, уводя чудище подальше. Человек ловко петлял между деревьев, а змей проворно следовал за ним. Там, где монстр проползал, оставалась выжженная полоса. Скоро я потерял их из виду.

В голове у меня стучало. Проклятье, почему я так люблю сладкое? Коварный Гrimнир накормил меня медом, и теперь я ничем не смогу помочь своему другу, погибающему в ядовитых кольцах змеиного тела.

Лес вокруг меня молчал. Я вцепился в ствол — почерневший, как будто его долго лизали драконы, и с трудом поднялся на ноги. Нужно найти вырубку, вернуться в дом и позвать на помощь. Пусть этот Гrimнир не имеет права вмешиваться в судьбу Боссонских топей, которые вымирают у

него на глазах, но помочь хорошему человеку никакие религиозные правила еще не запрещали.

Ковыляя от ствола к стволу, я двинулся в сторону дома. В лесу я совершенно не умею ориентироваться, поэтому я шел на голос Эрриэз, которая где-то неподалеку думала о какой-то ерунде.

Сделав еще несколько шагов, я совершенно неожиданно очутился в объятиях Гrimнира.

— Ты что, ранен, Кода? — пробасил он, хватая меня своими ручищами. — Чего это тебя так мотает?

— Это все мед, — ответил я. — У меня жар... Гrimнир, если ты не можешь сам убить змея — обойдемся... Трусость — черта любой нечистой силы, мы с этим рождаемся, я понимаю... Но если Конан уже умер... У тебя есть знакомые среди богов? Давай предложим им какую-нибудь взятку.

Гrimнир вдруг содрогнулся и как-то странно хрюкнул.

— Спаси моего Конана, и милости Сета пребудут с тобою... — заключил я, уже угасая.

— Очень нужны мне милости твоего вонючего Сета, — фыркнул Гrimнир. — Куда он побежал?

Я уже слабо понимал, о чем он говорит.

— Кто?

— Твой Конан, вот кто! — зарычал Гrimнир, шевеля усами.

— Там след... выжженный. Легко найти.

Гrimнир оттолкнул меня и бросился бежать. Я сел на землю и посмотрел ему в спину. Но он

уже исчез, я даже не успел понять, как. Сколько я ни вертел головой, вокруг не было ничего, кроме черных голых стволов и клочьев тумана, шевелившихся на сырой земле. Поганое здесь место, и оно так не похоже на мою родную пустыню.

Если бы не болезнь, я не впал бы в отчаяние. Как истинное дитя песков, я верю в предопределение. Я никогда не позволял себе бунтовать против судьбы, даже когда люди черных шатров гнали меня, как дикого зверя, когда они вязали и морили меня голодом, я все равно встречал свою участь с высоко поднятой головой. Но тут проклятая хворoba просто подкосила меня под корень, и я, уже не скрывая страха, закричал противным визгливым голосом, расплываясь от слез и призывая на помощь.

— Ты чего надрываешься? — спросила Эрриэз.

Интересно, откуда она взялась, подумал я смутно. Такая она была знакомая, ясная, домашняя в своей полосатой юбке и холщовой рубашке с закатанными рукавами. Прямо-таки родная, несмотря на все ее недостатки. Я всхлипнула и с постыдным воем бросился к ней.

— Эрриэз, — прорыдал я, — все кончено, все погибли.

Она присела передо мной на корточки.

— Не может этого быть, Кода, — сказала она ласково, словно перед ней было несмышленое дитя, а не грозный дух разрушения и зла. — Туда же пошел Гrimнир...

Бедный Гrimнир, подумал я в глубокой тоске, понадеялся на свой рост, глупый великанин-

ка... И все потому, что он не видел змея. Тут и десяти Гrimниров не хватит.

— И Гrimнир погиб тоже, — уныло сказал я.

— Гrimнир жив-здоров, — заявила она с уверенностью, которая меня удивила.

Ну да, почему тут удивляться, она просто не знает, с каким монстром мы тут связались.

Она встала и помогла подняться мне, заметив попутно, что я, оказывается, заболел и весь горю. Спасибо, Эрриэз, а то я не знал. Мы побрали назад. Эрриэз шла впереди и тащила меня за собой. Я уже ничего не соображал. Я даже не мог сказать, долго мы шли или не очень. По мне так, прошла целая вечность.

В доме на вырубке что-то неуловимо изменилось. Глядя на него от края леса, я пытался сообразить, что же меня так насторожило. Ведь не выросли же у него за время нашего отсутствия куриные ноги. Внешне он остался, вроде бы, таким же. Все так же чернели стены и производила все такое же прискорбное впечатление крыша.

И неожиданно я осознал: из-за бревенчатых стен непрерывным потоком сочились чьи-то мысли. Кто-то был там, в доме, и я не мог понять, кто именно и сколько их. Мысли были одинаковые. Полотно для перевязки. Горячая вода. Противоядия. Чистое белье. Что для холода — болотный мох или свежие листья? Если бы они не наплывали одна на другую, можно было бы подумать, что там только одно существо. Я посмотрел на Эрриэз и с удивлением заметил,

что и ее голосок подключился к этому неспешному потоку размышлений. Там были женщины. Ведь только женщины, даже если это и ведьмы, живут в таком простом, добротном и вечном мире вещей. Ни мне, ни Конану даже в голову не пришло делать то, чем они сейчас занимались. А для них это было чем-то таким же естественным, как дыхание.

В доме действительно за время нашего отсутствия произошло многое перемен.

Гнилая солома, мусор из печки, грязные лоскуты и та необъяснимая дрянь, которая сверхъестественным образом появляется в заброшенных домах, — все это исчезло. Выскобленные до белизны нары были накрыты чистым полотном. Дом был протоплен, но дымом почему-то не пахло. И бесшумно сновали по единственной комнатке женщины. Я так и не понял, сколько их было — пять, семь. Они работали быстро, слаженно, ловко, ничуть не мешая друг другу в тесноте, и все у них получалось легко и красиво. Их белые руки летали над полотном, над ведрами с водой, над какими-то чистыми вещами из глины и бересты.

От них пахло свежестью. Они были разного возраста — и совсем старые, и средних лет, и даже одна девочка была моложе Эрриэз — но все они были одного роста, в похожих полосатых юбках и полотняных блузах с вышивкой, с одинаковыми волосами цвета соломы, заплетенными в косы и уложенными венцом. И глаза тоже у них были похожие, светлые, покорные, видев-

шие много зим. И голоса звучали так, словно это был один и тот же голос.

Я забился в угол, поближе к печке. Наша Эрриэз, несомненно, была им сестрой или дочерью. Но она, оборванная, загорелая, с пятнами сажи на коленях и блузе, казалась рядом с ними нелепым недоразумением. Она была как подменыши в этой красивой семье.

И теперь Эрриэз стояла посреди комнаты, опустив в растерянности свои исцарапанные руки, а женщины сновали мимо и ни разу не задели ее. Потом она беспомощно оглянулась и, заметив меня, присела рядом, обхватила колени и уткнулась в них лицом.

Я не стал ее ни о чем спрашивать. Рядом с этими женщинами я и сам казался себе чумазым недотепой.

— Они пришли, — неожиданно сказала Эрриэз, всхлипнув.

Я покосился на нее. Она исподлобья подсматривала за женщинами, вздрагивая от волнения.

— Кто они такие, Эрриэз?

— Моя семья. — Она повернулась ко мне и зашептала: — Я так счастлива, Кода. Я так давно не видела их. Видишь ли... — Она густо покраснела и с трудом вымолвила: — Я неряха. И всегда была такой, с рождения. Сперва я вытираю полотенцем чашку, потом протираю им же стол, потом — лужу на полу, а под конец в него же сморкаюсь... Забываю, что ли... — Она слабо улыбнулась. Она не плакала, но губы у нее почему-то распухли и нос покраснел. — Они вел

ли мне уходить и жить среди людей, не позорить семью... И я стала такой, как люди.

— А люди, — подхватил я, — такие же, как эта земля.

Эрриэз подозрительно прищурилась.

— Ты сам дошел до подобных мыслей, Кода?

— Нет, — признался я. — Это Гrimнир так говорит.

Гrimнир, Гrimнир... Никогда ни с кем нельзя ссориться. Потому что никогда не знаешь, кто следующий станет покойником, и вот уже тебя терзает совесть за то, что ругал беднягу скотиной и по-всякому, а он лежит теперь под дождем в тумане бездыханный и ничего не может тебе ответить...

У входа послышалась возня, сопение и басовитое ворчание. Одна из женщин стремительно распахнула дверь. Вторая незаметно оказалась рядом, готовая помочь.

Пригнувшись, в дом вошел Гrimнир. Он быстро огляделся по сторонам, и усы его встопордились. Я увидел, что он держит на руках человека, завернутого в плащ, и вскочил.

— Сядь, — бесцветным голосом приказала Эрриэз, — они сделают все, что нужно.

— Это же Конан, — сказал я. — Слушай, Эрриэз, он ведь умер.

— Может быть, и умер, — сказала она. — Разве это так уж важно?

Я покосился на эту ненормальную и немного отодвинулся от нее — на всякий случай.

— Для кикиморы это, — может быть, и неваж-

но, — сказал я наконец. — Но люди, Эрриэз, умирают навсегда.

Они развернули плащ и уложили моего друга на чистое полотно. Сквозь грязные лохмотья, в которые превратилась его одежда, я увидел пузыри ожогов, покрывшие все его тело. На левом плече кожа была содрана, а через грудь тянулись четыре глубоких пореза, посиневших и распухших — от яда, надо полагать.

Лицо у него заострилось, глаза провалились. Не изменились только густые жесткие волосы.

Потом его заслонили от меня женщины. Они хлопотали, что-то передавали друг другу, не громко переговаривались. Звонко рвалось полотно, и ни одной нитки не упало. Аккуратно плеснула в чистой глянциной плошке вода.

Я не смотрел и старался не слушать. Для меня не существовало больше ни самообладания, ни гордости, ни фатализма. В один миг я растерял все свои добродетели. И пусть я дух пустыни, пусть я сеятель раздора, болезней и всяческого горя. Пусть я раскидывал по пустыне руины древних городов, наводя ужас на беспощадных аскетов. Сам пророк Фари закрылся в своей гробнице, когда я с хохотом пролетел мимо на крыльях песчаной бури... Но теперь я уткнулся носом в угол жалкой хибары, сидя возле ободранной печки, и молча, безутешно рыдал.

Глава десятая Гном и великан

Я услышал под стеной дома странный свист и приоткрыл один глаз. Женщин, совершивших возле моего погибшего друга свой таинственный обряд, нигде не было видно. Исчез и Гrimnir, что меня немного порадовало (насколько я вообще мог радоваться в подобной ситуации). Я открыл второй глаз и окончательно проснулся.

Все тело у меня ныло, потому что накануне вечером, обессиленный слезами и горячкой, я уснул прямо в углу возле печки, не заметив, что под бок мне закатилось полено. И теперь было такое впечатление, будто меня этим поленом крепко поколотили. Жара у меня уже не было. Я хоть и был довольно слаб, но не горел и вообще подавал надежды на скорое выздоровление.

Свист повторился. Я сел. Было уже утро, о чем я судил по лучу света, падавшему на пол из маленького окошка. В луче отчетливо просматривались летние Пыльники — крошечные зловредные человечки, покрытые сереньким пушком. И живут-то всего два-три дня, но за это время успевают здорово напакостить. Я попробовал заговорить с ними, но они шарахнулись от меня и ринулись по лучу обратно в окошко.

Я поднялся и заковылял туда, где на полу лежал Конан, завернутый в чистое полотно. Надо же, как его запаковали для похорон. Понимают в этом толк, ведьмы. Мы с ним, кстати, всегда

были готовы к подобной неприятности (я имею в виду скоропостижную гибель) и на всякий случай заранее обсудили, кого и как надлежит хоронить. Так, еще год назад мне было поручено закопать безжизненное тело моего друга (буде таковое объявится) вместе с его верным мечом. Теперь я вспомнил тот давний разговор и мысленно дал себе слово проследить за тем, чтобы Гrimнир не наложил свою волосатую лапу на чудесный клинок.

Тело шевельнулось. Я не сразу обратил на это внимание, поскольку был погружен в горестные думы. Однако тело недовольно задергалось, и с этим я был вынужден считаться. Конан приоткрыл глаза.

— Кода... — позвал он меня.

Слезы немедленно потекли у меня по щекам.

— Все в порядке, — сказал я. — Я здесь. Враги уничтожены.

У него дернулся рот.

— Лежи тихо, — сказал я. — Только вот что. Как ты считаешь, кто-нибудь должен знать, что ты живой? Хочешь, я тайно унесу тебя в лес?

Вообще-то я даже поднять его не смог бы, но в тот момент я от радости как-то забыл об этом.

Под стенкой опять свистнули. Я поднял палец и сказал вполголоса:

— Пойду на разведку. Не нравится мне этот свист. А ты лежи, прикидывайся мертвым. У тебя великолепно получается.

Я на цыпочках двинулся к выходу. Проклятая дверь так заскрипела, что все мои предосто-

рожности тут же полетели к черту. Я выругался, помянув кости пророка Фари, и уже не таясь вышел из дома.

У стены я увидел странную компанию. Для начала, там был Гrimнир, так что я рано обрадовался его отсутствию. Он сидел на корточках спиной ко мне и что-то разглядывал. От него во все стороны плыли волны восторга, но что именно привело его в такое расположение духа, я не мог понять.

На шатком чурбачке, прислонившись спиной к стене избушки, сидела замарашка Эрриэз и жадно кусала хлеб, намазанный медом. Мед стекал по ее локтям, и она время от времени обтирала его пальцем, после чего облизывалась. Над Эрриэз летала оса. При виде меда мне стало дурно.

А перед Гrimниром и лесной девчонкой стояло печальное существо с обвисшим носом и уныло опущенными уголками коричневых глаз. Лицо у существа было узкое, как лезвие, спутанные зеленые волосы падали ему на плечи. Я сразу почувствовал, что это нечто вроде гнома, и начал прикидывать, кто из нас двоих могущественнее.

Гrimнир обернулся и в знак приветствия оскалил все свои зубы. Я предположил, что это улыбка, и криво ухмыльнулся в ответ.

— Привет, Кода, — сказала Эрриэз, догладывая свой хлеб.

Я настороженно переводил взгляд с одной сияющей физиономии на другую. Не нравились мне их рожи. Особенно та, гномья. Я пожал плечами.

чами и плотнее завернулся в свой плащ, хотя уже становилось довольно жарко.

— Ну, как там Конан? — спросил Гrimнир. — Спит еще?

Я отмолчался. Эрриэз слезла с чурбачка, потерла затекшую ногу и устроилась в траве. Все трое, включая зеленого гнома, опять склонились над чем-то, что их так восхищало. Я не выдержал и заглянул в их тесный кружок, подсунув голову под локоть Гrimнира. Но ничего толком разглядеть не успел, потому что Гrimнир немедленно ущемил меня своими ручищами и загоготал, помирая от удовольствия.

— Негодяй! — придушиенно заверещал я. — Пусти! Клянусь гневом Зират, Гrimнир, тебе не поздоровится!

Великан хрюкнул и сдавил меня еще сильнее. В глазах у меня потемнело.

— Отпусти его, — произнес тихий, печальный голос. — Не сходи с ума. Ты же все-таки не тролль.

Меня выпустили. Я сел, плохо соображая, и потер помятое ухо. Зеленое существо смотрело прямо на меня, причем смотрело участливо.

— Он вас не поранил? — спросило оно.

Я покачал головой.

— Вы должны его извинить, — произнесло существо и с оттенком легкого превосходства покосилось на Гrimнира. — У великанов отвратительный характер, но в душе они добрые существа.

— Познакомься — это наш травянной, — сказал Гrimнир, указывая пальцем на зеленое соз-

дание. — Дух зеленой растительности. Он редко показывается людям.

И насмешливо присвистнул.

И кто-то свистнул ему в ответ. Я вспомнил, что именно этот звук и разбудил меня.

— Кто это там свистит? — спросил я, и вдруг меня осенила догадка. — Уж не Лагуста ли?

— Она самая! — ответил Гrimнир, с любопытством ползая по мне взглядом. — А ты уже и с Лагустой знаком?

— Я видел ее на болоте, — сказал я. — Зачем вы ее поймали?

— Это подарок герою, — сказал травянной своим унылым голосом. — От благодарных духов Боссонских топей, избавленных им от Чудовища.

Лагуста засвистала расхлябанную кабацкую песенку ветеранов. У нее это здорово получалось.

Она даже фальшивила на тех же нотах, что и Конан. Гrimнир заржал от восторга и принялся тыкать в Лагусту своим корявым пальцем. Послышался плеск, и рыба замолчала.

— Уйди от невинной твари, Один, — сказал травянной. — Ты сам по себе уже стихийное бедствие.

Гrimнир поднялся на ноги и шагнул прочь.

— Тебя же не гонят, — крикнула ему в спину Эрриэз. — Останься. Только рыбу не трогай.

Гrimнир обиженно сказал от порога:

— А мне неинтересно, если не трогать.

И ушел в дом.

— А что, — спросил я травяного, — Конан действительно зарубил эту гадину?

Травяной кивнул и для ясности добавил:

— И весть об этом подвиге разнеслась далеко по лесу. Желтое тело змея разлагается под деревом, и края ран, нанесенных мечом, почернели от яда... Лесной народ хотел приветствовать героя букетом цветов, но, к счастью, я успел остановить это злодеяние. Нельзя убивать траву и зеленые растения. Рано или поздно это закончится гибелью всего живого...

— Чудовище убито, — задумчиво проговорила Эрриэз, — но это только начало. Я не думаю, что Боссонские топи станут когда-нибудь процветающей землей. Отравленная почва не скоро оправится. И людей здесь осталось мало. Те, что ушли, вряд ли вернутся, — добавила Эрриэз.

Лагуста лихо плеснула хвостом в деревянном ведерке. Травяной осторожно прикрыл ее плетеной крышкой, чтобы она не выскочила на траву.

— Как вы думаете, Кода, — спросил он очень вежливо, — герою понравится дар?

— Понравится, — сказал я. — Только вот она не сдохнет, Лагуста Свистящая Рыба? Эрриэз говорила, что Лагусты в неволе дохнут.

Травяной покачал головой, размахивая свисающими на плечи зелеными прядями.

— Эрриэз славная девушка, — сказал он, — только глупенькая. Ни одно существо не сдохнет, если за ним как следует ухаживать и любить его.

Я представил себе, как мы с Конаном топаем по какому-нибудь бурелому, держа в руках вед-

ро с Лагустой. Потом мысленно перенесся в пустыню и понял, что Лагусте не жить.

— Знаешь что, — сказал я, пытаясь перейти с травяным на «ты», — пожалуй, лучше всего будет выпустить ее обратно в болото.

Травяной посмотрел на меня еще более уныло, чем прежде.

— А вы уверены, Кода, что ваш Конан не потребует от нас какого-нибудь иного дара взамен этого?

— Уверен, — сказал я.

— Тогда прощайте. — Травяной наклонился к ведерку и с усилием поднял его за дужку. — Хотят... Еще пару слов?

— Разумеется.

— Вы гном?

Я давно ждал этого вопроса.

— Конечно. Я пустынный гном. Вообще-то я вредитель. Отрава жизни.

Травяной посмотрел на меня словно бы свысока, хотя мы были одного роста. Ясное дело, он тоже считает, будто я «служу» Конану. Хотя мы с киммерийцем просто друзья.

Я почему-то начал оправдываться:

— Он же человек, он пропадет без меня...

Травяной сочувственно кивнул.

— Люди — жуткая обуза, — проговорил он. — И толку от них нет, и бросить жалко.

И, прихрамывая, травяной удалился, унося с собой ведро, в котором весело насвистывала Лагуста.

* * *

Когда мы с Конаном собирались уходить, малышка Эрриэз крепко поцеловала меня в лоб и, не скрывая слез, погладила по затылку. Руки у нее маленькие и сильные. Хорошая девчушка. Я вдруг понял, что привязался к ней.

Конан стоял на вырубке перед избушкой в новом плаще — подарке Гrimнира. Улыбаясь, он жадно всматривался в сплошную стену леса, слегка тронутого осенью. Я видел, что мыслями он уже далеко отсюда. Потом он обернулся к Эрриэз и подумал о ней: «Милая». Замарашка переступила с ноги на ногу, стукнув о порог деревянными башмаками.

— Прощай, Эрриэз, — сказал он и зашагал к лесу.

Я еще раз посмотрел на домик, на девчонку в полосатой юбке, на огромное серое небо, распростертное над ней. Какая она маленькая, эта лесная фея. Вот такая, с пыльными волосами, с исцарапанными руками, с грустными светлыми глазами, которые так редко видят солнце.

Гrimнир усадил ее себе на плечо и, невнятно пробурчав нам доброе пожелание, двинулся прочь. Скоро он скрылся в чаще леса.

— Ну, — обратился я к Конану, — теперь мы наконец можем выбраться к морскому берегу? Одному Сету известно, когда мы сядем на корабль, а я уже начинаю харкать по утрам кровью!

Слепой жрец

ордава, как всякий портовый город, привыкла к чужестранцам. Кто только не ходит по ее улицам! И рослые беловолосые варвары, и верткие купцы из Заморы, и даже грациозные чернокожие аристократы, прибывшие из Черных Королевств с непонятными целями. Смуглые, торопливые зингарцы, исконные жители Кордавы, даже не оборачиваются вслед чужакам.

В определенном отношении это было очень хорошо. Никакое другое место так не подходит, чтобы затаиться, как порт, прибежище множества странных личностей. Но, с другой стороны, привычка местных жителей к экзотике создавала кое-какие проблемы.

И Каваррубиа понимал это как никто другой. Каваррубиа был жрецом бога Посейтониса. Много лет назад явился в Кордаву рослый юноша с иссиня-черной кожей. О его прошлом здесь не расспрашивали, так что не возникло никакой

надобности рассказывать неприятные подробности: о том, как к местному вождю в далеких Черных Королевствах явились работорговцы, как они обменяли на богатый товар десяток детей, благо в детях недостатка чернокожие никогда не испытывали. Не хотелось ему вспоминать и о том, каким сделалось благодаря этим происшествиям его детство. Одни господа сменялись другими; мальчик был красив, но редко задерживался на одном месте надолго.

Едва лишь Каваррубиа подрос, он начал помышлять о побеге. Сперва мысли его не простирались дальше идеи удрать, спрятаться в трюме какого-нибудь корабля или в телеге караванщика и любым способом добраться до родных джунглей. Но затем он начал разрабатывать детали возможного побега и мгновенно столкнулся с трудностями.

И главной была даже не та, что он не представлял себе, где в точности находятся его родные джунгли. Нет. Прожив все сознательные годы среди цивилизованных людей, Каваррубиа незаметно для себя привык к благам, которые способен предоставить человеку большой город. Ему нравились мягкие постели, шелковые одеяла, лампы, заправленные хорошим маслом и горящие ярко, без копоти. А что до пищи, то при одной мысли о том, что на родине придется есть нечто приготовленное на костре, у Каваррубиа начиналась изжога.

И потому план побега постепенно начал видоизменяться. Чёрнокожему юноше следовало уст-

роить свою судьбу по-другому. Он просто обязан отыскать для себя место в городе. В любом городе, лишь бы там имелись каменные строения.

Последним хозяином Каваррубиа был некий торговец шелковыми покрывалами (тот самый, что, сам того не желая, приохотил юного невольника к хорошим тканям). Человек этот торговец был незлой, однако недалекий и в целом скучный. Целыми днями Каваррубиа скучал в лавке. Изредка его посыпали с небольшими поручениями. Когда торговец устраивал у себя приемы, чёрнокожий невольник демонстрировал чудеса изящных манер, прислуживая гостям за столом, а после подавая воду для умывания и полотенца.

Все это никак не могло устроить юношу. Он успел выучиться грамоте не так, чтобы читать исторические или медицинские трактаты, но достаточно для вывесок, этикеток на бочках с вином и небольших писем, преимущественно любовного содержания.

Служанки и девушки-рабыни, которых он иногда встречал, совершенно не вызывали у него интереса. Одно время Каваррубиа пытался понравиться какой-нибудь красоте из числа горожанок, с тем, чтобы влюбившаяся в черного парня девица внесла за него выкуп; но затем отказался и от этой затеи.

Для чего ему жена, которая с полным правом будет помыкать им? Такое же рабство, только у женщины.

И Каваррубиа нашел единственный удобный способ обрести свободу: в один прекрасный день

он отлучился из лавки да так удачно отлучился, что его не нашли ни через месяц, ни через год. Где только не разыскивали Каваррубиа охотники за бежавшими рабами!

Им и в голову не пришло заглянуть в храм Посейтониса в Кордаве. А напрасно. Юноша обретался именно там.

В Кордаве никто не заинтересовался чернокожим, который непринужденно бродил по улицам и глазел по сторонам. Прохожие считали его моряком с какого-нибудь из кораблей, что стоят в порту. В храме Посейтониса, где возносились молитвы к благосклонному божеству, покровителю мореплавателей, юношу встретили довольно приветливо.

Абсолютно невежественный во всех вопросах касающихся религии, Каваррубиа тем не менее произвел на жрецов весьма благоприятное впечатление. Он не проявлял никакой инициативы и лишь внимательно следил за поведением окружающих. Видел, к примеру, что люди подносят статуе божества сосуды с маслом, — тотчас добыл где-то сосуд с маслом и тоже поставил его наряду с прочими. Видел, что молящиеся закрывают голову краем плаща и воздевають руки, — повторял в точности все движения.

Каваррубиа молился так долго, что в конце концов остался в храме один. Большинство почитателей бога уже удалились, жрецы готовились закрыть тяжелые створки храмовых ворот, однако из почтения к благоговейному религиозному чувству странного юноши медлили запи-

рать храм. Наконец один из жрецов приблизился к Каваррубиа и заговорил с ним.

— Кто ты, о странник, что так самозабвенно почитаешь наше любимое божество?

Каваррубиа поднял на него большие темные глаза, увлажнившиеся от переживаний, и произнес:

— Я хотел бы остаться здесь навсегда... Прежде я никогда не видел статуй Посейтониса, но стоило мне взглянуть на этого бога и я мгновенно понял: здесь предназначено мне судьбой место. О, позвольте мне никуда не уходить отсюда! Я мечтал бы жить и умереть у ног этого бога.

Столь внезапно вспыхнувшая вера в душе чернокожего чужестранца вызвала среди жрецов неоднозначное отношение. Большинство, впрочем, полагало, что пренебрегать подобным даром не следует. Если Посейтонис внушил сему юноше такие глубокие эмоции, следовательно, бог сам, лично, выразил желание видеть Каваррубиа в числе своих служителей.

Один или два жреца, впрочем, так и остались при своем мнении: они не сомневались в том, что черномазый попросту мошенник, которому зачем-то понадобилось пересидеть опасное время в храме.

Разумеется, скептики были недалеки от истины: бесследно исчезнув из дома своего хозяина, чернокожий невольник не нашел убежища лучше, нежели каморки для жреческой прислуги позади храма.

Но спустя некоторое время положение вещей изменилось. Каваррубиа действительно обрел се-

бя в религиозном служении Посейтонису. Он даже двигаться и говорить начал как истинный житель Кордавы, жрец почитаемого божества.

Минуло двадцать лет — и вот уже никому в Кордраве даже в голову не приходило усомниться в том, что Каваррубиа был воспитан при храме Посейтониса и с самого юного возраста предназначался в служители этого бога. Необычный для Зингары иссиня-черный цвет кожи, высокий рост и изящное сложение Каваррубиа никого не удивляли. Он выглядел именно тем, кем являлся. Почитатели Посейтониса толпами стекались к этому жрецу, дабы получить от него наставление.

Но однажды произошло несчастье, которое изменило все.

Возвращаясь с длительной прогулки по берегу моря, на подступах к Кордраве жрец совершенно неожиданно для себя столкнулся с вооруженным отрядом. Человек десять всадников с копьями и кривыми мечами преградили ему путь.

Каваррубиа остановился. Ветер трепал его длинные одежды, соленые брызги морских волн долетали до его лица. Начинался прилив. Волны с силой били в скалистый берег, как будто снова и снова пытались проверить его на прочность. Все было здесь знакомо Каваррубиа, все принадлежало Кордраве — и Посейтонису.

— Кто вы такие? — громко окликнул жрец незнакомцев. — Пропустите меня!

Ему не ответили. Всадники быстро окружили жреца. Он огляделся по сторонам, однако отсту-

пать было некуда — разве что прыгать со скалы в море.

Но Каваррубиа не умел плавать и с детства боялся воды. Поэтому он вновь решил обратиться к рассудку тех, кто на него напал.

— Вероятно, вы не знаете, кто я такой, чужеземцы, — заговорил он снова, стараясь сделать так, чтобы голос его звучал спокойно. — Оскорбляя меня, вы оскорбляете бога.

На них и это не произвело впечатления. Один снял с пояса сложенную в четыре раза сеть, раскрутил ее и набросил Каваррубиа на голову. Жрец оказался спутан по рукам и ногам. Всадник соскочил на землю, ловко скрутил Каваррубиа запястья, накинул жрецу на голову мешок и взвалил недоумевающего, испуганного пленника в седло. Отряд помчался прочь от Кордравы.

Каваррубиа ничего не понимал. В его голове проносились тысячи догадок, и все они рассеивались, не успевая даже приобрести законченный вид. Неужели его схватили наконец охотники за беглыми рабами? Маловероятно — бывший хозяин наверняка давным-давно отказался от желания поймать дерзкого негра: расходы на его поимку уже превысили стоимость самого раба, буде он окажется схвачен.

Скачка продолжалась почти бесконечно. Наконец отряд остановился. Каваррубиа к тому моменту был без сознания. С его головы резко сдернули мешок, и солнечный свет ослепил его. Моргая и испуская невольные стоны, жрец по-

пытался осмотреться. Поневоле его охватила дрожь.

Они находились на вершине скалы. Впереди синела цепь Рабирианских гор. Эта скала, похожая на огромный палец, торчащий прямо из песка, выглядела так, словно неведомая сила скручивала и опаляла ее, пытаясь придать ей как можно более уродливый вид.

На кончике «пальца», между «ногтем» — острым скальным гребнем, и «мякотью» — округлой макушкой собственно скалы, — и находился отряд вместе с пленником.

Жреца крепко держали. Впрочем, он и не пытался вырываться. Мысленно он взывал к Посейтонису, но увы — слишком далеко находилась от него сейчас водная стихия. Здесь, среди голых камней, мольбы о помощи, исторгавшиеся из глубины души Каваррубиа, слышал только равнодушный ветер.

Чужаки, как видел теперь Каваррубиа, были откуда-то из Турана: невысокие, плотные, с суровыми смуглыми лицами, как будто вырубленными из камня или вырезанными из плотной породы дерева. Между собой они не разговаривали, равно как не снисходили до бесед со жрецом.

Один из них поднес к губам пленника какое-то питье во фляге. Думая, что это вода, Каваррубиа сделал большой жадный глоток. Его горло обожгло огнем. Он закашлялся и отшатнулся, но чужие руки держали его крепко. Сильные пальцы туранца раздвинули его губы и влили остатки питья насилино.

Задыхаясь, Каваррубиа вынужден был проглотить жидкость. Она пылала в его горле, в его желудке, он весь как будто был охвачен пламенем.

Странное дело.

Теперь он видел мир вокруг себя как будто сквозь темное стекло. Солнце светило тускло, едва пробиваясь сквозь эту непонятную завесу. Лица окружающих расплывались, превращались в какие-то сумеречные пятна.

Его заставили встать на колени, и он подчинился, не раздумывая и не тревожась больше. Все, что беспокоило Каваррубиа, ушло в прошлое.

Он остался наедине со своей судьбой и готов был принять ее, какой бы она ни оказалась.

Один из туранцев встал за спиной у пленника. Он обхватил его голову обеими руками и прижал к себе. Другой поднял иглу — Каваррубиа видел ее раскаленное тускло-красное острье, — и уверенным быстрым движением ввел ее пленнику в зрачок.

Боль была нестерпимой. Каваррубиа закричал, пытаясь вырваться, однако туранец держал его железными руками: пленнику не удалось не то что освободиться — он не сумел даже поменять положение головы.

Ему хотелось плакать, но глаза отказывались исторгать из себя слезы.

Второй, еще уцелевший глаз, успел заметить, как вторая игла надвигается на зрачок...

Затем все исчезло — Каваррубиа потерял сознание.

* * *

Он пришел в себя у подножия скалы, похожей на палец. Он боялся, что упадет, но ощупав вокруг себя руками землю, понял, что туранцы спустили его с «пальца». Видимо, они опасались, что слепец упадет и сломает себе шею.

Каваррубиа не понимал, кто были эти люди и зачем они так поступили с ним. Впрочем, сейчас выяснение причин случившегося бедствия занимало его менее всего. Ему нужно было выбираться к людям.

А произошло самое ужасное. Слепец, калека не может быть полноценным жрецом Посейтониса.

Как может человек давать советы другим людям, если он не видит ни их, ни окружающего мира? Ему необходимо рассматривать лица тех, кто обращается к нему за помощью. Именно в лицах людей Каваррубиа находил ответы. Бог отвернулся от своего верного служителя, позволил негодяям изувечить его.

Гнев начал закипать в груди бывшего жреца. Столько лет он почитал Посейтониса, трудился ради вящей славы этого божества — и все же Посейтонис оставил его, когда помощь сверхъестественной силы была Каваррубиа нужнее всего.

— Я не оставлю тебя, — прозвучал внезапно тихий голос у него в ушах.

Каваррубиа застыл, обливаясь потом от ужаса. Кто с ним говорил? Он не мог понять, откуда доносится голос.

Приподнявшись, несчастный слепец окликнул:

— Кто здесь? Назови себя. Я ничего не вижу — я изувечен...

— Я знаю, что ты изувечен, слепец! — отозвался голос. — Я здесь, рядом. Я внутри тебя.

— Кто ты? — повторил Каваррубиа. Голова у него кружилась и нестерпимо болела, внутри по-прежнему жгло после напитка, которым оглушили его туранцы.

— Я — Сейи, — сказал голос, и в нем прозвучала гордость. — Демоном именовали меня люди в стародавние времена. Я помню эпоху, когда змееногие люди ползали по земле. Они выбирались из моря на берег и здесь, возле скалы, похожей на палец, совокуплялись с самками из своего племени. Здесь же рождались их дети. Они вылуплялись из яиц и ползли к морю на своих коротеньких, слабеньких отростках, а гигантские птицы набрасывались на них с небес и склевывали одного за другим: лишь двое из десятка добирались до моря, а достигали зрелости единицы из сотен... Я помню эти времена, человек!

Потом настали другие годы. Змееногие люди исчезли, на смену им пришли иные существа, и они позабыли обо мне. Но я не забыл о них — я выходил из скалы и ел их, ибо люди для меня лишь скот, который я забиваю, когда голоден.

Много веков назад меня изгнали из этого мира. Лишь в далеком Туране одна книга хранила упоминание обо мне.

Нашлись те, кто захотел меня вернуть. И из Турана прибыли люди, верные мои слуги... Им требовался человек, который занимал бы чужое место и жил бы среди чужаков. И притом достаточно слабый и глупый, а таковых среди преуспевающих жуликов довольно мало.

— Ты называешь меня преуспевающим жуликом? — изумился Каваррубиа.

— Ну а кто ты такой? — с презрением ответил голос. — Ты — бежавший от хозяина раб, который успешно притворяется жрецом Посейтониса...

— Я и есть жрец Посейтониса! — оборвал его Каваррубиа.

Демон внутри него засмеялся. Этот тихий смех царапал грудь Каваррубиа, как будто некий зверь поселился у него за ребрами и теперь рвался наружу, раздирая преграду когтями.

— Если бы ты воистину был жрецом Посейтониса, твой бог не бросил бы тебя на произвол судьбы, — резонно заметил демон. — Нет, Каваррубиа, ты ловко морочил людям голову. Но я демон, меня ты обмануть не в состоянии, ибо я, в отличие от тебя, хорошо вижу истинную суть вещей.

Итак, я продолжаю... Они нашли нужного мне человека и похитили его. Здесь, у священной скалы, где некогда познавали радость совокупления змееноги и где рождались на свет их детеныши, — здесь они посвятили тебя мне.

— Куда они ушли? — спросил Каваррубиа, ходяя. Неожиданно он понял, что, кажется, знает

ответ. И если он не ошибся, то лучше бы ему не слышать, что скажет демон по этому поводу.

Демон, разумеется, не стал давать своему новому служителю поблажки.

— Они никуда не ушли — они здесь, — сказал он и зашелестел так, словно proximity находилась гремучая змея. — После того, как ты стал мною, ты начал мыслить, как я. Перед тобой находился скот, а ты был голоцен — ты утолил голод... Из тех, кто схватил тебя и ослепил по моему приказанию, только один остался в живых. Его зовут Ахемет. Нам следовало бы отыскать его, покуда он не добрался до людей и не рассказал им совершенно ненужные вещи...

— Я не могу идти, — сказал демону Каваррубиа. — Я ничего не вижу.

— Это не имеет значения, — возразил демон. — Я отлично вижу в той темноте, в которую тебя погрузили. Ты не смог бы прозреть, если бы не утратил обычного человеческого зрения. Вставай же и ступай в Кордаву. Ты больше не принадлежишь Посейтонису, потому что ты принадлежишь мне. Что до твоей слепоты, то скоро ты научишься существовать в потемках и передвигаться на ощупь. Ты испытаешь поразительные ощущения, поверь мне!

* * *

Конан прибыл в Кордаву вместе со своим малорослым спутником и сразу же отправился разыскивать подходящий корабль. Странно, но все

суда, что стояли в порту, были переполнены пассажирами. Даже те, что перевозили бочки с маслом и вином, совершенно не приспособленные для транспортировки людей, отказывались брать на борт еще двух человек.

Все это было неспроста и не на шутку встревожило киммерийца. Он решил разобраться что к чему и, вернувшись в портовый кабачок, где обрел временное пристанище, приступил к распросам.

Хозяин был слишком занят, обслуживая посетителей, а моряки поглощены выпивкой и разговорами. Варвар довольно долго искал для себя подходящего собеседника и наконец обрел такого в лице молодой особы, девушки, одетой в весьма вызывающий наряд. Она охотно подсела к варвару и принялась строить ему глазки.

— И — удивительное дело! — даже эта девушка выглядела невеселой и встревоженной. Конан понял, что больше не может оставаться в неведении.

— Расскажи мне, что творится в Кордаве, — попросил он, кладя руку девушке на колено. — Я никогда еще не видел, чтобы в этом городе люди вели себя столь странно.

— Мы боимся, — призналась девушка, отводя глаза.

— Кого вы боитесь?

— Слепого жреца... О нем говорят ужасные вещи, и все они подтверждаются. Некогда это был хороший, всеми уважаемый человек, а затем что-то с ним произошло... Он утратил зрение и

ожесточился. Мы думаем, на него напали разбойники. Но странное дело! Ведь он мог обрести покой в том храме, где служил много лет. Неужели его выгнали бы на улицу? Но нет, он предпочел уйти сам.

Никто не знает, где он живет. Он обитает нигде и повсюду. В любой момент, в любом месте он может выскочить из засады и напасть на человека. Он убивает, не зная пощады. Может быть, потому, что не видит своих жертв...

— А как он убивает? — спросил Конан с таким видом, как будто подобные вещи ему совершенно не в диковину.

Собственно, так оно и было, но на девушку вопрос варвара произвел странное впечатление. Она чуть отстранилась и посмотрела на него с подозрением, как будто увидела перед собой еще одного монстра.

— Он вырывает у живого человека сердце, — тихо проговорила она. — Он умеет проникать в грудную клетку голыми руками. Жертва успевает еще увидеть, как его зубы впиваются в истекающее кровью, дрожащее сердце...

— Откуда ты знаешь? — перебил Конан. Меньше всего ему хотелось, чтобы девушка сейчас принялась рыдать и биться в истерике, а она, кажется, была близка к этому.

— Так рассказывают... Впрочем, его жертв находят повсеместно — с разорванной грудью, без сердца. Они лежат прямо на улице, и на их лицах застыло выражение ужаса. От этого демона не укрыться нигде. Только в храм Посейтониса

он не может зайти, но жрецы затворили ворота и никого к себе не пускают. Они тоже боятся.

Спутник Конана, который сидел рядом и слушал все это безмолвно, затрясся.

— Должно быть, я испугала мальчика, который тебя сопровождает, — с сожалением проговорила девушка. — Прости. Ты задал вопрос, и я сочла своим долгом ответить тебе на него как можно подробнее. Ты новичок в Кордаве, и тебе следует знать, что этот город нужно покинуть как можно скорее, иначе ты подвергнешь себя великой опасности.

— Что ж, — сказал Конан. — Вижу, настроения развлекаться со мной у тебя нет. Ступай, красавица. Найди себе надежный ночлег и не выходи из помещения после наступления темноты.

— Он нападает и днем, — шепнула девушка. — Он может наброситься в любое мгновение...

Она не воспользовалась предложением Конана и не стала уходить, напротив, подсела поближе к варвару и обвила его шею руками.

— Останься со мной, — попросила она. — Ты такой крепкий... С тобой мне надежно.

Конан сказал:

— Хорошо, я принимаю твоё предложение. Проведу ночь у тебя. Но вот тебе два моих условия. Во-первых, ты не будешь визжать, когда увидишь моего спутника без капюшона. И во-вторых, ты не сунешься мне под руку, если демон решит наброситься на меня, а я, в свою очередь, постараюсь его прикончить.

— Я согласна, — нерешительно проговорила девушка. Судя по ее виду, она ожидала услышать совершенно другие условия.

* * *

Девушку звали Мэйда.

Она жила неподалеку от кабачка. Моряки и портовые рабочие приносили ей основной доход. По-своему она любила этих грубоватых людей. Во всяком случае, они никогда ее не обманывали. Не то что тот знатный красавчик, который соблазнил хорошенькую служанку в своем доме, а затем выставил ее за порог. Простые люди — другие. Они честно платят деньги за честные услуги.

Конан ставил Мэйду в тупик. Он не предлагал ей денег и не хотел услуг — он держался с нею так, словно они были настоящими друзьями, единомышленниками. Людьми, которым предстояло вместе совершить некое важное дело. И хоть одет был новый знакомец Мэйды очень просто, он не представлялся ей простолюдином. В нем угадывалось нечто аристократическое. Если только подобное определение применимо к варвару.

Все это наполняло Мэйду гордостью — чувство, прежде ей не знакомое.

Она быстро открыла дверь своей лачуги и запечатлила единственную лампу. Дешевое масло чадило, но неприятного прогорклого запаха не было: Мэйда добавляла в масло немногого ароматиче-

ских смесей. За этим она следила тщательно. Ничто так не говорит о человеке, как запах в его жилище.

Конан осмотрелся по сторонам и остался доволен.

— Ну что ж, пора выполнять первое условие. Кода, снимай плащ. Мэйда, ты обещала не визжать.

Девушке пришлось прикусить себе руку, чтобы не вскрикнуть, когда из-под капюшона вынырнули мохнатая мордочка, огромные уши и гигантские коричневые глаза пустынного гнома.

— Она держится неплохо, — хрипловатым голосом заметил гном.

Девушка еле слышно ахнула: она явно не ожидала, что это жутковатое существо не только наделено разумом, но еще и умеет говорить.

— Знакомься, Мэйда: перед тобой пустынный гном, мой старинный приятель, — представил Конан, ухмыляясь. — Дух разрушения, злой стихии, чумы... я ничего не упустил, Кода?

— Ты упустил почти все, но сейчас это неважно, — пробурчал Кода, усаживаясь на кровать. — Я страшно голоден. Там, в кабаке, ты только выпивку заказывал, а некоторые, между прочим, не употребляют вино в таких количествах. Некоторые, кстати, маленького роста.

— Некоторые ужасно много болтают — и чесчур много едят, — парировал Конан.

Мэйда засуетилась. Бледно улыбаясь, она вытащила из корзинки овощи и несколько кусков

холодной говядины — явно взятые из какого-нибудь кабачка в счет платы.

Ужин прошел почти в полном молчании. Наконец Конан оглушительно рыгнул. Мэйда поморщилась. Конан усмехнулся:

— Извини. Все время забываю, что в Зингаре не принято рыгать. Видишь ли, я путешествую по разным странам, и кое-где мое поведение за столом сочли бы верхом изысканности. В Туране, например.

Девушка содрогнулась всем телом. Конан заметил это и удивленно поднял брови, но промолчал, полагая, что Мэйда пережила какой-то неприятный опыт с туранскими клиентами. Кода, однако, не был столь деликатен и тотчас вмешался в разговор:

— А что это ты подсказываешь? Чем не угодили тебе туранцы?

Мэйда покачала головой, как бы сомневаясь, стоит ли рассказывать об этом, но наконец решилась:

— В порту бродит один туранец, сумасшедший Ахемет... Он-то и рассказал нам о демоне, который вселился в бывшего жреца. Поначалу над Ахеметом смеялись, считали его ненормальным, но затем случилось первое убийство, а после — еще и еще...

— Я должен встретиться с Ахеметом, — решил Конан. — Видимо, ему действительно кое-что известно.

— Ты хочешь убить демона? — недоверчиво спросила Мэйда.

Конан улыбнулся ей широко и уверенно:
— Ну а для чего, по-твоему, я поставил тебе второе условие?

Она неуверенно пожала плечами.

— Ну, я думала... что ты это просто так сказал. Чтобы я пустила тебя в постель.

— Не обижайся, Мэйда, но, насколько я понял, для того, чтобы ты пустила меня в свою постель, нужно всего лишь показать тебе десяток серебряных монет...

— Это правда. — Девушка опустила голову. — Когда-нибудь мне повезет, и я открою собственную харчевню. И другие девушки будут работать на меня. А пока приходится зарабатывать на жизнь.

— Тебя никто не осуждает, — заметил Кода. — Ты сама об этом заговорила.

— Ахемет обычно бродит возле портового рынка, где моряки, у которых очень мало времени, меняют заморские диковинки на еду и выпивку, — сказала девушка. — Думаю, он и ночует там.

— Странно, что демон до сих пор до него не добрался, — сказал Кода. — Быть может, он с демоном заодно, этот Ахемет?

Конан кивнул.

— Такая вероятность не исключена. Следовательно, надлежит уничтожить не только демона, но и Ахемета. Задача как раз для меня.

— Ты обещал провести ночь у меня, — напомнила девушка.

— Я сдержу обещание, — заявил Конан. — А утром отправлюсь на поиски.

* * *

Они ухитрились поместиться втроем на узенькой кровати Мэйды. Девушка почти сразу заснула. Конан смотрел в полумраке на ее худенькое осунувшееся лицо и понимал, что она очень устала. Вероятно, впервые за последний месяц она спит спокойно.

Утро принесло Кордаве новые волнения. Никто не ожидал, что до такого дойдет. Ворота храма Посейтониса по-прежнему стояли крепко запертыми, но к полудню они растворились, и люди хлынули внутрь. С раннего утра слухи бродили самые невероятные, и жрецы сочли за благо просто пустить жителей города внутрь, чтобы те могли увидеть случившееся собственными глазами.

Пятеро жрецов лежали у подножия статуи Посейтониса. Их головы, неестественно отвернутые, плавали в луже крови, раскрытые рты застыли в безмолвном вопле ужаса и боли. Сердца всех пятерых были извлечены из груди, но не съедены, как у прочих жертв, а лишь надкусаны. Следы человеческих зубов на темных комках мяса — мяса, которое еще совсем недавно было средоточием и воплощением чьей-то жизни, — пугали зрителей больше всего. Если прежде демон убивал для того, чтобы есть, то теперь он сделал это для устрашения.

Конан оказался в числе тех, кто вошел в

храм. Он осмотрел ворота и стены: человек, привыкший лазать по горам, преодолел бы такую преграду с легкостью. Опытный глаз горца без труда видел выбоины и уступы на стене, куда можно поставить ногу или где нетрудно ухватиться цепкими пальцами.

По рассказам, демон-убийца слеп. Но слеп он лишь в обыденном смысле слова — у него выжжены зрачки. Что он видит своим демонским зрением? Какие картины открываются ему?

Вид убитых жрецов не слишком впечатлил киммерийца. Ему доводилось наблюдать и более жуткие картины. Он наклонился над мертвецами, рассмотрел раны на их груди и следы зубов на их сердцах. Нечеловеческая сила таилась в пальцах убийцы, который совершил свои преступления только голыми руками.

Конан ушел из храма, сильно разозленный. Из-за отвратительной кровожадной нечисти киммерийцу придется торчать в Кордаве, поскольку все приезжие и все, у кого нашлась хоть малейшая возможность скрыться из города, заполонили все средства передвижения. А Кода, разумеется, будет плакать и страдать, и жаловаться на сырой климат...

Выглядит пустынnyй гном неважно. Ему действительно лучше бы вернуться туда, где много солнца и песка.

Конан решительно зашагал по улицам. Нападения демона он не боялся. Судя по тому, что мерзавец натворил в храме, демон не испытывает сейчас голода и, следовательно, нападет лишь

в том случае, если почувствует угрозу. А выглядит Конан сейчас самым обычным человеком, озабоченным лишь тем, как ему попасть на корабль. Таких людей в Кордаве нынче сотни.

Рынок, о котором говорила Мэйда, представлял собой крытые ряды, где на прилавках были выложены самые разнообразные товары, преимущественно съестное, но также одежда, обувь, оружие и корзины для хранения припасов. Торговцев оказалось совсем немного: вышли лишь самые отчаянные головы, готовые рискнуть жизнью ради наживы. И, поскольку спрос значительно превышал предложение, стоили здесь продукты и платье, даже поношенное, непомерно дорого.

Конан прошелся вдоль рядов, приглядываясь и прицениваясь. На самом деле он ничего покупать не хотел — киммериец высматривал Ахемета. И вскоре его настойчивость была вознаграждена: в темной щели между двумя складскими помещениями мелькнула темная тень. Она жалась к стене и держалась чрезвычайно осторожно — и все же Конан уловил ее движение краем глаза.

Стараясь не спугнуть Ахемета, Конан медленно двинулся в сторону склада. Он задержался у торговца оружием и некоторое время обсуждал с ним достоинства и недостатки кривой туранской сабли, а затем, повинувшись какому-то наитию, киммериец взял эту саблю в руку и пожелал приобрести ее.

Цену за оружие торговец заломил непомерную, и после получаса криков, уходов, возвраще-

ний, битья кулаком о прилавок и угроз поджечь склады, сабля перешла в собственность киммерийца за две золотых монеты.

Конан не стал приобретать для нее ножны, посоветовав торговцу на прощание приберечь сей чехол из твердой воловьей кожи для того, чтобы засовывать туда свою жену, и направился дальше к складу.

Тень никуда не исчезла. Она по-прежнему таялась в полумраке, и Конан хорошо видел это. Он сделал еще несколько шагов и неожиданно прыгнул прямо на спрятавшегося в темноте человека.

Ахемет — если только это был он, — не успел ничего предпринять: тяжелый киммериец крепко схватил его за плечи и сдавил у основания шеи. Тот, кого держал Конан, громко захрипел.

Конан сказал, отчетливо выговаривая каждое слово:

— Если ты попробуешь ударить, я догоню тебя и убью.

— Я понял, — прохрипел человек.

Конан убрал руки. Неизвестный остался стоять на месте.

— Это твоя сабля? — спросил киммериец, показывая на только что купленное оружие.

Человек кивнул.

— Я продал ее за пять серебряных...

— Теперь она моя за два золотых, — перебил Конан. — Впрочем, я верну ее тебе бесплатно если ты согласишься помочь мне, туранец.

— Говори! — горячо произнес Ахемет. — Я твой.

Конан беспечно отдал ему саблю и спросил:

— Где ты живешь? Мне хотелось бы побеседовать с тобой без помех...

Ахемет привел своего нового приятеля в настоящую нору, которую туранец прокопал для себя в горах мусора. Воняло здесь чудовищно, однако по-своему Ахемет был прав: никому и в голову не пришло бы разыскивать здесь человека, которому охота скрыться от посторонних глаз.

— Я не приглашаю тебя войти, — сказал Ахемет. — Можно поговорить и здесь. Сюда никто не ходит.

— Их можно понять, — проворчал киммериец. — Запах ужасный.

— Некоторые звери валяются в падали, чтобы отбить свой естественный запах и тем самым сделаться невидимыми для врагов, — заметил туранец.

Он не выглядел сумасшедшим, этот Ахемет. Конан не вполне понимал, с чего это добрые жители Кордавы дружно вообразили, будто туранец лишился рассудка.

— Неглупо придумано, — сказал Конан. — Как ты попал в Кордаву? Говори мне все прямо и без утайки. У меня свои причины, однако я хочу помочь.

— Нас было десять, — начал Ахемет, тоскливо блуждая глазами вокруг себя и избегая встречаться взглядом с Конаном. — Мы служили в доме великого военачальника. Он вырастил нас

воинами своей личной стражи. И однажды он призвал нас к себе и объявил, что мы — избранные, что он предназначил нас для подвига, равного которому не совершал ни один человек. В древней книге, так он сообщил нам, он вычитал историю демона Сейии, покровителя змееногих людей. Сейии был изгнан из мира, но не погиб, потому что подобные сущности никогда не погибают. Нужно лишь суметь вызвать его. И он рассказал нам, что надо делать. Когда Сейии войдет в свою полную мощь, он поможет нашему господину обрести власть над всей Хайбореей!

Мы были горды тем, что нам доверено такое важное поручение. Мы поскакали в Кордаву, хвалясь друг перед другом. Мы гадали, каким будет наше будущее после того, как наш господин станет владыкой Хайбореи, и каждому из нас это будущее представлялось превосходным.

Мы отыскали подходящего человека и сделали с ним все, что нам было велено. И демон Сейии явился. Он вселился в тело этого человека, подобно тому, как крестьянин входит в дом, который сам для себя построил. И когда Сейии очнулся от долгой спячки, он был очень голден. Он убил всех моих товарищев и съел их сердца, а я видел, как это происходит. Затем Сейии насытился и заснул. Пока он спал, я бежал...

Я хотел предупредить людей о появлении демона, но меня не слушали. Дети бросались в меня черепками битой посуды и гнилыми плодами, женщины смеялись, а мужчины пытались

травить собаками, когда я стучал в ворота их домов и кричал, стоя на улице, о грядущей опасности. Они называли меня сумасшедшим! Но я был неприятный сумасшедший, мне не давали даже милости, и потому, когда закончились мои деньги, я продал саблю.

— Что ж, когда ты получил назад свое оружие, — сказал Конан, — ты можешь снова чувствовать себя полноценным человеком. Поверь, я знаю, каково это — лишиться острой полоски стали, что так чудесно смотрится на поясе.

Ахемет благодарно улыбнулся своему собеседнику.

— Но ты не объяснил мне одного, — продолжал Конан, — почему Сейии не убил тебя? Ведь ты для него опасен — ты слишком много знаешь...

— Это потому, что я очень дурно пахну, — сказал Ахемет. — Нет ничего проще. Сейии живет в мире осязания и запахов. Он слеп и передвигается, полагаясь на совершенно другие органы чувств, нежели мы, обычные люди. Для того, чтобы эти органы чувств открылись и начали служить своему повелителю, потребовалось ослепить беднягу Каваррубиа... Видишь, я даже узнал имя нашей жертвы!

— Да, на такое способен только очень совестливый убийца, — вставил Конан. И поспешно добавил: — Прости, я не хотел насмехаться. Это вырвалось само собой. Продолжай, умоляю! Мне очень важно любое твое наблюдение.

— Я узнал об этом случайно. В тот день меня облили помоями прямо из окна. Какая-то добро-

сердечная хозяйка выплеснула ведро мне на голову, когда я стоял возле ее дома и умолял поверить в то, что я говорю правду и опасность, страшная смертельная опасность, уже приближается к воротам Кордавы.

Он явился в город спустя час. Я увидел его издалека. Чернокожий, очень высокий, с гибкими руками и отогнутыми назад прямыми плечами. Красивый человек. По-своему очень красивый. Его белые глаза смотрели прямо перед собой. Он шел медленно, чуть раздвинув в стороны руки и растопырив пальцы, как будто ощупывая воздух.

Моя «благодетельница» как раз вышла из дома за покупками. На ее локте болталась корзина, глядела она воинственно и победоносно. Завидев меня, женщина крикнула: «Ты все еще здесь, попрошайка? Убирайся! Уходи от моего дома с твоими дурацкими страхами! Нечего пугать моих детей, да и меня тебе не застращать. Здесь тебе ничего не подадут. Я не намерена прикармливать отвратительных безумцев. Для тебя будет лучше, если ты скорее издохнешь». Выпалив это напутствие, она зашагала по улице.

Каваррубиа раздул ноздри и двинулся за нею следом. Он перемещался очень быстро, хотя и не бежал. Женщина не обратила на него внимания. Ты ведь заметил уже, что в Кордаве не принято глязеть на чужестранцев — здесь таковых полным-полно... Когда Каваррубиа настиг ее, я уже понял, что сейчас произойдет. Он просунул руку прямо ей в грудь и с силой выдернул пальцы на-

ружу. На его ладони подпрыгивало еще живое сердце. Женщина взглянула на это, изо рта ее хлынули потоки алои крови, и она повалилась на мостовую, а корзина выпала из ее руки.

Я стоял и смотрел, как Каваррубиа, давясь и хрюкая, пожирает сердце. Но больше всего меня поразило не зрелище этого чудовищного убийства. В конце концов, я же видел, как Сейи убивает моих товарищей, одного за другим! Нет, я был потрясен другим: слепой жрец меня не заметил! И тогда я понял, как следует от него прятаться.

Я стал кричать об этом, желая предостеречь жителей Кордавы. Но и здесь они мне не поверили, и многие поплатились жизнью за свою гордость и за то, что видели во мне лишь безумца, «спящего Ахемета»...

— Итак, он не замечает тебя, если от тебя разит помойкой, — проговорил Конан. — Весьма ценное наблюдение.

Он хлопнул Ахемета по плечу.

— Ты настоящий воин и истинный человек, и я благодарен тебе. Меня зовут Конан из Киммерии. Позволь мне теперь войти в твой дом и пропитать свою одежду и волосы чудесным зловонием, коего здесь у тебя водится в изобилии.

* * *

Демон Сейи с каждым днем чувствовал, как растет его сила. Тело слепого жреца подчинялось его повелениям. Это было хорошее тело, крепкое и ловкое. Даже немного жаль, что при-

дется видоизменить его, а, возможно, и уничтожить. Впрочем, в человеческом материале у Сейи никогда не возникало недостатка.

Демона немногого тревожило то обстоятельство, что последний из тураницев, проводивших обряд, до сих пор где-то скрывается от расправы. Ахемет слишком многое знает. Если он найдет себе подходящих союзников, то одному лишь Сету известно, каких бед может он натворить!

Впрочем, до разговоров с Каваррубиа, чей разум до сих пор сохранялся в теле наряда с разумом демона, Сейи уже почти не снисходил. Слепой жрец был покорной марионеткой в руках демона. Он мог сколько угодно тяготиться своей ролью, чувства самого Каваррубиа не имели больше никакого значения.

Лишь однажды Сейи заговорил с ним вновь:

— Скажи мне, человечек, — прозвучал в уме Каваррубиа тихий голос демона, — когда ты притворялся почитателем Посейтониса, что ты чувствовал?

— Я не притворялся, — ответил Каваррубиа, — я действительно искренне чтил это божество.

— Или думал, что искренне чтишь, — хихикнул демон. — А знаешь ли ты, почему ты оказался столь удобным вместилищем для меня?

— Твои подручные объяснили мне это, — горько ответил Каваррубиа.

— И ты им поверил? — настойчиво повторил вопрос демон.

— Почему я должен был не поверить им? Это прозвучало довольно убедительно. Особенно ес-

ли учесть, что мое божество меня оставил и предало в их руки...

— Главная причина заключалась в том, бедный мой человечек, что ты происходишь из племени кварубо, — сказал демон, торжествуя. — Это я указал им на тебя. Я внушил им мысль взять тебя в качестве вместилища для великого Сейи! Твое имя — лишь искаженное название твоего племени: У тебя даже имени нет, тебе это известно?

— Теперь — да, — сказал Каваррубиа. — Впрочем, какое это имеет значение, коль скоро я потерял не только имя, но и самую мою жизнь!

— Тут ты, пожалуй, прав. — Голос демона зазвучал задумчиво, но вскоре в нем вновь появились глумливые интонации. — Твой народ поклонялся змееному божеству — одному из своих предков... Одному из тех, кто увидел свет здесь, у скалы, посвященной мне, великому Сейи! Ты с рождения принадлежишь мне, Каваррубиа, — точнее, маленький кварубо: называть тебя так будет вернее.

— Значит, это моя судьба, — прошептал слепой жрец. Он не мог заплакать и проклинал своих врагов за то, что они отобрали у него величайший дар богов человечеству — слезы.

* * *

Мэйда, дрожа, стояла посреди улицы. Она согласилась помочь варвару в его затее. Конан заверил ее в том, что опасности нет никакой, и

Кода многократно подтвердил слова своего друга. Мэйда и сама понимала, что может доверяться киммерийцу. И все же совладать со страхом была не в силах.

Конан не осуждал ее. Довольно и того, что она вышла ночью на улицу и осталась там на долгое время, как бы нарочно подманивая к себе демона. С точки зрения киммерийца, поступок этой девушки иначе, как мужественным, не назовешь.

Кода сидел рядом на крыше. Его глаза светились в темноте двумя бледными огоньками. Время от времени Мэйда посматривала в сторону гнома, и ей делалось легче. Она понимала, что не одна.

Черная тень передвигалась с поразительной быстротой. Она как будто не шла, а ползла по земле. Конан, который стоял за спиной Мэйды (девушка испытывала такой ужас, что даже не обращала внимания на запах, исходивший от киммерийца), разглядел в темноте странную особенность надвигающейся на них фигуры. Вместо ног у слепого жреца были две огромных змеи. Приподнявшись на хвостах, они стремительно двигались вперед, оставляя в пыли извилистый след.

— Не бойся, — одними губами, еле слышно проговорил Конан в ухо Мэйде.

А рожа, она прижалась к стене. Миг — и слепой жрец уже был возле девушки. Длинная черная рука метнулась к ее груди... но киммерийский меч оказался быстрее. Мэйда успела ощутить слабое прикосновение подрагивающих черных

пальцев, и это прикосновение наполнило ее ужасом и отвращением. Однако она помнила свое обещание — не путаться под ногами у варвара, когда тот вступит в битву с монстром, — и потому осталась на месте. Она только зажмурила глаза — зажмурила изо всех сил.

Сверкнувшее лезвие перерубило кисть руки, и та, лихорадочно сжимаясь и разжимаясь, упала к ногам Мэйды. Девушка не видела этого и потому не пошевелилась. Кисть несколько раз ухватилась пальцами за пыль, а затем затихла, судорожно сжатая в кулак. Вокруг нее медленно вырастало кровавое кольцо.

Слепой жрец беззвучно раскрыл рот, но ни звука не вырвалось из его горла.

Внутри Каваррубия звучал вопль. Он тянулся бесконечно — вопль невероятной моци и безграничного отчаяния. То кричал, изнемогая от гнева и боли, сам демон Сейи. Каваррубия ощущал его боль, но как бы сквозь толщу, издалека: словно на его кожу надавили тупой стороной ножа, не причиняя серьезного ущерба.

Слепец не мог видеть своей отрубленной руки. Но крики демона заглушали все.

— Замолчи! — не выдержал Каваррубия. — Ты убиваешь меня!

Демон оборвал вопль и метнулся вперед. Конан был настороже — он отскочил в сторону, сделал обманное движение, а затем подал сигнал кому-то быстрым движением головы.

На плечи демона обрушился град камней, которые метал маленький Кода. Пустынный гном

призвал себе на помощь ветер, и потому камни летели с удвоенной силой.

Демон не стал уворачиваться от этих ударов, рискуя потерять равновесие. Он терпеливо сносил их, как громадная лошадь терпит укусы кровососущих насекомых. Сейи бесцкоило другое: он никак не мог разглядеть своего врага.

Девушка, у которой он хотел вырвать сердце, по-прежнему стояла на месте, очень испуганная, но целая и невредимая. А кто-то скрытый продолжал угрожать оружием.

Каваррубиа услышал яростный шепот своего двойника:

— Ты должен его увидеть!

— Я слеп, — напомнил жрец. — Ты сам сделал меня таким.

— Хватай воздух руками, ищи его! — настаивал демон. — Ты теряешь кровь, а вместе с кровью уходят твои силы. Я не смогу долго подкармливать тебя своей магической мощью. Через несколько минут ты упадешь.

— Я съел столько человеческих сердец, — горько ответил Каваррубиа, — неужто я не обладаю достаточной силой для того, чтобы выстоять?

— Ты не понимаешь происходящего! — завопил Сейи.

В этот миг Конан изловчился и вонзил острие меча в одну из змей. Сейи испустил страшное щипение. В ушах Каваррубиа затрещала погремушка гремучей гадины. Она была такой громкой, что слепцу показалось, будто сейчас он сойдет с ума.

Сейи беспомощно рванулся вперед, но меч, пригвоздивший змею к земле, держал ее крепко.

— Ахемет! — прокричал Конан.

Киммериец схватил Мэйду за плечо и оттолкнул назад, подальше от боя. Теперь в девушке больше не было надобности, и она могла скрыться. Но Мэйда не решилась бежать. Она как будто опасалась, что за поворотом ее подстерегает еще один демон, страшнее первого. Девушка просто отошла на небольшое расстояние и широко распахнула глаза. Казалось, она парализована ужасом и не в силах сделать больше ни шагу.

Второй невидимый для демона противник атаковал его, как почудилось Сейи, из пустоты, и вторая змея испустила громкое предсмертное щипение, когда кривая туранская сабля перерубила ее извивающееся тело у самого основания шеи.

Каваррубиа корчился, упав на землю. Сам слепой жрец по-прежнему не испытывал боли, но крики агонии, наполнявшие его сознание, причиняли ему не меньшее страдание, нежели сама агония. Демон Сейи должен был вновь уйти в небытие — и пребывать в пустоте, там, где не существует ни времени, ни пространства, до тех самых пор, пока еще какой-нибудь человек не отыщет затерянную в Туране книгу и не привозят Сейи в мир людей.

Конан вместе с Ахеметом приблизился к упавшему жрецу. Внезапно они встретились взглядом со слепыми глазами и оба одновременно вздрогнули: как им показалось, чернокожий жрец видел их!

— Но этого не может быть, — прошептал Ахемет, — мы ослепили его... Раскаленные иглы вошли прямо в сердцевину его зрачков!

Демон оставил тело Каваррубиа. Его разум наполнился тишиной и покоем. Умирающий лежал на мягкой пыли. Рядом ощущалась теплая, нагретая дневным солнцем и медленно остывающая стена. Прямо над жрецом стояли два человека, и Каваррубиа мог рассмотреть их лица. Правда, они пропадали перед ним как бы сквозь темную туманную дымку, но тем не менее ему удалось воспринимать очертания их лиц. Глаза обоих блестели. Один скалился, другой, напротив, стискивал зубы и сдвигал брови: ему крепко не нравилось происходящее.

Каваррубиа попробовал заговорить — и не без удивления услышал со стороны собственный голос, радость, которой он был лишен уже очень долгое время.

— Книга... — прошептал умирающий жрец. — Нужно уничтожить книгу...

Ахемет наклонился над ним, коснулся рукой его лба, покрытого холодной испариной.

— Каваррубиа, — окликнул умирающего Конан.

Бледные глаза медленно повернулись в орбитеах.

Киммериец присел рядом на корточки.

— Ты видишь нас?

— Да, — прошептал Каваррубиа. — Хвала Посейтонису, ваши лица будут тем последним, что я увижу перед смертью.

— Ты стал жертвой коварства и злобы, — сказал Ахемет торжественно. — Ты уходишь из нашего мира оправданным.

— Вы освободили меня... — Каваррубиа начал хрипеть, но все же успел еще добавить несколько слов, и Конану пришлось сильно напрячь слух, чтобы разобрать их: — Посейтонис все-таки меня не оставил. Может быть, мой бог оказался слабее древнего змееногого демона, но в конце концов он нашел орудия своей воли среди людей.

И опустив веки, Каваррубиа замолчал навсегда.

* * *

Весть о том, что демон уничтожен и слепой жрец упокоился с миром, разнеслась по городу за остаток ночи. Пустынnyй Кода ликовал: скоро паника прекратится, люди перестанут рваться прочь из Кордавы, и тогда можно будет найти себе местечко на корабле.

Конан не спешил покидать город. Он решил подождать немного, чтобы удалось сесть на корабль получше. Незачем трястись в трюме среди вонючих бочек, решил он. После хитрости, к которой прибегли они с Ахеметом, желая сделаться для демона невидимыми, киммериец с какой-то болезненной яростью беспокоился о чистоте и благовониях.

Он накупил целую гору ароматических масел на деньги, которые торжественно вручили спасителю города правители Кордавы. Часть денег

Конан передал Мэйде, и та смогла наконец осуществить свою мечту о собственной харчевне.

Она купила дело у разорившегося харчевника и принялась наводить в доме порядок. Вывеска теперь была другой: вместо старой, облупленной, с изображением красавицы верхом на бочке, появилась новая: змееногий демон, улепетывающий от полуобнаженной девушки. Девушка имела сходство с Мэйдой.

Все это должно было прибавить заведению популярности.

Конан, его новый приятель-туранец и Пустынный Кода поселились в харчевне, хотя отдельные работы в доме все еще продолжались. Мэйда совершенно преобразилась. Из робкой замашки она сделалаась властной, знающей себе цену дамой. И при том — дамой, которая чрезвычайно любила покушать, так что к концу месяца Мэйда уже приобрела упругость плоти, которая грозила — если, конечно, девушка не прекратит свои опыты по части кулинарии — перейти в полноту.

Кода целыми днями бродил по порту, высматривая подходящий корабль. Пустынного гнома уже знали — и никто не оборачивался ему вслед, такой уж это город, Кордава! Однажды, как показалось Коде, он нашел отличное судно, но Конан забраковал идею Коды плыть в рас светные страны.

— Не хотел тебя огорчать, дружище, но нам предстоит отправиться совершенно в другую сторону. И, боюсь, не морем, а снова сушей.

— Я ненавижу воду, просто хочу поскорее выбраться отсюда, — заявил Кода и насторожил уши: — У тебя изменились планы?

— В принципе, да, — кивнул киммериец. — Я намерен завершить одно дельце...

— И куда мы поедем завершать это дельце? — спросил Кода с безнадежностью в голосе. Гном уже догадывался, о чем пойдет речь.

— Как — куда? — вмешался Ахемет, сверкая белоснежными зубами на смуглом лице. — Разумеется, в Туран! Там остался мой прежний господин — и книга, полагаю, тоже осталась у него. Если мы не уничтожим самый источник знаний о демоне, значит, всегда будет оставаться опасность, что демон возродится

— В Туран так в Туран, — вздохнул Кода — Надеюсь, пустыня там есть?

— В крайнем случае мы привезем туда песок и сделаем для тебя маленький безводный оазис посреди моря зелени и влаги, — обещал киммериец под оглушительный хохот Ахемета.

СОДЕРЖАНИЕ

Дуглас Брайан Забытые богини	5
Ақвилонский странник	125
Чудовище Боссонских топей	246
Слепой жрец	353

ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ !

КОНАН
КЛУБ

197022, Санкт-Петербург
а/я 125

Электронная почта:
sz-press@peterlink.ru

издательство
«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

представляет в

«ЗОЛОТОЙ СЕРИИ
ЯПОНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

**ВОЛШЕБНАЯ
ЯПОНИЯ**

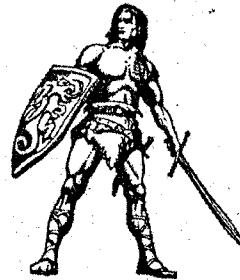

КНИГИ ИЗДАТЕЛЬСТВА

«СЕВЕРО-ЗАПАД ПРЕСС»

ВЫ МОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ В ФИРМЕ

«АСТ»

По вопросам покупки книг
обращаться по адресу:

г. Москва, Звездный бульвар, 21, 7-й этаж.

Тел.(095) 215-4338; (095) 215-0101; (095) 215-5513

Или заказать по адресу:
107140, г. Москва, а/я 140

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ **буква**

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 176, стр. 2 (Му-Му), т. 687-45-86
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «ВДНХ», проспект Мира, владение 117
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Медведково», XL ТЦ Мытиши, Мытиши,
ул. Коммунистическая, 1
- м. «Новослободская», 26, т. 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56,
4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., 89,
т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1,
3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», Химкинский б-р, 16/1, т. 497-32-49
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская площадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1,
т. 161-43-11

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Книги АСТ на территории Европейского союза у нашего
представителя: «Express Kurier GmbH» Tel. 00499233-4000

Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, 18, т. (8182) 65-44-26
- Белгород, пр. Хмельницкого, 132а, т. (0722) 31-48-39
- Волгоград, ул. Мира, 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Малышева, 42, т. (3433) 76-68-39
- Калининград, пл. Калинина, 17/21, т. (0112) 65-60-95
- Киев, ул. Льва Толстого, 11/61, т. (8-10-38-044) 230-25-74
- Красноярск, «TK», ул. Телевизорная, 1, стр. 4, т. (3912) 45-87-22
- Курган, ул. Гоголя, 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Ленина, 11, т. (07122) 2-42-34
- Курск, ул. Радищева, 86, т. (07122) 56-70-74
- Липецк, ул. Первомайская, 57, т. (0742) 22-27-16
- Н. Новгород, ТЦ «Шоколад», ул. Белинского, 124, т. (8312) 78-77-93
- Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, 15, т. (8632) 35-95-99
- Рязань, ул. Почтовая, 62, т. (0912) 20-55-81
- Самара, пр. Ленина, 2, т. (8462) 37-06-79
- Санкт-Петербург, Невский пр., 140
- Санкт-Петербург, ул. Савушкина, 141, ТЦ «Меркурий»,
т. (812) 333-32-64
- Тверь, ул. Советская, 7, т. (0822) 34-53-11
- Тула, пр. Ленина, 18, т. (0872) 36-29-22
- Тула, ул. Первомайская, 12, т. (0872) 31-09-55
- Челябинск, пр. Ленина, 52, т. (3512) 63-46-43, 63-00-82
- Челябинск, ул. Кирова, 7, т. (3512) 91-84-86
- Череповец, Советский пр., 88а, т. (8202) 53-61-22
- Новороссийск, сквер им. Чайковского, т. (8617) 67-61-52
- Краснодар, ул. Красная, 29, т. (8612) 62-75-38
- Пенза, ул. Б. Московская, 64
- Ярославль, ул. Свободы, 12, т. (0862) 72-86-61

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Справки по телефону:

(495) 615-01-01, факс 615-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя
около 50 издательств и редакционно-издательских объединений,
предлагает вашему вниманию более 20 000 названий книг самых
разных видов и жанров.

Мы выпускаем классические произведения
и книги современных авторов.

В наших каталогах — интеллектуальная проза,
детективы, фантастика, любовные романы,
книги для детей и подростков, учебники, справочники,
энциклопедии, альбомы по искусству,
научно-познавательные и прикладные издания,
а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Беррис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дацкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Издательская группа АСТ

129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10

E-mail: astpub@aha.ru <http://www.ast.ru>

Книги издавательской группы АСТ вы сможете заказать
и получить по почте в любом уголке России. Пишите:

107140, Москва, а/я 140

Звоните: (495) 744-29-17

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный
тел. 8-800-200-30-20

Литературно-художественное издание

Брайан Дуглас

КОНАН И СЛЕПОЙ ЖРЕЦ

Руководитель проекта *Дмитрий Ивахнов*

Составитель *Андрей Мартынов*

Серийное оформление: *Дмитрий Вяземский*

Верстка: *Ирина Федорова*

Технический редактор *Валентин Успенский*

Корректор *Светлана Митина*

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.001056.03.05 от 10.03.2005 г.

ООО «Издательство АСТ»
170000, Россия, г. Тверь, пр. Чайковского, д. 19А, оф. 214

Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

Издательство «Северо-Запад Пресс»
190121, г. Санкт-Петербург,
Наб. кан. Грибоедова, 148-150, пом. 5Н, лит.А
conan@sp.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

САГА О КОНАНЕ

КОНАН И СЛУГА УМЫА	61	КОНАН И АНК ЗВЕРЬ	65	КОНАН И ОБИТЕЛЬ ДРАКОНОВ	66	КОНАН И НАСЛЕДИЕ МЕРТВЫХ	67	КОНАН И ЗАКАТ АРИОСА	68	КОНАН И ЛЛАВ ПЕЧАТЬ	69	КОНАН И ТАНЦ ПУСТОТЫ	70	КОНАН И МОСКАЛЬСКИЙ МРАКА	71	КОНАН И ТОЛОС КРОВИ	72
КОНАН И ТЕНЬ БЕТТА	73	КОНАН И ПРИЧИ ЗАИГРАВЫ	74	КОНАН И ЖЕЛУДНИКИ ПУСТОТЫ	75	КОНАН И ДУХИ ГОР	76	КОНАН И СОСНОВЫЕ СТАРИНЫ	77	КОНАН И ИВОВЫЙ КУЗОК	78	КОНАН И УМИЩА ЧЕЛОВЕКА	79	КОНАН И СЕСНОВЫЕ МОРЕЯ	80	КОНАН И ПУТЬ ГЕРОЕВ	81
КОНАН И БЛАДКА АГСА	82	КОНАН И БОРЬБА НАГИВИКА	83	КОНАН И АДИОН ЗАРЫ	84	КОНАН И ПЛАМЕ БОХМЕДА	85	КОНАН И ГРЮ ВЕДЫ	86	КОНАН И ЧЕСТЬ ИМПЕРИИ	87	КОНАН И МЕСТЬ ВЕЛА	88	КОНАН И КАМЕНЬ ЖЕЛАНИЙ	89	КОНАН И ВОЛЧЬ БАШНЯ	90
КОНАН И КАРТА ВАВРА	91	КОНАН И СОМПЕТ МАЛА	92	КОНАН И БОМБАР ПАНТЕРА	93	КОНАН И АДИОН ДЕМУРИЯ	94	КОНАН И ХРОСТЬ ТИТАНОВ	95	КОНАН И ТАИНС ПЕСКОВ	96	КОНАН И РАВ ДАИСМАНА	97	КОНАН И ПОД СОБЫТИЯМИ	98	КОНАН И ТАРИ КОЛДИН	99
КОНАН И ЕВРО ХАИЗОРИН	100	КОНАН И ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ	101	КОНАН И БЕЛЫЙ РОК	102	КОНАН И ПЛАТОМ СИА	103	КОНАН И РОГУЛ ЛУНЫ	104	КОНАН И АЛЫ СТИНИ	105	КОНАН И ТЕМНЫЙ ОБОПИНК	106	КОНАН И КАМЕНЬ АСУРЫ	107	КОНАН И СЛА ВОЛНН	108
КОНАН ИЩИТ ВЕНДЫ	109	КОНАН И АНК АЗЕРОНА	110	КОНАН И МИРОВЫЙ ОСТРОВ	111	КОНАН И ДЕМОНЫ СТИНИ	112	КОНАН И ЧАРДИН ЮГА	113	КОНАН И УДИЧИ КАМЕНЬ	114	КОНАН И КРАСНО МЯССО	115	КОНАН И ГЛАЗ ПЛУКА	116	КОНАН И ЦЕЛЬ СОВОКУС	117
КОНАН И ФОНТАН ЖИЗНИ	118	КОНАН И РИКА ЗАБЫВШАЯ	119	КОНАН И ДОЛМАНА ДИКАРЯ	120	КОНАН И ЗЕМЛЯ ПРИКАДОВ	121	КОНАН И ОБАКУ СМЕРТИ	122	КОНАН И СЛЯЮ ЖРУД	123						

ISBN 5-17-036863-1

9 785170 368631